ISSN 2312-0312

ФИННО-УГРОВЕДЕНИЕ

1.2014



ФИННО-УГРОВЕДЕНИЕ, 2014, № 1

Научный журнал
Основан в феврале 1994 г.
Выходит 2 раза в год

Редакционная коллегия:

К.Н. Сануков (*главный редактор*)
С.С. Сибатрова (*зам. главного редактора*)
Т.Л. Молотова (*отв. секретарь*)
Л.Е. Кириллова
С. Лаллукка
Н.Ф. Мокшин
И.И. Муллонен
Т.Б. Никитина
Э.И. Пекшеева
А.Н. Ракин
Л.С. Христолюбова

Мнения, высказываемые в материалах журнала,
не обязательно совпадают с точкой зрения редакции

© МарНИИЯЛИ им. В.М.Васильева, г. Йошкар-Ола

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

Ракин А.Н. Генезис лексики рыболовства в коми языке 3
Цыпанов Е.А. Существительные *pluralia tantum* и соответствия им в финно-угорских языках 13
Горинова Н.В. Малые формы драмы в творчестве Г. Юшкова 1990-х годов 21

СООБЩЕНИЯ

Эрцикова Г.А. Частицы тюркского происхождения в марийских диалектах 33
Мамаева М.Н. Сюжеты, мотивы и образы рекрутских песен: рекрутские песни-уведомления 42
Акишков А.Г. Этнолингвистическая антимония марийских эпиграфических памятников XIX–XX веков 52

ПЕРСОНАЛИИ

Лаврентьев Г.И. К 100-летию со дня рождения Н.Т. Пенгитова. 57
Сажина С.А. К юбилею Т.И. Жилиной 60
Требушкова О.А. К юбилею Анатолия Степановича Патрушева 64
Мишиахметова Т.Г. Людмиле Степановне Христолюбовой – 75 лет. 69

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Молотова Т.Л. Рец.: Черных А.В. Голева Т.Г., Щукина Р.И. Марийцы Пермского края: очерки истории и этнографии. 2-е изд., испр. и доп. – Пермь: ОТ и ДО, 2013. – 530 с., ил. 73
Ерошкин Ю.В. Рец.:Турубанов А.Н. Строительный комплекс Республики Коми в XX веке: Монография / А.Н.Турубанов; отв. ред. В.И. Коротаев. – Сыктывкар: КРАГСиУ, 2012. – 267 с..... 79
Сергеев О.А. Рец.: Мустаев Е.Н. Сопоставительное языкознание. Русский и марийский языки: Учебное пособие. – Йошкар-Ола: МарГУ, 2013. – 396 с..... 82
Григорьева Л.Я. Рец.: Гаврилова В.Г. Марийско-русский билингвизм: переключение и смешение кодов. – Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2014. – 212 с..... 85
Харитонова А.М. Рец.: Терминосистема восточных финно-угорских языков: современное состояние, проблемы и перспективы развития: материалы регион. науч.-практич. конф., посвящ. П.С.Шишканову / редкол.: М.В.Мосин (отв. ред.) [и др.]. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2013. – 116 с..... 89

ХРОНИКА

Куклина Э.В. 10-летие Общественного Марийского центра в Пермском крае и мероприятия, связанные с юбилейной датой 94
Садовин И.Г. Хроника научной и культурной жизни финно-угорских народов за 2012–2013 годы 98
Памяти Юрия Алексеевича Калиева 123
Сведения об авторах 125

«Финно-угроведение», 2014, № 1

СТАТЬИ

Анатолий Ракин
Сыктывкар

ГЕНЕЗИС ЛЕКСИКИ РЫБОЛОВСТВА В КОМИ ЯЗЫКЕ

Рыболовство, как и охота, представляет собой один из важнейших компонентов материальной культуры. Для населения, проживающего на территории Республики Коми, находящейся далеко от морей и океанов, характерно озерно-речное рыболовство. Лексические средства коми языка, предназначенные для номинации объектов данной сферы хозяйственной деятельности, образуют самостоятельную систему и относятся к основному словарному фонду. Ядро этой системы составляет исконный фонд обозначений, сложившийся на протяжении многих тысячелетий.

В составе исконной лексики рыболовства, как и в других отраслях словарного запаса, различаются древний (допермский, общепермский, пракоми) и поздний (собственно коми-зырянский) диахронические пласты.

К группе обозначений допермского периода относятся названия прауральского, прафинно-угорского и прафинно-пермского происхождения.

В составе исследуемой нами рыболовной лексики к уральскому праязыку восходят два названия:

1) *кулӧм* «ставная одностенная сеть» < ур. **kalʒ* «сеть» (1, с. 120);

2) *уявны* «плавать» < ур. **uje* «плавать, плыть» (1, с. 542).

Употребляющееся в большинстве финно-угорских и самодийских языков прауральское обозначение рыбы **kala* (> ф. *kala*, эст. *kala*, саам. *guolle*, морд. *кал*, мар. *кол*, хант. *кул*, венг. *hal*, ненец. *халя* «рыба») в наших языках не сохранилось. В прапермскую эпоху оно было заменено словом **u'erig* «рыба» (> кз. кп. *чери*, удм. *чорыг* «рыба») (см. 2, с. 303).

Следующую группу древних названий коми языка составляют рыболовные обозначения прафинно-угорского происхождения:

1) *кульмыны* «метать икру» < ф.-у. **kuδ'ʒ* «метать икру» (1, с. 194);

2) *кыйны* «ловить», *кыйсьыны* «рыбачить» < ф.-у. **kijʒ-*, **kijʒ-* «следовать, следить, преследовать» (1, с. 155);

3) *мынны* «сорваться» < ф.-у. **mənz* «отделываться, спасаться» (1, с. 286);

4) *пыж* «лодка» < ф.-у. **pučə* «чели, лодка, судно» (1, с. 398);

5) *радз* «мат загородки» < ф.-у. **rac'ə* «решетка, решетчатое рыболовное орудие» (1, с. 418);

6) *тыв* «невод» < ф.-у. **tulkə* «невод» (1, с. 538).

Группа рыболовных обозначений прафинно-пермского происхождения состоит из трех названий:

1) *ковтны* «ловить бреднем» < ф.-п. **kälta* «ловить рыбу бреднем» (1, с. 649);

2) *сюйны* «погрузить поплавок (удочки) в воду, заглатывая наживку» < ф.-п. **s'uje* «вытягивать» (1, с. 777);

3) *чӧвтны* «закинуть рыболовную снасть» < ф.-п.**c'ęlta-* «снимать, бросать» (1, с. 613).

Особенность рассмотренных выше рыболовных обозначений допермского периода заключается в том, что они имеют генетические соответствия как в близкородственных, так и в дальнеродственных финно-угорских языках.

Рыболовные обозначения общепермского периода употребляются только в современных пермских языках. Поскольку возникновение данной группы древних названий произошло после распада прафинно-угорской языковой общности, дальнеродственных соответствий они не имеют:

1) *из* «грузило сети» (кп. *из*, удм. *из* «тж») < общеп. **iz-* (2, с. 109);

2) *кола* вс. иж. лл. печ. скр. «шалаш рыбака, охотника» (кп. *кола* «шалаш», удм. *куала* «святилище, место хранения священных предметов») < общеп. **kwǫla* «жилище, шалаш» (2, с. 114);

3) *лэптыны* «поднять рыболовную снасть из воды» (кп. *лэбтыны* «вытаскивать, вытащить; поднимать, поднять», удм. *лӧпкытыны* «поднять из воды») < общеп. **lʒb-* (2, с. 165);

4) *мездыны* «выпутать рыбу из снасти» (кп. *мездыны* «выпутать», удм. *мозмытыны* «освободить)» < общеп. **mez-* (2, с. 171);

5) *нидзув* «дождевой червь» (кп. *нидзув*, удм. *нӥзили* «тж») < общеп. **niǯ'il-* (2, с. 190);

6) *пелыс* «весло» (кп. *пелыс*, удм. *полыс* «тж») < общеп. **pelis* «весло» (2, с. 218);

7) *пучой* «короед» (кп. *пучей* «червь», удм. *пычей* «короед») < общеп. **pu-č'ǝj* «короед» (2, с. 234);

8) *пыридз* «пешня» (кп. *пыридз*, удм. *пырич* «тж») < общеп. **pirič'* «пешня» (2, с. 236);

9) *син* «ячея» (удм. *син* «тж») < общеп. **s'inm-* (2, с. 256). Как анатомическое обозначение с семантикой «глаз, глаза» данное слово восходит к уральскому праязыку (< ур. **s'ilmä* «глаз»). Дополнительное значение у него появилось, видимо, в прапермском языке. В коми-пермяцком языке вместо исконного слова употребляется русское заимствование *ячея* (см. 3, с. 594);

10) *тюкӧд* «берестяной поплавок сети» (удм. диал. *тюкы* «поплавок») < общеп. **ɪ'ik-* (7. с. 294);

11) *чери* «рыба» (кп. *чери*, удм. *чорыг* «тж») < общеп. **č'erig* «рыба» (2. с. 304);

12) *шадз* диал. «удилище» (удм. *шачы*: *визнан шачы* «удилище». *визнан* «удочка») < общеп. **šač'-* (2, с. 316);

13) *шедны* «попасться (в рыболовную снасть)» (кп. *шедны*. удм. *шедьыны* «тж») < общеп. **šed-* (2, с. 318).

Анализируемый материал свидетельствует о том, что общими для современных пермских языков являются не только одночленные, но и некоторые двухкомпонентные рыболовные обозначения. Например. кз. *ӈу пыж* «деревянная лодка». кп. *ӈу пыж* «тж», удм. *ӈу пыж* «тж»; кз. *пыж ныр* «носовая часть лодки», кп. *пыж ныр* «тж», удм. *пыж ныр* «тж»; кз. *пыж пыдӧс* «днище лодки». кп. *пыж пыдӧс* «тж», удм. *пыж пыдэс* «тж»; кз. *ты чери* «озерная рыба». кп. *ты чери* «тж», удм. *ты чорыг* «тж» и т.д.

Рыболовные обозначения пракоми периода распространены только в двух современных коми языках. Поскольку данная группа рыболовной лексики возникла после распада прапермской языковой общности и отделения от предков удмуртов, там вместо них употребляются свои собственные образования:

1) *азьлас* «острога», кп. *адзлас* «тж» – удм. *бышкон* «тж»;

2) *вугыр* «удочка», кп. *вугыр* «тж» – удм. *визнан* «тж»;

3) *гыд* «сборки, образуемые при посадке сети на хребтину», кп. *гыд* «тж» – удм. *шымыри* «тж»;

4) *кӧвтым* «бредень», кп. *кӧвтым* «тж». Коми слова произведены от глагола *кӧвтны* «ловить рыбу бреднем» при помощи словообразовательного суффикса *-ым*. Удмуртское отглагольное обозначение *калтон* «бредень» (< *калтыны* «ловить рыбу бреднем). возникшее. видимо. самостоятельно. отличается от коми названий как на фонетическом, так и на морфологическом уровне;

5) *кыбны* «лучить (ловить рыбу острогой)». кп. *кыбны* «тж» – удм. *уе тырыны* «тж»;

6) *кыснан* «блесна». кп. *кыснан* «тж» – удм. *чилясь* «тж»;

7) *нюглей* «пескоройка». кп. *нюгыль* «тж» – удм. *луо нумыр* «тж»;

8) *октым* «ставной крючок», кп. сев. *октым* «тж». Удмуртами данное рыболовное средство не применяется, соответственно и никак не обозначается;

9) *сам* «приманка, наживка». кп. *сам* «тж» – удм. *пӧет* «тж».

Собственно коми-зырянские рыболовные обозначения не имеют соответствий ни в одном из современных финно-угорских языков, употребляются только в речи носителей коми языка. Возникли они, вероятно, в период их самостоятельного существования на современной территории проживания после расхождения с предками коми-пермяков: *бурскан* «ботало», *вачер* «водный топор», *велӧг* «привада», *видлавны* «клевать», *гыбавны* «плескаться», *дзав* «дранка верши», *дэбӧдӧм* «прикосновение рыбы к насадке», *дӧра тыв* «холстя-

ной невод», *нам чутік* «мотыль», *памча* «намёт», *пӧру* «берестяной поплавок ботальной сети», *саран* «лоток для сбора сети», *сіт номыр* «опарыш», *сӧрмӧд* «тягловая перекладина на носу лодки», *табъян* «моговило дорожки» и т.д.

Анализ лексики рыболовства коми языка показывает, что ее формирование и развитие происходило как за счет внутренних ресурсов, так и за счет внешних источников. Состав иноязычной лексики рыболовства коми языка отличается тем, что здесь отсутствуют древние заимствования, например, индоиранские и древнебулгарские. Заимствованный компонент исследуемой системы состоит из трех групп: 1) названия русского происхождения, 2) названия прибалтийско-финского происхождения, 3) названия обско-угорского происхождения.

Самой многочисленной является группа русских заимствований. Для подавляющего большинства обозначений данной группы источником послужили русские народные говоры. Заимствований из русского литературного языка немного: *мормышка* < рус., ср. *мормышка* «разновидность блесны» (4, с. 300), *сак* < рус., ср. *сак* «рыболовная снасть в виде сетчатого мешка на обруче, который прикреплен к шесту» (5, с. 14), *спиннинг* < рус., ср. *спиннинг* «рыболовная снасть, состоящая из удилища с пропускными кольцами, катушки, лесы и блесны» (5, с. 223), *самолов* < рус., ср. *самолов* «название различных самодействующих ловушек и снастей для ловли зверей, птиц, рыбы» (5, с. 20).

Основная масса русских народных обозначений рыболовства имеет ограниченное употребление – встречается в одном или нескольких диалектах коми языка. Лишь небольшая часть из них получила широкое распространение и вошла в литературный язык: *ветель* «мерёжа» (6, с. 95), *ветки* «маленькая долбленая лодка» (6, с. 96), *набой* «нашивные борта (у долбленой лодки)» (6, с. 96), *ӧключина* «уключина» (6, с. 467), *подольник* «продольник» (6, с. 508), *реж* «режь, режа» (6, с. 560), *трегубеч* «ботальная сеть» (6, с. 656).

Во многих случаях заимствования из русских народных говоров имеют исконные соответствия в коми литературном языке: *бредень* уд. «бредень» (7, с. 168–169), ср. лит. *кӧвтым* «бредень» (6, с. 299); *невод* лл. «невод» (7, с. 389), ср. лит. *тыв* «невод» (6, с.: 671); *багач* вым. иж. «пешня» (7, с. 313), ср. лит. *пыридз* «пешня» (6, с. 549); *ботало* «бот. ботало» (7, с. 31), ср. лит. *бурскан* «ботало» (6, с. 68); *лӧтэк* вв. «лоток» (7, с. 330), ср. лит. *саран* «деревянный лоток» (служит в лодке для выбирания на него сети из воды) (6, с. 578); *острога* вс. «острога» (7, с. 10), ср. лит. *азьлас* «острога (6, с. 26) и т.д.

Прибалтийско-финские и обско-угорские заимствования в составе рыболовной лексики коми языка представлены единичными примерами.

Названия прибалтийско-финского происхождения:

1) *маль* «уключинное весло». В этом значении, т.е. как рыболовное обозначение, употребляется только в одном диалекте – удорском. В этимологической литературе имеется две версии о происхождении данного названия (см. 2, с. 169). Учитывая наличие аналогичных слов в большинстве современных

прибалтийско-финских языков (в финском, водском, эстонском, карельском, саамском), предполагается иноязычный источник коми слова, который дается в виде приб.-ф. **mal'a*. С другой стороны, допускается, что как коми название, так и прибалтийско-финские, также мокшанский и эрзянский соответствия принадлежат исконному словарному фонду финно-пермских языков. В словаре К. Редеи реконструируется праформа **melā* «весло, рулевое весло» (1, с. 701). Отсутствие примеров в большинстве коми диалектов, а также в коми-пермяцком и удмуртском языках позволяет дать предпочтение первой гипотезе;

2) *кебед* иж., *кебӧд* уд., *кебӧт* вым. «грузило в неводах» (7, с. 151). Основываясь на ограниченное распространение коми слов (каждый из трех вариантов только в одном единственном диалекте) и на соответствующие примеры в говорах карельского и вепсского языков, прибалтийско-финское исходное слово дается в форме **kebed* (2, с. 119).

Названия обско-угорского происхождения:

1) *гымга* «верша», деревянная ловушка, изготовляемая из дранок, имеет коническую форму. Данное обозначение получило повсеместное распространение в коми-зырянском языке, употребляется также северными коми-пермяками. Считается заимствованием из мансийского языка: *камка* «верша» (см. 2, с. 84). Предполагается, что через коми язык мансийское слово попало также в некоторые говоры русского языка, ср. рус. *гимга* «большая рыболовная верша, морда» (8, с. 350);

2) *сырп* «плавная сеть». Аналогичное название плавной сети имеется в некоторых севернорусских говорах. Считают, что данное рыболовное обозначение попало в русский язык из мансийского языка, а потом через русские говоры проникло в некоторые диалекты и литературный коми язык (2, с. 269). Процесс заимствования произошел, видимо, следующим обра зом: манс. *sirp* «рыболовная сеть» > рус. *сырп* > кз. *сырп* нв. скр., *сірп* вым. уд. «плавная сеть для ловли крупной рыбы»;

3) *он* иж. «свая, столб учуга, загородки» < об.-уг., ср. манс. *ун* «столб рыболовного запора» (2, с. 205).

Лексика рыболовства коми языка не однородна по своему составу, в ней различаются 10 структурных компонентов, например, общепонятийные обозначения, названия рыболовных снастей, обозначения рыболовных орудий, вспомогательных средств, инструментов и т.д. Во многих из них имеется соответствующее количество иноязычных обозначений. Рассмотрим состав заимствований с учетом их распределения по основным разрядам лексики рыболовства.

Общепонятийные обозначения

тоня вс., *тӧня* вым. иж. л. нв. скр. уд., *тэня* вв. «тоня» < рус., ср. *тоня* «участок водоема, предназначенный для лова рыбы закидным неводом; одна закидка невода, а также улов, получаемый при одной закидке невода» (9, с. 382);

угоддьӧ скр., *угодье* вв. «снасть, снаряд, орудие лова» < рус., ср. *угодье* «все нужное, полезное в обиходной жизни, все, что дано природой или приспособле-

но человеком для насущной потребы, для вещественной пользы; что годится, пригожается человеку» (10, с. 467).

Некоторые заимствования данной группы употребляются в сочетании с исконными компонентами: *чери кыян лӧвля* уд., *чери кыян завод* вв., *чери кыян завезь* уд. «рыбачьи снасти», ср. рус. *завод* «снасть, прибор, заведенье для промысла, добычи» (8, с. 561).

Названия рыболовных снастей

бредень, бредни уд. «бредень» < рус., ср. *бредень* «небольшой неводок, который люди, идучи бродом, тянут за собой» (8, с. 129);

бредьник лл. уд. «бредень» < рус., ср. *бредник* «небольшой неводок, который люди, идучи бродом, тянут за собой» (8, с. 129);

ветель вв. вс. вым. л. нв. скр. сс. уд. «мережа (ставная рыболовная сеть на обручах)» < рус., ср. *вентель* «мерёжа, мрежа, рыболовный снаряд, сетчатый кошель на обручах, с крыльями» (10, с. 147), *ветель* – то же, что вентерь (9, с. 191);

гымга «верша» < об.-уг. (см. выше);

йӧрш иж. «зацепа, загиба (рыболовного крючка, остроги)» < рус., ср. *ёрш* «заостренный зубец остроги» (11, с. 36);

кебед иж., *кебӧд* уд., *кебӧт* вым. «грузило (в неводах)» < приб.-ф. (см. выше);

матич л., *матӥч* уд. «мотня, мешок у невода» < рус., ср. *матица* «матня, кошель у невода» (12, с. 308);

матьыя иж. уд., *мотьыя* скр. «мотня, мешок у невода» < рус., ср. *мотня* или *матня* «мешок посреди невода» (12, с. 351);

наплав вс. л. нв., *наплавка* уд., *наплавки* вв. «поплавок (на удочке)» < рус., ср. *наплавь* «поплавок», *наплавок* «поплавок, особ. на удочке» (12, с. 450);

невод лл. «невод» < рус., ср. *невод* «самая большая из рыболовных сетей» (12, с. 505);

недотка вым. л., *нетотка* л. «холстяной невод» < рус., ср. *недотка* «рединка, редель, режа, самое грубое и редкое редно, которое идет на частые бредни. Бредень из этой ткани» (12, с. 516);

подольник вв. вым. скр., *пӧдӧльник* нв., *продольник* вс. лл. печ. сс. «продольник» < рус., ср. *продольник* «небольшой ярус на камбалу» (13, с. 481);

пробка *вв*. «поплавок удочки» < рус., ср. *пробка* «любой поплавок для различных снастей» (14, с. 83);

реж «режа ботальной сети» (крайние стенки ботальной сети с более крупными ячеями, чем среднее полотно) < рус., ср. *режь* сев., *режа* волж. «самая редкая рыболовная сеть; в ставных сетях, о двух стенах; она ставится опостень с частою» (10, с. 402);

сак «сак» < рус. (см. выше);

свинеч «грузило удочки» < рус., ср. *свинец* «грузило рыболовной сети» (15, с. 281);

сырп нв. скр. «плавная сеть для ловли крупной рыбы» < об.-уг. (см. выше);

трегубеч «трехстенная сеть» < рус., ср. *трегубый* «тройственный, трикратный» (10, с. 432).

Названия рыболовных сооружений и приспособлений, материалов для их изготовления

бережник вв. скр., *березьник* печ. «рыболовная загородка у берега» < рус., ср. *бережник* «рыболовный закол, накось. клином. не во всю ширину речки, для залучки рыбы в вершу» (8, с. 82):

ез «запруда на небольшой реке» < рус., ср. *ез* сев. и вост. «частокол или плетень поперек всей реки, чтобы не дать рыбе вверх хода и выловить всю на месте» (12, с. 157);

забой вв. печ. «забой, ряд кольев или свай. забитых поперек реки» < рус., ср. *забой* «перебой, ряд свай или кольев со связкою, поперек всей реки, закол» (8, с. 553);

кӧстыль иж., *костіль* вв. «костыль, изгородь, плетень в реках и озерах для ловли рыбы» < рус., ср. *костыль* «изгородь, плетень глаголем в реках и озерах для ловли рыбы» (12, с. 176);

он иж. «свая, столб учуга, загородки» < об.-уг. (см. выше);

петьник нв. «пятной кол (для прикрепления ставной сети)» < рус., ср. *пятня* «кол на берегу, на который пятина крепится» (13, с. 553).

Обозначения рыболовных орудий, вспомогательных средств, инструментов

багач вым. иж. «пешня» < рус., ср. *багай* «род железного лома с плоским концом, с небольшим изгибом и разрезом, употребляемого для вытаскивания болтов и гвоздей» (2, с. 392);

бот л. уд. «бот, ботало» < рус., ср. *бот* «ботало, шест для ботания, сгонки рыбы» (8, с. 119);

боталӧ нв. уд. «бот, ботало» < рус., ср. *ботало* «шест с дощечкой или конусовидным наконечником на конце, которым ударяют по воде при ловле рыбы, пугая ее и загоняя в сети» (16, с. 722);

вешала иж. скр. печ. уд., *вешалка* л., *вешалӧ* л. нв. «колья для сушки невода, сети» < рус., ср. *вешалка* «ряд кольев для просушки неводов» (8, с. 336);

кӧза, ***кӧзла*** «треножник (светец)» < рус., ср. *коза* «род тагана, железная решетка для разведения огня при ночной ловле рыбы острогой» (17, с. 57);

лодок нв., ***лоток***, ***лӧтэк*** вв. «лоток, где находится сеть перед спуском в воду и при подъеме из воды» < рус., ср. *лоток* «четырехугольный деревянный поднос, иногда без бортика с одной стороны, для укладывания наживных крючков перемета» (18, с. 286);

острога вс. «острога» < рус., ср. *острога* «рыболовное орудие вилами» (10, с. 708).

Обозначения транспортных средств для рыбной ловли и различных принадлежностей к ним

беседа вв., *бесетка* лл. «банка, сиденье для гребцов (в лодке)» < рус., ср. *беседа, беседка* «рубка, казенка, место под навесом на стругах, лодках» (8, с. 85);

бударка иж. «большая лодка с острым носом и тупым кормом для ловли рыбы плавной сетью» < рус., ср. *бударка* «грузовая лодка» (8, с. 135);

ветки «долбленый рыбацкий челнок» < рус., ср. *ветка* «легкая лодка-однодеревка, удобная для переноски, челнок» (9, с. 194);

дуга вс. «опруга (лодки)» < рус., ср. *дуга* «нижняя часть шпангоута, опруги, ребра, лежащего для сбора на земле» (8, с. 495);

завозьня нв. «завозня, плоскодонная широкая лодка» < рус., ср. *завозня* «лодка для завозки невода перед его забрасыванием» (11, с. 331);

кокора «остов лодки с изогнутой вверх передней частью» < рус., ср. *кокора* «дерево (обычно хвойное) с изогнутым корнем, идущее на остовы, шпангоуты и пр. лодок, барок и других речных судов» (9, с. 93);

кӧчат л. «уключина» < рус., ср. *кочет* «ключ, колышек, всаженный в нашиву (борт) лодки, замест оключины» (12, с. 181);

набой «набой (в лодке)» < рус. (см. выше);

неводьник иж. «неводник, рыбацкая лодка» < рус., ср. *неводник* «большая лодка, с которой забрасывают невод» (19, с. 194);

ӧключина вым. иж. лет. скр. сс., *ӧклечина* уд., *уключина* вв. «уключина» < рус., ср. *уключина* «вырезка в борту лодки или два кочетка, в коих ходит весло, вернее оключина» (10, с. 448);

стружок нв. «маленькая долбленая лодочка» < рус., ср. *стружок* «лодочка, челнок» (10, с. 340);

упуг вв. «дуга, шпангоут» < рус., ср. *упруга, опруга* «ребро судна, шпангоут» (10, с. 505);

шняга иж. «шняга, рыбацкая лодка» < рус., ср. *шняга* «рыбопромысловая, морская лодка» (10, с. 641).

Во всех остальных группах (например, обозначения приманок и наживок; обозначения субъекта рыболовства; обозначения объекта рыболовства; названия, обозначающие действия, связанные с рыболовством , или совершаемые в процессе рыбной ловли; обозначения сооружений и укрытий для временного пребывания людей, занимающихся рыболовством) не исконные лексические единицы отсутствуют.

Таким образом, лексика рыболовства коми языка представляет собой целостную систему, ядро которой составляет исконный фонд обозначений, сложившийся на протяжении многих тысячелетий, начиная с прауральской эпохи. Высокая степень исконности и древности рассмотренной отрасли словарного состава напрямую связана с соответствующими показателями обозначаемого объекта номинации, являющегося одним из важнейших компонентов материальной культуры. Составной частью данной системы является заимствованный компонент, формирование которого в сфере рыболовной лексики происходило на поздних этапах развития пермских языков. Не имея древней иноязычной составляющей, эти компоненты в каждом из них отличаются как по составу, так и по источникам проникновения. В коми языке различаются три типа заимствований: обозначения русского происхождения, обозначения прибалтийско-финского происхождения и

обозначения обско-угорского происхождения. Самой многочисленной является первая группа заимствований, основная масса которых появилась в коми языке в результате контактирования его носителей с представителями северно-русских говоров. Две другие группы заимствований представлены двумя-тремя примерами.

СОКРАЩЕНИЯ

вв. – верхневычегодский диалект коми-зырянского языка
венг. – венгерский язык
вс. – верхнесысольский диалект коми-зырянского языка
вым. – вымский диалект коми-зырянского языка
диал. – диалектное слово
иж. – ижемский диалект коми-зырянского языка
кз. – коми-зырянский язык
кп. – коми-пермяцкий язык
л. – лузский диалект коми-зырянского языка
лет. – летский диалект коми-зырянского языка
лит. – литературное слово
лл. – лузско-летский диалект коми-зырянского языка
манс. – мансийский язык
мар. – марийский язык
морд. – мордовские языки
нв. – нижневычегодский диалект коми-зырянского языка
ненец. – ненецкий язык
об.-уг. – обско-угорские языки
общеп. – общепермский язык-основа
печ. – печорский диалект коми-зырянского языка
приб.-ф. – прибалтийско-финские языки
рус. – русский язык
саам. – саамский язык
сев. – северное наречие коми-пермяцкого языка
скр. – присыктывкарский диалект коми-зырянского языка
сс. – среднесысольский диалект коми-зырянского языка
уд. – удорский диалект коми-зырянского языка
удм. – удмуртский язык
ур. – уральский праязык
ф. – финский язык
ф.-п. – финно-пермский праязык
ф.-у. – финно-угорский праязык
хант. – хантыйский язык
эст. – эстонский язык.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Rédei K.* Uralisches etymologisches Wörterbuch. Band 1–2. – Budapest. Akademiai Kiado. 1988.

2. *Лыткин В.И., Гуляев Е.С.* Краткий этимологический словарь коми языка. – Сыктывкар, 1999.

3. *Баталова Р.М., Кривощекова-Гантман А.С.* Коми-пермяцко-русский словарь. – М., 1985.

4. Словарь русского языка / Под ред. А.П. Евгеньевой. Т. 3. – М, 1984.
5. Словарь русского языка / Под ред. А.П. Евгеньевой. Т. 4. – М., 1984.
6. Коми-роч кывчукӧр. – Сыктывкар, 2000.
7. Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов. – Сыктывкар, 1961.
8. *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. – М., 1989.
9. Словарь русских народных говоров, вып. 4. – Л., 1969.
10. *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4. – М., 1991.
11. Словарь русских народных говоров, вып. 9. – Л., 1972.
12. *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2. – М., 1989.
13. *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 3. – М., 1990.
14. Словарь русских народных говоров, вып. 13. – Л., 1977.
15. Словарь русских народных говоров, вып. 36. – СПб., 2002.
16. Словарь русского языка / Под ред. А.П. Евгеньевой. Т. 1. – М., 1981.
17. Словарь русских народных говоров, вып. 14. – Л., 1978.
18. Словарь русских народных говоров, вып. 17. – Л., 1981.
19. Словарь русских говоров Среднего Урала, том 2. – Свердловск, 1971.

Anatoliy Rakin

GENESIS OF FISHING VOCABULARY IN THE KOMI LANGUAGE

Work is devoted to the linguistic analysis of lexical items intended for the nomination of one of the most important components of material culture. Core research theme is the primordial foundation of signs developed over many millennia, from great Ural era. Formation of not primordial part in fishing vocabulary is occurred in the later stages of the Permian languages. It includes stand and discusses three types of loans: words of Russian, Baltic and Finnish and Ob-Ugric origin.

«Финно-угроведение», 2014, № 1

Евгений Цыпанов
Сыктывкар

СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ *PLURALIA TANTUM* И СООТВЕТСТВИЯ ИМ В ФИННО-УГОРСКИХ ЯЗЫКАХ

Уральские языки имеют немало типологических особенностей в области фонетики, морфологии и синтаксиса, среди которых грамматические черты обладают наибольшей устойчивостью. Это прежде всего относится к именным категориям числа, падежа и притяжательности. Есть характерные особенности в отношении употребительности существительных в формах единственного и множественного чисел. Так, исследователи-уралисты пришли к выводу, что во многих уральских языках слова в форме единственного числа в именительном падеже употребляются гораздо шире, чем, к примеру, в русском или иных славянских и индоевропейских языках (1, с. 219). Единственное число существительных часто употребляется в значении множественного, например, в сочетании с количественными числительными: венг. *három gyermek* 'трое детей', фин. *viisi ihmista* 'пять человек', удм. *тӧмыс корка* 'восемь домов', хант. *сот мис* 'сто коров', букв. 'сто корова'. Так, многие существительные, обозначающие парные части тела, в речи употребляются в единственном числе, хотя речь идет о двух предметах, например, в коми языке: *Менам **син** висьӧ* букв. 'У меня глаз болит' в значении 'оба глаза болят'; ***Пельсӧ** кынтӧма зонкаыс* 'Уши (букв. ухо) отморозил мальчик'; в финском языке: *Saapat on **jalassa**, käsinet on **kädessä*** 'Сапоги на ногах, рукавицы на руках', букв. 'Сапоги в ноге, рукавицы в руке'.

Соответственно, формы множественного числа в финно-угорских языках встречаются гораздо реже, чем во многих индоевропейских. В славянских и германских языках формы множественного числа употребляются гораздо чаще, нежели в контактируемых с ними финно-угорских. В европейских языках исторически сложилась группа существительных, которая употребительна лишь или преимущественно в форме множественного числа, не употребляется в единственном и у которых сформировалось собственное лексическое значение. Это имена *pluralia tantum* в отличие от существительных *singularia tantum*, которые употребляются лишь или преимущественно в форме единственного числа, например: рус. *солнце*, *кофе*, *мясо*, *сахар*, *порох* и т.п.

В настоящей статье содержатся сопоставительные данные для определения наличия/отсутствия существительных pluralia tantum в финно-угорских языках и выявления соответствий им в тех языках, где их нет. Материал взят из соот-

ветствующих словарей литературных языков, в случае с хантыйским языком привлекается материал казымского диалекта, основы литературного языка, на котором выходят художественная и учебная литература, газеты и журналы в Ханты-Мансийском автономном округе.

Во многих финно-угорских/уральских языках подобных существительных нет, практически все соответствия русским именам pluralia tantum употребляются в форме единственного числа. Исключением из этого положения являются прибалтийско-финские и мордовские языки, где такие существительные появились в ходе истории под интенсивным влиянием балтийских и славянских языков. Диахронно, вероятно, формы единственного числа существительных и в славянских и германских языках были первичными, и уж затем постепенно возникли специфические застывшие лексикализованные образования в форме множественного числа.

Дальнейшее рассмотрение материала построено на основе четырех сопоставительных таблиц с определенным числом слов трех языков, где последовательно представлены все соответствия с небольшими комментариями.

В таблице № 1 представлены существительные pluralia tantum в русском, английском и финском языках. Показателем множественного числа в английских словах является суффикс *-s*, в финском языке – суффикс *-t* (при словах в именительном падеже). Знак * обозначает слово, не являющееся существительным pluralia tantum.

Таблица 1

Существительные pluralia tantum в русском, английском и финском языках

русский	английский	финский
очки	glasses/spectacles	silmälasit
брюки/штаны	trousers	housut
трусы	pants	alushousut
плавки	swimming trunks	uimahousut
джинсы	jeans	farkut
близнецы	twin/twins	kaksoset
ножницы	scissors/shears	sakset
крестины	christening*	ristilaiset
похороны	funeral/burial*	hautajaiset
именины	name day*	nimipäivä(t)
клещи	tongs	pihdit
плоскогубцы	priers	lattapihdit
щипцы	tweezers	pihdit/sakset
кеды	pumps	urheilukengät
кроссовки	running shoes	urheilukengät

Существительные pluralia tantum широко употребительны во всех прибалтийско-финских языках и хорошо описаны в нормативных грамматиках и справочниках, изучены Р. Инго в специальных монографиях (2, 3). Есть много одинаковых соответствий в словах прибалтийско-финских и славянских и балтийских языков, что говорит о сильном влиянии на прибалтийско-финские языки со стороны последних, что позволяет многим лингвистам выделять т.н. балтийский языковой союз, который как раз характеризуется широким употреблением существительных pluralia tantum.

Исследователи русского языка объясняют характер значения таких существительных указанием на части предмета (в основном две), из которых и состоит реалия, обычно называемая существительным: «Иногда формы числа у слова зависят от того, что является «точкой отсчета». Слова *сани*, *очки*, *ножницы*, *ворота*, *штаны*, *брюки* обозначают предметы, в которых очень четко выделяются и целое, и его части (не существенно при этом, что эти части не всегда обозначены специальным знаком в языке — таким, например, как слово *штанина*). В этих случаях «точкой отсчета» при наименовании целого предмета служат его части. Поэтому предмет и обозначается как своеобразная совокупность таких частей – естественно, только в форме множественного числа» (4, с. 47). Нетрудно заметить, однако, что многие существительные в русском языке, употребляясь лишь во множественном числе, вообще не содержат в своей семантической структуре указаний на какие-то части, например, *именины*, *крестины*, *похороны*, *выборы*, *каникулы* и т.д. Здесь налицо указание на множественный и длительный характер процессов, которые выражаются формами множественного числа существительных.

В уральских языках подобный характер значения существительных-соответствий именам pluralia tantum вообще нетипичен, т.к. в этой семье языков в структуре значения существительного закономерно на первый план выступает указание на единый, обобщенный, цельный предмет, который не делится на пары или составные части. К примеру коми *сапӧг* может обозначать как совокупность сапогов, так и оба сапога пары, например: *Тайӧ лавкаас* ***сапӧгсӧ*** *оз вузавны* 'В этом магазине сапоги не продают'; *Пач вылас меным коло* ***сапӧгӧс*** *косьтыны* 'На печке мне надо подсушить мои сапоги (т.е пару сапог)'. Если надо указать на один сапог из пары, используются дополнительные лексические средства: *сапӧг пӧв* 'сапог', букв. 'половина сапога'; *веськыд сапӧг* 'правый сапог'. Исходя из такой особенности языкового мышления носителей большинства уральских языков, употребление существительных в единственном числе, или, по терминологии ряда ученых, в абсолютном числе, является абсолютно закономерным и вполне обоснованным для обозначения указанных в таблице предметов и реалий. Это подтверждает сопоставительный материал венгерского и хантыйского языков, где всем русским существительным pluralia tantum соответствуют слова в единственном числе, см. таблицу 2.

Таблица 2

Существительные в русском, венгерском и хантыйском языках

русский	венгерский	хантыйский
очки	szemüveg	сем карты
брюки/штаны	nadrág	кась/пать
трусы	gatya	труса/ай пать/кыпи пать
плавки	úszónadrág	певакты пать
джинсы	farmernadrág	джинса
близнецы	iker/ikrek	нёмасуан
ножницы	kés	ношница/ кат ёнкуп кеши
крестины	keresztelö	перная акумка
похороны	temetés	шэка питум хот/шявясьты
именины	névnap	сэма питум хатк
клещи	fogó	павак йош
плоскогубцы	laposfogó	ай павак йош
щипцы	fogó	павак йош
кеды	tornacipö	кета/кян кур
кроссовки	teniszcipö	красовка

Как показывает таблица, венгерский язык устойчиво сохраняет все особенности праязыкового употребления существительных в абсолютном числе, все соответствия русским существительным pluralia tantum являются имена в форме единственного числа. Исключением из этого является слово *ikrek* 'близнецы', где *-k* – суффикс множественного числа. В венгерском языке формы множественного числа также расширили свое употребление, выражая и значение собирательной множественности, например, слово *gyermekek* со значением 'дети' от *gyermek* 'ребенок'. В хантыйском языке положение идентичное, даже заимствованные из русского языка слова *труса, джинса, красовка*, подвергнутые фонетической адаптации, активно перестраивают семантическую и грамматическую структуру, становятся "обыкновенными" существительными единственного числа, могущими свободно принимать также суффиксы двойственного и множественного чисел. В венгерском и хантыйском языках бросается в глаза еще одна характерная особенность: в венгерском практически нет прямых заимствований-существительных pluralia tantum, а в хантыйском их сравнительно мало (в коми и удмуртском языках их заметно больше). Носители хантыйского языка стремятся дать описательные наименования различным реалиям, к примеру, *ай пать* 'маленькие штаны' = трусы, *кат ёнкуп кеши* 'нож с двумя лезвиями' = ножницы, *певакты пать* 'штаны для

купания' = плавки, *сем карты* 'глазное железо' = очки и т.д. Все это говорит о том, что угорские языки обладают гораздо меньшей степенью языковой проницаемости по сравнению с пермскими, марийским и мордовскими языками.

В хантыйском языке (а также в мансийском и самодийских языках) есть специальные формы двойственного числа, которые обозначают два предмета или два лица. Казалось бы, эта грамматическая форма абсолютно логично подходит для образования т.н. существительных pluralia tantum, которые объединяются указанием на две части одного целого типа рус. *очки* букв. 'глаза', англ. *glasses* 'очки', букв. 'стекла', однако этого закономерно не происходит. Причина заключается в языковом сознании хантов, т.е. в ментальном представлении предметов как целостных реалий, без разделения их на части. Интересно, что в хантыйском языке лишь слово *нёмасуан* со значением 'близнецы' имеет форму двойственного числа с суффиксом *-уан*, т.к. близнецов действительно бывает двое, это два живых существа. Подобная же в принципе картина наблюдается при обозначении близнецов в венгерском (слово ikrek) и удмуртском языках, что демонстрирует таблица 3.

Таблица 3

Существительные в русском, удмуртском и коми языках

русский	удмуртский	коми
очки	очки	ӧчки
брюки/штаны	штан/брюки	гач
трусы	трус/трусик	трусик/дженьыд гач
плавки	плавки	плавки
джинсы	джинсы	джинсы
близнецы	кыкто(ос)	кыка/двӧйни/звӧнни
ножницы	качы	шыран
крестины	пылатон	пыртӧм
похороны	ватон	дзебӧм
именины	вордскем нунал	нимлун
клещи	кис	кес/кльӧшши
плоскогубцы	кис	плоскогубцы
щипцы	кис	чепӧля/тотшыс
кеды	кеды	кеды
кроссовки	кроссовки	кроссовки

Как показывает материал таблицы, в коми языке нет ни одного соответствия с суффиксом множественного числа *-яс*, прямые русские заимствования в коми языке употребляются как обыкновенные существительные единственного числа:

кроссовки – одна штука из пары, пара и как совокупность обуви этого типа; ср. *кроссовки пöв, öти кроссовки* 'один предмет обуви из пары кроссовок'. Суффиксы множественного числа русского языка *-и/-ы* не имеют грамматического значения числа в коми и удмуртском языках. В удмуртском языке лишь одно слово *кыкто(ос)* со значением 'близнецы' может употребляться с суффиксом множественного числа *-ос*, подобно действительным существительным pluralia tantum. Данное явление в удмуртском возникает по причине влияния грамматики русского языка.

В коми языке последних десятилетий, однако, наблюдается явление активизации существительных в форме множественного числа, которое можно охарактеризовать как последствие грамматического влияния или интерференции русского языка на коми. Например, слово *каникул* 'каникулы' в речи и текстах употребляется с суффиксом множественного числа, например: *ордйысьöмъяс дырйи* 'во время соревнований'; *Лöньыштіс и* ***бöрйысьöмъяс*** *гöгöр сёрни* (Б.Шахов) (5, с. 7) 'Притихли немного и разговоры о выборах'; *Миян сиктса челядь да ай-мамыс велöдчöм заводитчытöдз дзоньталöны-мавтöны школа, мыськалоны* ***джоджъяс*** (из радиопередачи) 'Дети нашего села и их родители до начала учебы ремонтируют и красят школу, моют полы'; *Рöштвоса* ***каникулъяс*** *дырйи шуи видлыны тьöтöс да дядьöс, кодъяс олісны Римья сиктын велöдчанінсянь верст 25 ылнаын кымын* (6, с. 38) 'На рождественских каникулах решил посетить своих тетю и дядю, которые жили в селе Римъя от сельской школы примерно в 25 верстах'. Такие словоупотребления носят оттенок языковой чужеродности и оцениваются лингвистами как стилистические нарушения, хотя в речи лиц молодого поколения коми они не перестают звучать.

Сопоставительный материал волжских – марийского и мордовских – языков дает гораздо более мозаичную картину. В основных своих характеристиках по фактору наличия/отсутствия существительных pluralia tantum марийский язык примыкает к пермским и угорским, а мордовские языки (в частности эрзянский) удивительно похожи на прибалтийско-финские языки, что хорошо демонстрирует таблица 4.

В ходе истории мордовские языки, вероятно, вследствие сильного влияния балтийских и особенно русского языков обрели существительные pluralia tantum, образующиеся с помощью суффикса множественного числа *-т* , *-ть*, который присоединяется как к исконным, так и к заимствованным основам. В нормативной грамматике мордовских языков 1980 года в соответствующей главе «Категория числа» рассматриваемые существительные вообще не упоминаются (7, с. 145–148), однако достаточно подробно они описаны в статье Ш. Матичака (8, l. 264–276) с многочисленными сравнениями с однотипным материалом финского языка.

По параметру существования/отсутствия существительных pluralia tantum уральские/финно-угорские языки делятся на две несоразмерные части: в большинстве финно-угорских и во всех самодийских языках их нет и закономерно быть не может, однако они развились в прибалтийско-финских и мордовских языках, исторически, вероятно, под влиянием соседних неродственных языков.

Таблица 4

Существительные в русском, эрзянском и марийском языках

русский	эрзянский	луговомарийский
очки	сельмукшт	шинчалык/кугышинча
брюки/штаны	брюкат/штанат/понкст	йолаш
трусы	трусат	трусик
плавки	плавкат	плавке
джинсы	джинсат	джинс
близнецы	кавтаськеть	йыгыр
ножницы	васонбеельть	вашкузӧ
крестины	кстинат	
похороны	калмамо*	тойымаш
именины	чачома чи*	шочмо кече
клещи	клещат	азыр
плоскогубцы	плоскогубцат	азыр
щипцы	щипцат	шипши/азыр
кеды	кедат	кеде
кроссовки	кроссовкат	кроссовко

Географический ареал проживания мордвы и прибалтийско-финских народов является наиболее за- падной зоной современной локализации финно-угорских народов. С другой стороны, венгерский язык, носители которого уже свыше 1000 лет проживают в окружении славян, румын и немцев, обнаруживает удивительную языковую непроницаемость в интересующей нам области со- поставительно-языкового исследования, что наталкивает на размышления. В заключение хочется поблагодарить коллег А.Д. Каксина и Т.А. Молданову за помощь в толковании хантыйских соответствий, Юдит Дмитриеву за консуль- тации по венгерскому материалу, Л.А. Андрееву за консультации по марийским соответствиям.

СОКРАЩЕНИЯ

англ. – английский язык
вен. – венгерский язык
рус. – русский язык
удм. – удмуртский язык
фин. – финский язык
хант. – хантыйский язык

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Основы финно-угорского языкознания (вопросы происхождения и развития финно-угорских языков). – М., 1974.

2. *Ingo R.* Suomen kielen pluratiivit eli monikkosanat. Numeerissemanttinen tutkimus I. Väenkokouksia ja teknisiä laitteita tarkoittavat sanat. – Turku, 1978.

3. *Ingo R.* Suomen kielen pluratiivit eli monikkosanat. Numeerissemanttinen tutkimus II. Ruumiinoia ja vaatteita tarkoittavat sanat. – Turku, 1997.

4. *Сахарный Л.В.* Как устроен наш язык. – М., 1987.

5. Войвыв кодзув. – 1990. – № 9.

6. *Сорокин П.А.* Кузь туй вуджӧм. Олантуй йылысь роман / Пер. В.А. Черных, Г.В. Федюневой, О.И. Уляшева. – Сыктывкар, 2013.

7. Грамматика мордовских языков. Фонетика, графика, орфография, морфология: Учеб. для нац. отд-ний вузов / Под. ред. проф. Д.В. Цыганкина. – Саранск, 1980.

8. *Maticsák S.* A plurale tantum a mordvinban // Permiek, finnek, magyarok. Írások Szíj Enikö 60 születésnapjára. – Budapest, 2004.

Yevgeniy Tsypanov

PLURALIA TANTUM NOUNS AND MATCHING THEM IN THE FINNO-UGRIC LANGUAGES

Article is devoted to the identification of relevant specific noun pluralia tantum in Finno-Ugric languages, widely represented in Germanic, Baltic and Slavic languages. Comparative data is summarized in four tables, which clearly indicate the absence (and impossible) of those in most of the Finno-Ugric languages and their presence in the Baltic and Mordvinian languages, which form the most western area of localization of the Finno-Ugric language family.

«Финно-угроведение», 2014, № 1

Наталья Горинова
Сыктывкар

МАЛЫЕ ФОРМЫ ДРАМЫ В ТВОРЧЕСТВЕ Г. ЮШКОВА 1990-х ГОДОВ*

Творчество Геннадия Анатольевича Юшкова (1932–2009) представляет собой особый художественный феномен в коми литературе, проявляющийся в универсализме писателя – поэзия и проза, драматургия, публицистика – нет жанра, в котором он не сказал своего слова. Социально-исторические и психологические противоречия в человеческом общежитии находят отражение как в крупномасштабных эпических полотнах Г. Юшкова, так и в его малых формах прозы и в полных субъективных переживаний человека лирических произведениях. Особое место в литературе и искусстве коми занимают его драматургические работы – драмы «Кӧнкӧ тундраын» («Где-то в тундре», 1955), «Сизимӧд председатель» («Седьмой председатель», 1958), «Олӧны вӧрын» («Живут в лесу», 1959), комедии «Макар Васька – сиктса зон» («Макар Васька – сельский парень», 1963), «Тадзи и колӧ, Юля!» («Так и надо, Юля!», 1963), «Кыськӧ тай эмӧсь!» («Есть же такие!», 1969). Пьесы Г. Юшкова раскрывают существенные проблемы современной жизни, им присущи гражданственность мысли, постановка нравственно-этических вопросов. Его драмы отличает интерес к народу коми, коми национальному характеру, многие его произведения тяготеют к всестороннему изображению народной жизни, автору близки нравственно-этические ценности зырян. В центре внимания драматурга – личность созидающая. Г. Юшкова привлекает творческая мощь человека, способность человеческого духа к творению. Вместе с тем для его драматургических произведений характерны динамичность сюжета, эмоциональная окрашенность речи персонажей, мастерски выстроенные характеры героев; язык его пьес воистину народный, ему свойственны простота, точность, прозрачность. Все это делает пьесы Г.Юшкова яркими и сценичными, отсюда интерес режиссеров к произведениям драматурга – почти все его драмы и комедии поставлены на сценах театров Республики Коми, в том числе и Академического театра драмы им. В. Савина и Национального музыкально-драматического театра. Спектакли, поставленные на пьесы Г. Юшкова, имеют успех у зрителя.

* Публикация подготовлена в рамках Проекта программ Президиума РАН № 12-II-6-1013 «Опыт развития коми литературы: творческая индивидуальность и художественный процесс».

1990-е гг. – качественно новый период развития литературного процесса, для которого характерен напряженный поиск новых идей, новых художественных приемов отражения действительности, новых способов воздействия на читательскую аудиторию. Стремление художественной мысли к обновлению – устойчивый признак искусства рубежа веков, характеризующий все составляющие творческого сознания, пытающегося передать сложность и противоречивость переходного времени. Подтверждение тому – пьесы коми драматурга Г. Юшкова последних лет.

В драматургическом творчестве Г. Юшкова 1990-х гг. преобладают малые жанровые формы. В 1998 г. в последних номерах литературно-художественного журнала «Войвыв кодзув» («Северная звезда») были опубликованы одноактные пьесы драматурга, которые впоследствии были изданы в третьем томе собрания сочинений писателя (2001). Это пьесы «Кула кӧ эськӧ» («Вот если умру», 1998), «Шутӧгыс олас» («Сойдет и без слов», 1998), «Вӧтлы, вӧтлы» («Прогони, прогони», 1998), «Лок, пырав» («Иди, загляни», 1998), «Мый он виччысь» («Чего не ждешь», 1998), «Забеднӧ» («Обидно», 1998), «Ӧпитенньӧ» («Епитимья», 1998), «Матӧ пукта» («Рядом положу», 1998), «Коді шуис?» («Кто сказал?», 1998). Перечисленные пьесы Г. Юшкова – это драмы одной предпосылки, одного конфликта. Все, что нарушает строгость действия, отбрасывается. Этим произведениям свойствен предельный лаконизм, который повлиял и на жанр этих пьес – сам автор называет эти пьесы или «ичӧтик теш» («маленькая комедия»), или «ичӧтик драма» («маленькая драма»). Слово «маленькая» указывает и на малый объем комедии и драмы, и на сгущенность драматической коллизии, в основе которой – столкновение главных персонажей друг с другом с одной стороны, и с бытом – с другой.

В контексте всего драматургического творчества Г. Юшкова последние его пьесы существенно отличаются от предыдущих драм и комедий. Их отличие выявляется уже в названиях драматургических произведений автора. Так, ранее в названиях оригинальных пьес драматурга указывалось либо главное действующее лицо, либо место действия, если оно особенно существенно для сюжета или для общей темы произведения. Сравним, с одной стороны, такие названия, как «Сизимод председатель» («Седьмой председатель», 1958), «Макар Васька – сиктса зон» («Макар Васька – сельский парень», 1960), «Тадзи и колӧ, Юля!» («Так и надо, Юля!», 1963), «Начальство» (1965), «Коді сэки ловйӧн коли…» («Кто тогда остался в живых…», 1975) и, с другой стороны, такие названия, как «Кӧнкӧ тундраын» («Где-то в тундре», 1955), «Олӧны вӧрын» («Живут в лесу», 1959). В центре внимания пьес, относящихся к первой группе, – творческая личность, стремящаяся изменить окружающий мир, искоренить изъяны общества. Ей приходится преодолевать различные препятствия и иногда идти против общества, но она достаточно сильна, чтобы отстоять свои идеи и воплотить их в жизнь. Главная мысль этих произведений – «каждый человек способен на большое общественно важное дело и его долг, если он передовой человек, сделать его единомышленником, товарищем» (1, с. 102). Г.Юшков восхищается такими героями, поэтому часто «выводит» их в названиях своих пьес. Что касается указания в заглавии пьесы места действия, то

они не просто отсылают читателя в определенное место, но и выявляют всемогущество широких общественных преобразований (пьесы написаны в 50-е годы), проникающих даже в тундру («Где-то в тундре»), и в тайгу («Живут в лесу»).

Названия маленьких комедий и маленьких драм Г. Юшкова последних лет «не укладываются» в данную классификацию. Почти каждое из них – реплика одного из персонажей. Причина тому – трансформация характеров персонажей драматургических произведений Г. Юшкова. В его маленьких пьесах 1990-х гг. уже не раскрываются характеры ярких индивидуальностей, преобразующих мир и строящих новое общество. В них автор отображает будничную, прозаическую жизнь современной деревни, его герои – обычные люди, часто не желающие нарушать размеренный темп своего существования, не философствующие и не размышляющие о проблемах общества, тем более не решающие их. Персонажи маленьких пьес Г.Юшкова стремятся найти свою вторую половину и обрести тихое семейное счастье. В отображении драматургом не передовой личности выявляется общее направление литературной мысли 1990-х гг.: социально-политические изменения конца XX в., все более усложняющаяся действительность, утрата обществом стабильности и определенности приводят к утрате общепринятых нравственных ценностей, что, несомненно, влияет на характер современного человека, что, в свою очередь, приводит к трансформации литературного героя – устроитель общественного благополучия и победитель различных жизненных неурядиц в постсоветское время теряет свою актуальность. Уже, начиная с 1980-х гг., герой драм коми «не покушается на что-то большее, а ищет или любви, или признания, или своего жизненного пути… Пожалуй, и не найдешь в сегодняшних пьесах героя, живущего большим…» (2, с. 217). «Негеройность» персонажей Г. Юшкова в пьесах не осуждается, не высмеивается автором, но становится основанием отсутствия их имен в названиях маленьких драм и комедий, что отличает их от предыдущих его драматургических произведений.

Модификация персонажей маленьких пьес Г. Юшкова последних лет обуславливает сужение жанровых рамок драм и комедий автора: в этот период в его творчестве наблюдается переход от многоактных и одноактных драматургических произведений к двух-трехстраничным текстам, которые можно назвать сценками. Мысли, желания, мечты персонажей пьес Г. Юшкова 1990-х гг. значительно уже, по сравнению с героями предшествующих произведений, поэтому раскрытие их характеров, проблем не требует развернутых художественных сцен. Для выявления индивидуальных особенностей этих персонажей достаточно малых драматургических форм.

Многоактным пьесам Г. Юшкова часто свойственно несоблюдение одного из аристотелевских законов построения драмы – единства действия. В его произведениях, написанных для сцены, наблюдается разветвление сюжетных линий, отсутствие единого конфликта. Таковы, например, по мнению В.А. Латышевой, комедии «Макар Васька – сиктса зон» («Макар Васька – сельский парень»), «Кыськӧ тай эмӧсь!..» («Есть же такие!..»): одного решающего конфликта в комедиях

нет, центральные герои просто переходят из одной сцены в другую, раскрывая свои характеры в столкновениях с различными действующими лицами (1, с. 79, 80, 81, 90). В большинстве случаев драматургические произведения автора композиционно усложнены: они, развиваясь в разных сюжетных направлениях и не подчиняясь единому действию, представляют собой не одно цельное событие, как это полагается в драме, а цепь отдельных событий-сцен. Мастерство Г. Юшкова как драматурга выявляется в умении склеивать, соединять разрозненные сценки в единое художественное произведение и представить их в неразрывном комплексе. Последние его маленькие комедии и драмы схожи с частями-сценами его многоактных пьес предшествующих лет и могли бы послужить составными частями более крупной пьесы. Однако автор не счел нужным соединять их в одно художественное целое, оставив их отдельными самостоятельными драматургическими произведениями. Примечательно, что еще в начале 1990-х Г. Юшковым была написана комедия «Коми бал» (1993), которой также характерно разветвление сюжетных линий, раскрывающих развитие взаимоотношений четырех отдельных пар персонажей. Автор смог найти скрепляющую нить между никак не пересекающимися сюжетами – действующих лиц объединила героиня Анна, пригласившая их на вечеринку, – коми бал, на котором каждая пара в отдельности могла выяснить отношения. В конце 1990-х, возможно, автору не удалось найти в современном обществе героя, мотива, идеи, которые позволили бы ему связать маленькие комедии и драмы в единое произведение.

«Несоединение» возможных частей целого – не столько художественный принцип творчества Г. Юшкова последних лет, сколько признак всей культуры конца XX в., называемый теоретиками искусства фрагментарностью. Появление данного феномена культуры обусловлено условиями кризиса системы миропонимания рубежа веков: вследствие социальных, экономических, политических, нравственных катаклизмов картина мира претерпевает изменения, касающиеся ее раздробления, фрагментации, обрывочности, что, в свою очередь, расшатывает устоявшиеся представления советской эстетической теории о целостности художественного произведения, которое являлось выражением целостности самой действительности (3, с. 371). На смену целостному отображению действительности приходит фрагментарное, мозаичное, обрывочное. Фрагментарность для писателей – эстетический канон, отражающий как фрагментацию самого жизненного мира современности, нарушение его причинно-следственных связей, так и разрушение, расщепление целостного восприятия человека в конце XX в. Обрывочность современного произведения создает ощущение зыбкости этого мира, хрупкости изображаемой жизни, утрату обществом стабильности и определенности. Необходимо отметить, что в 1990-е годы наблюдается расцвет в литературе коми малых жанров вообще. Так, исследователи отмечают их популярность также в поэзии и прозе коми этого же периода. В прозе это миниатюры И. Белых, В. Лодыгина, А. Ульянова, О.Уляшева (4), в поэзии – пейзажная зарисовка, лирическая и философская миниатюры А. Мишариной, В. Лодыгина, Г. Юшкова, А. Некрасова (5), танка и хокку Г. Бутыревой

и О. Уляшева (6). Текстуальная «фрагментарность», являясь одним свойств драматургического творчества Г. Юшкова последних лет, позволяет автору раскрыть основные признаки современности – прежде всего, тотальное одиночество человека в современном обществе, отсутствие в нем связей между людьми, что превращает каждого из них в своего рода «фрагменты» действительности. Одиночество современника, неумение налаживать отношения с другими сужает его пространственную деятельность, жизненную активность, мировоззренческие установки. Персонажи пьес Г. Юшкова к моменту разворачивания действия не состоялись в жизни, их устремления чаще всего сосредоточены на праздном образе жизни. Почти все действующие лица не имеют семей (хотя всем им немного за тридцать), чаще всего, разведены из-за пьянства супругов. Пожилые родители оставлены детьми… По большей части, фрагментарность драматургического творчества Г. Юшкова последних лет фиксирует деградирование современного общества и отдельной личности в нем через отображение разрушения (можно сказать, фрагментации) семейного института, семейных ценностей, распада семейно-родовых отношений.

Фрагментарность драматургического творчества позднего Г. Юшкова, однако, не исключает возможности художественных устремлений драматурга к цельности. Прежде всего, пьесы автора объединяют тематические предпочтения автора: центральное место в маленьких комедиях и драмах занимает тема семьи. Более того, автор концентрирует внимание в пьесах именно на том, как рождаются новые семейные союзы, как складываются отношения между будущими супругами. Общность тематики в анализируемых драматургических произведениях Г. Юшкова связывает их в некоторое художественное, идейное единство, можно сказать, группирует их в цикл произведений. Как известно, произведения, составляющие цикл, «не имеют причинно-следственных связей друг с другом, в них нет пространственно-временных сцеплений событий, но все они соединены энергией авторской мысли, направленной на решение какой-либо проблемы» (7, с. 139). Маленькие комедии и драмы Г. Юшкова 1990-х гг., обладающие автономностью, самоценностью и свободой от связей событийного ряда, скреплены идеей рождения новых семей или восстановления семейных связей, что, несомненно, позволяет говорить об их совокупности как о цикле. Таким образом, фрагментарность, характерная драматургическому творчеству Г. Юшкова в конце 1990-х гг., не бессистемна, его маленькие пьесы «стремятся» к упорядоченности, единству. Еще большее устремление к цельности обнаруживается в идейной наполненности пьес: финал почти каждой из них – рождение новой семьи, можно сказать, объединение ранее разрозненных частиц-фрагментов. В этом отношении выявляется антиномичность маленьких пьес драматурга последних лет: с одной стороны, уменьшение объема драмы, ее сокращение до бытовых сценок, доминирование малых форм драмы в количественном плане в творчестве автора конца XX в. позволяют говорить о дискретности, фрагментарности художественной мысли драматурга в постперестроечный период. С другой стороны, Г. Юшков находит скрепляющие тематические нити между частями-сценками, выстраивая «живые» отношения между ними.

Данная антиномичность выявляет творческие установки автора, характерные его пьесам конца XX в.: как и многие другие писатели этого периода, он, обращаясь к приему фрагментарности, констатирует факт распада общественных связей времен порубежья. Однако драматург также преисполнен стремлением остановить этот разрушительный импульс, восстановить прерванные социальные связи, тем самым придать миру целостность, именно поэтому он придает форму цикла совокупности своих самостоятельных пьес. Семейная тематика как смысловая доминанта возникает в малых формах Г. Юшкова неслучайно. Семейные отношения, восстанавливаемые Г. Юшковым в маленьких пьесах, а также в других произведениях этого периода, позволяет драматургу отстаивать семейные ценности, подчеркивать их важность для гармоничного цельного бытия человека, для восстановления и укрепления социальных связей.

Несмотря на будничность, прозаичность сюжетов комедий Г. Юшкова, в них высвечиваются не только мимолетные проблемы простых людей, они раскрывают и вечные проблемы человека и человечности. Исследуя современность, автор выявляет нравственное опустошение общества, в котором человек не может не деградировать. Персонажи Г. Юшкова, представители этого общества, находят в себе силы преодолеть нравственные катаклизмы, стать лучше, духовно богаче. Возрождению и нравственному изменению героев драматурга способствует осознание ими ценности семейного института. В этом угадывается уверенность автора в незыблемости, целесообразности устоев семьи: они не только содействуют гармоническому развитию личности, но и позволяют привнести некоторую стабильность в неустойчивый, неустроенный современный мир.

Фрагментарность – один из основных признаков коми драм конца XX в. Эпизоды, идеи, различные компоненты пьес Н. Белых, А. Лужикова, А. Попова представляют собой слабо скрепленные части драматургического целого. Мозаичность данных произведений становится следствием возникновения ощущения их незавершенности, сложности для восприятия. Фрагментарность пьес Г. Юшкова иная, она касается лишь раздробления крупного драматургического произведения на небольшие сцены. Его маленькие комедии и драмы, в отличие от пьес перечисленных авторов, характеризуются строгостью, рациональностью, четко обозначенными формами отражения действительности, в них ярко очерчены характеры персонажей, их психологические и моральные свойства. Конфликт в этих пьесах основан на незамысловатой интриге, она в меньшей степени запутана, но позволяет раскрыться характерам персонажей. Особое внимание автор уделяет языку героев – их реплики насыщены экспрессивными оттенками, речь каждого героя индивидуализирована. Маленькие комедии и драмы Г. Юшкова построены в соответствии с законами драматургического искусства и поэтому несложны для восприятия читателем и зрителем, а также для постановки на театральной сцене. Все перечисленные признаки пьес драматурга также выявляют стремление этих произведений к целостной структуре, к передаче не мозаичной смысловой целостности.

Как мы можем убедиться, драматургическому творчеству Г. Юшкова последних лет, как и многим художественным текстам конца XX в., присуща фрагментарность, которая позволяет автору раскрыть процесс утраты обществом переходного периода устойчивости и определенности. Но в то же время в маленьких пьесах Г. Юшкова 1990-х гг. обнаруживаются тематические и композиционные параллели, что выявляет противоположную фрагментарности характеристику творчества драматурга – стремление малых форм драматургического жанра к единству. Данная антиномия отражает активную позицию автора как художника: он не только фиксирует признаки своего времени, как, например, другие коми драматурги конца XX в., но и пытается хотя бы в меньшей степени изменить «распадающийся» мир переходного времени, придать ему некоторую целостность. Преобразующая функция, ранее характерная героям драматургических произведений Г. Юшкова, в 1990-е гг. актуализируется самим автором, к такому шагу художника слова подталкивают относительная пассивность и инертность персонажей его маленьких драм и комедий, т.е. его современников.

В 1990-е гг. Г. Юшковым была издана еще одна маленькая драма «Вир тшыкӧдысь» («Портящий кровь», 1992), которая, однако, не вписывается в ряд вышеперечисленных произведений, т.к. основу ее сюжета составляет не любовная коллизия, а остроконфликтная ситуация – выспрашивание безработным Револьтом у пожилой одинокой женщины Ольги спиртного. Г. Юшкову удается достигнуть в пьесе крайнего драматизма благодаря усилению в характере своего персонажа черт хищника, способного ради спиртного убить человека. Поведение этого персонажа вселяет ощущение страха не только героине драмы, но и читателю и зрителю.

Напряженность описанной в драме ситуации задана уже в названии пьесы: словосочетание «вир тшыкӧдысь» дословно переводится как «портящий кровь», оно, конечно, аллегорично и не обозначает реальное заражение крови одного человека другим. Чаще всего, оно используется при выражении крайне неодобрительного отношения к собеседнику и сопровождается эмоционально напряженной интонацией. Выведение автором данного словосочетания в название произведения настраивает зрителей на появление в пьесе персонажа, вызывающего неприязненное отношение. Их ожидание не обманывается: на сцену выходит Револьт, внешние данные которого вполне подходят под понятие «вир тшыкӧдысь». Во вступительной ремарке к пьесе даны «портретные зарисовки» этого действующего лица: «Пырӧ Револьт. Корзьӧм паськӧма, шуйга коксьыс резина сапӧгсӧ пуртӧн вожӧдӧма» («Входит Револьт. Грязь на одежде образовала корку, резиновый сапог на левой ноге разрезан ножом») (8, с. 585). Возможно, ремарку к пьесе трудно назвать портретом. Скорей всего, она дана драматургом в помощь режиссеру: последний при постановке должен сконцентрировать внимание зрителя именно на этих деталях внешнего облика персонажа. Но в целом эти детали, обладая свойствами портретной детали эпического произведения, сменяют перечисление подробностей внешности персонажа и позволяют домысливать весь его образ – перед глазами читателя и режиссера, решившего поставить эту пьесу, Револьт

предстает грязный, неотесанный, небритый, взъерошенный, дурно пахнущий. Отталкивающий вид персонажа приводит к догадкам о его психологических данных, о целях его визита, о том, что ничего доброго его приход не предвещает, что далее подтверждается его поведением.

Из короткого разговора Револьта с Ольгой многое выясняется: на данный момент Револьт безработный, основным его занятием является пьянство. В прошлом его работа заключалась в нагревании воды для скота. Персонажа уволили во время реорганизации колхоза, новую работу он, скорее, не желает находить, чем не может найти. Его реплики отличаются агрессией, их форма и содержание исполнены ненавистью ко всему, что его окружает: «Кулакавны и колӧ эськӧ да. Ставнысӧ выльысь» («Раскулачить бы надо. Всех заново») (8, с. 586), «Мыйла ӧтилы бур, а мӧдлы дур» («Почему одному хорошо, а другому плохо») (8, с. 586), «Эг нӧ ме пузьӧдчы тан, мӧс картаас? Кымын во нин! А босьтісны арендаӧ, и – мун сэтысь!» («Разве я не нагревал воду здесь, на ферме? Сколько лет уже! А сдали в аренду, и – иди отсюда!») (8, с. 586). К своей собеседнице Револьт относится крайне неуважительно, называя ее «Ольган-больган» (досл. Ольга-болтушка), оскорбительно отзываясь о ее дочери: «Эн карлась. Ачыд абу на бӧжтӧм. Нывтӧ кырсалін на война бӧрас… Эз на тай быдӧн кок вожсӧ паськӧдлыны тэ моз…» («Не мели чепуху. Сама тоже не без хвоста (не святая). Дочь-то нагуляла после войны… Не все как ты ноги раздвигали») (8, с. 587). Не получая должного, по мнению Револьта, количества водки, персонаж начинает запугивать Ольгу: мол, скинет ее в погреб, и никто не узнает, сама она упала или ей помогли. В случае жалоб на него Револьт обещает сжечь дом героини. Как можно убедиться, не только внешние данные этого персонажа вселяют страх, но и его взгляды на жизнь, его отношение к окружающим. Мастерское построение Г. Юшковым характера Револьта позволяет увидеть, распознать сущность подобных людей, ощутить опасность, которую они представляют для общества. Драматург выявляет бессилие одинокого человека, столкнувшегося с жесткостью этого социального явления. В маленькой пьесе «Вир тшыкӧдысь» Г. Юшков отображает необратимые изменения в жизни села, драматический отход современников от традиционных морально-нравственных ценностей. Теперь деревенская община уже не воспринимается как единое целое, скрепленное дружескими, почти семейными отношениями. Теперь нельзя оставлять дом без запора, как раньше, в настоящее время нужно предостерегаться таких, как Револьт. Через характер этого персонажа автор фиксирует формирование в конце XX в. новой прослойки общества, представителям которой присущ паразитический образ жизни, постепенно переходящий в хищнический. Люди, подобные Револьту, не знают нравственных границ, не уважают односельчан, их труд, их взгляды на жизнь. В человеке они ценят лишь его возможность выручить со спиртным, ради водки они пойдут на кражу и даже на убийство. Более уязвимыми в этом смысле становятся одинокие старики. Г. Юшков отображает незащищенность пожилого человека в современном обществе: такие, как Револьт, не уважают его возраст, старость воспринимается ими

как слабость, как нечто содействующее беспрепятственному вымогательству. В драме дана попытка художественного осмысления истоков данного социального явления. По мысли автора, оно изначально заложено в обществе, но набирает силу лишь в определенные исторические периоды. Г. Юшков концентрирует внимание на том, что паразитизм и хищничество, стремление жить за чужой счет в большей степени проявляют себя во времена больших социальных преобразований. Как известно, именно в переходные периоды, когда новые государственные формации еще не получают полного утверждения, общество большей частью начинает пренебрегать этическими нормами, третировать духовные законы, что ведет к расширению границ вседозволенности, как следствие, степень защищенности в таком обществе понижается. В драме данный факт подтверждается примерами Револьта и его отца. Так, «раскрепощение» Револьта происходит в начале 1990-х гг., в переходные перестроечные времена, известные своей жестокостью. Его отец участвовал в раскулачивании односельчан, происходившем также в переходный революционный период, оставивший в истории России кровавый след. Судя по примерам, драматург рассматриваст жестокость как наследственную болезнь, характерную лишь некоторым представителям общества и передаваемую только от поколения в поколения одного рода, одной семьи.

Героиня драмы «Вир тшыкӧдысь» Ольга – явный антипод персонажа Револьта. Она – передовой человек, человек с сильным чувством ответственности перед обществом, перед государством, перед своим временем, перед самим собой. Она, несмотря на одиночество и старость (ей 75 лет), не желает зависеть от кого-либо – продолжает жить в своем доме, держать скот. В отличие от Револьта Ольга не мыслит своей жизни без работы: ее слова, ее убеждения, ее идеалы связаны с трудом и основаны на труде. Ольга – тип созидающей личности, не стремящейся к праздной жизни и не позволяющей себе жить за чужой счет. В творчестве Г. Юшкова данный типаж – частое явление: писателем создан ряд образов людей активных, деятельных и энергичных, занятых конкретным делом, радеющих за общественное дело и благо – это Сергей Игнатов в драме «Сизимӧд председатель» («Седьмой председатель», 1958), Даньӧ Иван в комедии «Кыськӧ тай эмӧсь!» («Есть же такие!», 1969), Анатолий Ларуков в драме «Коді сэки ловйӧн коли» («Кто тогда жив остался», 1975), Конӧ Семӧ в рассказе «Конӧ Семӧ» (1969), Ревекка в романе «Чугра» (1979), Прокӧ Васька в романе «Рӧдвуж пас» («Родовой знак», 1987) и т.д. Это тип героев коми литературы предперестроечного периода, они – воплощение социально активной личности, участвующей в творении истории. Нравственная позиция перечисленных героев, близка писателю, они – выразители авторской концепции положительной личности, Г. Юшков окрестил коми словом «олӧм пыкӧд», что в приблизительном переводе означает «опора жизни», это труженики-созидатели, «хозяева жизни», люди, «на которых держится жизнь» (9, с. 180, 233), это люди, «способные на общественно важное дело» (1, с. 102). Они олицетворяют собой хозяйственный, нравственно-этический, мировоззренческий опыт народа, в них Г.Юшков выражает свой идеал личности. В героине маленькой

драмы «Вир тшыкӧдысь» Г. Юшков сохраняет лучшие черты героев своих произведений прошлых лет, по всем своим характеристикам она напоминает «личность хозяина жизни, такого человека, на котором держится жизнь». Одиночество Ольги, ее преклонный возраст не делают ее «осиротевшей старухой», последние годы героини одухотворены трудом, любовью к труду, любовью к самой жизни. Ольга, как персонаж, близкий автору по духу, по взглядам на жизнь, в драме становится рупором идей драматурга. В словах Ольги отражены размышления Г. Юшкова о реорганизации колхозных хозяйств, о переходе на арендные отношения. Автор через высказывания Ольги напоминает, что у коми арендные отношения существовали давно, они признаны народом. Драматург подчеркивает, что важна не форма трудовых отношений, а сам труд: достижение хороших результатов требует многих усилий. Устами Ольги Г. Юшков также выражает свое мнение о необходимости жестких рамок для таких, как Револьт: «Сталин дырйи кӧ тэнӧ таысь ӧдйӧ на шердйӧдісны кытчӧкӧ. Эн и волы гортад» («При Сталине тебя за это давно бы выслали куда-нибудь. Не бывать бы тебе дома») (8, с. 586). Реплики Ольги, претендующие на голос автора, предлагавшего решение некоторых социальных проблем современности, создают в маленькой драме Г. Юшкова дидактическую линию.

В маленькой драме «Вир тшыкӧдысь» представлены два контрастных характера. Антитеза в пьесе определяется концептуально-смысловой оппозицией двух жизненных позиций, двух мировоззрений, что выражено в столкновении двух характеров – Револьта и Ольги. Первый – по натуре хищник, второй – «олӧм пыкӧд» (основа жизни). В первом преобладает разрушающее начало, во втором – созидающее. Через столкновение контрастных характеров Г. Юшков отображает существенные изменения, происходящие в деревенском мире. По сути, два характера в пьесе становятся героями своего времени. Ольга связана с уходящим укладом жизни, с прежней деревней, сплоченной сельской общиной, отношения в которой основаны на взаимном уважении, взаимовыручке и поддержке. Жители прежней деревни творили историю – подняли полуразрушенное послевоенное колхозное хозяйство. Револьт – герой, вернее, антигерой, наступающего времени, можно сказать, пограничного периода, усилившего потребительское начало в обществе. Это герой-одиночка, не нуждающийся в сочувствии или поддержке, сам он также не проявляет дружеского участия ни к кому из односельчан. Подобное отношение к людям свидетельствует о разобщенности, доминирующей в современном обществе, об отсутствии крепких социальных связей в современном мире, о деградации народа. В отличие от поколения Ольги, поколение Револьта далеко от трудовых подвигов, от стремлений помочь своему государству, их желания сконцентрированы только на них самих. Так, разобщенность современников приводит к умалению их устремлений, сужению их взглядов на жизнь. В пьесе Ольга не может прогнать Револьта, героиня под страхом смерти отдает ему водку. Обладатель высокого морального духа в современном обществе отступает перед ничтожным человеком, имеющим большую физическую силу. Таким образом, пьеса «Вир тшыкӧдысь» выявляет

социальные явления, обусловленные переходом России в 1990-е годы к новым общественным отношениям. Г. Юшкова интересует проблема раскрепощения личности, получения ею в конце XX в. некоторой свободы. По мнению автора пьесы, демократизация общества не только способствует решению политических, экономических, социальных проблем, но и становится причиной разрушения некоторых нравственных ценностей старого мира. На примере образа Револьта драматург показал, как раскрепощение личности приводит к утрате ею нравственных критериев. Казалось бы, краткость драмы не дает возможности раскрыться героям, их взглядам в полной мере. Но в произведении «Вир тшыкӧдысь» обнаруживается мастерство Г. Юшкова как создателя драмы, способного использовать различные методы передачи психологии героев, позволяющих наименьшими средствами отобразить основные черты не только своих персонажей, но и своего времени.

Драматургическое творчество Г. Юшкова 1990-х гг. знаменует собой новый этап развития драматургии коми. Воздействие общественно-политических перемен на творческое сознание автора очевидно. В его пьесах ощутимо дыхание времени – в них раскрываются новые конфликты, новые характеры, рожденные дисгармоничностью современной действительности. Герой драм Г. Юшкова – уже не сильная созидающая личность, а маленький человек, живущий своими маленькими мечтами и желаниями. Обмельчание характеров персонажей ведет к обмельчанию сюжета, рамок жанра.

Основной темой драматургических произведений Г. Юшкова конца XX в. становится тема семьи. Она объединяет все пьесы драматурга этого периода. Доминирование этой темы в творчестве автора 1990-х гг. обусловлено стремлением автора донести читателю и зрителю мысль о непреходящей ценности института семьи, о возможности восстановления разорванных общественных связей через восстановление семейных союзов. В плане создания драматургического произведения Г. Юшков остается мастером построения психологически достоверных характеров, индивидуализации речи персонажей, использования стилистических особенностей языка для большего воздействия на зрительскую аудиторию. Как и раньше драмы и комедии Г. Юшкова востребованы театром: многие его пьесы этого периода уже были поставлены на сценах республиканских театров. Как и раньше, его пьесы имеют успех у зрителя.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Латышева В.А.* Конфликт и характер в коми драматургии (40–60-е гг). – Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1973.

2. *Латышева В.А.* Драматургия братских угро-финских народов Поволжья и Приуралья // Латышева В. А. Классики и современники: Статьи о литературе. – Сыктывкар: Коми книжное издательство, 2005.

3. *Липовецкий М.Н.* Постмодернизм: агрессия симулякров и самрегуляция Хаоса // Русская литература XX века: закономерности исторического развития.

4. *Кузнецова Т.Л.* Коми проза на рубеже XX–XXI вв. // Материалы Всероссийской на-

учной конференции «Филологические исследования на рубеже XX–XXI веков: традиции, новации, итоги, перепективы» (Сыктывкар, 19–21 октября 2011 г.). – Сыктывкар, 2012.

5. *Демин В.Н.* Истории и типология жанров коми поэзии. – Екатеринбург: УрО РАН, 1997.

6. *Ельцова Е.В.* Трансформация жанров японской лирики (танка и хокку в поэзии Г.Бутыревой и О. Уляшева) // Проблемы жанровой поэтики коми литературы. Труды Института ЯЛИ Коми НЦ УрО РАН: вып. 65. – Сыктывкар, 2007.

7. *Осипова О.Н.* Малая проза В. Брюсова: прагматическое развертывание мотивов и образов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 1.

8. *Юшков Г.* Вир тшыкӧдысь // Г. Юшков. Отувтӧм гижӧдъяс. Т. 3. Повесть, висьтъяс, пьесаяс. – Сыктывкар: Коми небӧг лэдзанін, 2001.

9. *Микушев А.К.* На таежных просторах. – М.: Современник, 1986.

Natalia Gorinova

SMALL FORMS OF DRAMA IN G. YUSHKOV'S WORKS OF 1990S

The article discusses creation of G.A. Yushkov (1932–2009), who is a special artistic phenomenon in Komi literature. He distinguished himself in poetry and prose, drama, journalism. His dramatic works occupy a special place in literature and art of Komi. In G.A. Yushkov's dramatic works of 1990s the impact of social and political change are manifested, new conflicts and new characters are revealed. The main theme of the works is a family. The author tried to bring readers and viewers thought about the value of the family institution. Works of G.A. Yushkov are claimed theater and enjoyed success with the audience at the moment.

СООБЩЕНИЯ

Галина Эрцикова
Йошкар-Ола

ЧАСТИЦЫ ТЮРКСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В МАРИЙСКИХ ДИАЛЕКТАХ

Частицы, как и любая лексико-грамматическая категория слов, имеют свою историю. Известно, что они не обладают своими словообразовательными средствами, а пополняются за счет слов других категорий собственного языка и заимствований из других языков. В обогащении марийских диалектов частицами существенную роль сыграли русский и соседние тюркские языки. собственно-марийских частиц немного (1, с. 193; 2, с. 142).

Русские заимствованные частицы подробно рассмотрены в статье С.С. Сибатровой «Роль русских заимствований в формировании системы частиц в марийском языке» (3, с. 30–45). Автор в исследуемом языке, без учета глагольных отрицаний и частиц, оформляющих описательные прошедшие времена, выявила 247 частиц, из которых 90 (36,4%) – заимствованы из русского языка. По ее мнению, в горном и северо-западном диалектах около половины частиц являются русскими заимствованиями, в луговом и восточном – более одной трети (3, с. 40, 43).

Цель нашей работы – выявление тюркских частиц в марийских диалектах.

Марийско-тюркские контакты имеют многовековую историю. В процессе длительных связей марийцев с тюркоязычными соседями происходило как культурно-экономическое, этническое, так и языковое взаимодействие. Тюркские заимствования встречаются во всех марийских диалектах. По результатам изысканий Н.И. Исанбаева, «в диалектах марийского языка около трех тысяч слов, которые можно рассматривать как заимствования из татарского языка или через его посредство» (4, с. 27). М.Р. Федотов в марийском языке выявил около 1352 слов чувашского происхождения (5, с. 164). Среди них представлены и частицы.

С точки зрения территориального распространения нами выделяются следующие группы тюркских заимствованных частиц:

1) частицы, общие для всех наречий (общемарийские);

2) частицы, общие для лугового, восточного и северо-западного наречий;
3) частицы, общие для лугового и восточного наречий;
4) частицы, встречающиеся в отдельных наречиях.

Тюркские заимствованные частицы,
общие для всех наречий (общемарийские)

айда л., в., г., сз.; *айда* в. пб., в. блб. 'айда, давай' < тат. *айда, әйдә* 'айда'; ср. чув. *айта*, башк. *айҙа* (4, с. 68; 7, с. 10). И.С. Галкин, Е.И. Коведяева указывают лишь на ее тюркский характер (1, с. 190; 6, с. 89), К.Е. Майтинская считает, что мар. *айда* восходит к чув. диал. *айта* 'айда' (2, с. 141). Модально-волевая частица, составляет омонимическую пару с междометием *айда* 'айда'.

керек л., в., г., сз. 'хоть' < чув. *кирек* 'хоть', ср., например, чув. *кирек кам*, л. *керек-кӧ* 'кто-нибудь, кто угодно'; чув. *кирек мӗн*, л. *керек-мо* 'что-нибудь, что угодно' (2, с. 141; 8, с. 52; 5, с. 196). По мнению Н.И. Исанбаева, слово *керек* восходит к татарскому *кирәк* 'надобно, нужно' (7, с. 76). Выступает в качестве модально-волевой, словообразующей и в луговом наречии выделительно-ограничительной частицы. Является омонимом предикативному слову *керек* 'безразлично, неважно, все равно', уступительному союзу *керек* 'хоть'.

тек л., г., в., сз. 'пусть, пускай? < чув. *тек*; ср. тат. *тик* 'только, лишь; так себе'. Например, чув. *тек калаҫтӑр*, мар. *тек ойлыжо* 'пусть говорит' (5, с. 247). Модально-волевая частица, является омонимом союзу *тек* 'пусть, пускай' и наречию *тек* 'бездеятельно; безотчетно; тихо, смирно, молча'.

ынде л., в.; *ындe* г.; *ынте, ынты* сз. 'же' < чув. *ӗнтӗ*; ср. тат. *инде*, башк. *инде* 'теперь, уже' (5, с. 181; 9, с. 779). Усилительно-выделительная частица, составляет омонимическую пару с наречием *ынде* 'теперь'.

Тюркские заимствованные частицы,
общие для лугового, восточного и северо-западного наречий

ала л., в.; *ӓлӓ* сз. 'может быть, может, возможно, вероятно; вряд ли, кто знает; -то' < тат. *әллә* ; ср. башк. *әллә* 'может быть, не знаю', чув. *эллe*, монг. *али* 'где, что' (1, с. 189; 10, с. 78; 5, с. 283; 7, с. 13; 9, с. 21). Выступает в качестве предположительной, неопределенной и словообразовательной (участвует в образовании неопределенных местоимений и наречий: л. *ала-мо* 'что-то', *ала-кӧ* 'кто-то', *ала-куштo* 'где-то' и др., ср. тат. *әллә кем* 'неизвестно кто, кто-то') частицы. Составляет омонимическую пару с разделительным союзом *ала* 'не то, не то; или'.

эн л., в.; *ин* сз. 'самый, всех' < тат. *ин* 'самый'; ср. башк. *ин* 'самый', узб. *энг* 'самый', тур. *en* 'самый' (1, с. 98, 189; 11, с. 131; 7, с. 195). Относится к группе частиц, выражающих степень распространения, влияния. Употребляется для образования превосходной степени качественных имен прилагательных и наречий.

Тюркские заимствованные частицы,
общие для лугового и восточного наречий

-але л., в. '-ка, же' < тат. *әле* '-ка'; ср. башк. *әлә* '-ка' (1, с. 187; 6, с. 88; 10, с. 86; 2, с. 141). М.Р. Федотов мар. *-але* возводит к чувашским *-халӗ, -ха*, например, чув. *ҫук халӗ*, л. *але уже* 'пока нет, нет еще' (5, с. 261). В марийских диалектах

выступает в качестве усилительной, модально-волевой и присоединительной частицы. Образует омонимические пары с наречием времени *але* 'еще, пока', с разделительным и пояснительным союзом *але* 'или'.

аман л., в. бр.; *аман* в. 'видимо, видно, похоже, видать; все-таки, все же' < тат. *хаман* 'все; все время, беспрестанно'; ср. башк. *аман*, чув. диал. *аман* 'постоянно, все еще' (1, с. 191; 10, с. 97; 4, с. 81; 7, с. 26). По мнению М.Р. Федотова, чув. *аман* и тат. *хаман* тождественны (5, с. 168). Модальная частица, придает оттенки предположения, убежденности.

гына л., в. 'только, лишь' < тат. *гына*, *генә* 'только, лишь'; ср. башк. *генә*, *гына*, чув. *кăна*, кирг. *гана* (1, с. 186; 2, с. 139; 10, с. 249; 7, с. 40; 9, с. 75). М.Р. Федотов считает, что татарские формы *гына*, *генә* проникли в марийские диалекты при посредстве чувашского *кăна* (5, с. 192). Выступает в качестве выделительно-ограничительной и усилительной частицы.

дыр л., в. 'наверное, вероятно, очевидно' < тат. *-дыр/-дәр* 'вероятно, должно быть, по-видимому' (2, с. 141; 10, с. 277–278; 4, с. 82; 7, с. 43). И.С. Галкин пишет о тюркском источнике частицы, но не указывает на конкретный язык (1, с. 191). М.Р. Федотов чув. *-тăр/-тĕр* и тат. *-дыр/-дәр* рассматривает как тождественные формы (5, с. 245). Относится к группе предположительных частиц, вносит оттенки предположения, догадки, сомнения, неуверенности.

ие л., *ие/йе* в. 'да, ага' < тат. *әйе*, разг. *ие* 'да, так'; ср. чув. *ийя/ие* 'да', башк. *эйе* (12, с. 43). Утвердительная частица.

-ла л., в. '-ка, ну; ведь, же' < тат. *ла* 'же, ведь, да'; ср. башк. *лә* 'ну и, же' (7, с. 97). Выступает в качестве модально-волевой и усилительной частицы.

лаваса л., *лабаса/лаваса/лавасан/ласа/лăвсăн/лăпсă* в. 'ведь, же' < тат. *лабаса*, *ләбаса* 'ведь, же'; ср. башк. *лабаһа*, чув. диал. *лапасса* 'ведь, же' (7, с. 97; 12, с. 43; 9, с. 268). Усилительная частица.

ме л., в. 'ли' < тат. *мы*, диал. *-ма*, *-мә* 'ли' (4, с. 88; 7, с. 101–102). Вопросительная частица (*сай ме?* 'хорошо ли?'; *толын ме?* 'пришел ли'). Однако равнозначные вопросительные частицы *мо* л., в.; *ма* г., сз. 'ли' (л. *сай мо?* 'хорошо ли?'; *толын мо?* 'пришел ли') своими корнями уходят к вопросительному местоимению *мо/ма* 'что' (< ур. **mз*) (1, с. 188; 2, с. 131; 13, с. 165, 257).

микан/мекан л., *микан/мекан/мекăн* в. 'чай, ли, то ли' < тат. *микән* 'ли, то ли' (7, с. 102; 12, с. 84; 9, с. 329). Предположительная частица, придает высказыванию оттенок неопределенности, недостоверности.

уна л., в. 'вот' < тат. *мена* 'вот' (1, с. 187). Указательная частица, употребляется для указания на предметы и явления, находящиеся в непосредственной близости. Является омонимом существительному *уна* 'гость, гостья'.

шол л. срн., в. 'да, же, действительно' < тат. *шул* 'ведь, же'; ср. башк. *шул* 'ведь, же' (1, с. 190; 2, с. 139; 4, с. 100; 7, с. 189; 9, с. 727). Утвердительная частица, служит для утверждения мысли или высказывания, для утвердительного ответа на вопрос.

эсмаса л, в.; *эсмасам* в. 'даже, и; хоть, хоть бы' < тат. *ичмаса*, *Інчмасам*;

ср. чув. *исмаса, исмаса* 'даже, хотя бы, по крайней мере' (7, с. 197; 12, с. 157). По мнению И.С. Галкина, она восходит к булгарскому языку (8, с. 51), М.Р. Федотов находит ее истоки в чувашском языке (5, с. 182). Выступает в качестве усилительно-выделительной и выделительно-ограничительной частицы.

Тюркские заимствованные частицы, встречающиеся в отдельных наречиях

и л. волж. 'ли' < чув. *-и*: *пур-и?* 'есть ли?' (14, с. 113; 2, с. 140; 5, с. 181). Вопросительная частица.

тама г. 'вероятно, возможно; так уж'. Тождественна с чувашским неопределенным местоимением *темĕн*, образованным из *те* 'не то ... не то' (> мар. *тä*) и *мĕн* 'что' (5, с. 247). Предположительная частица. Находится в отношениях грамматической омонимии с многозначным неопределенным местоимением *тама* 'что-то; какой-то; всякий'.

тап в. 'очень, совершенно': *тап-таза* 'совершенно здоровый' < тат. *тап-таза* – прилагательное превосходной степени от *таза* 'совершенно здоровый, здоровехонький' (15, с. 314); ср. башк. *тап таза* 'совершенно здоровый' (7, с. 143; 12, с. 118). Усилительная частица, употребляющаяся в составе единичных слов.

фӑлан/пӑлан в. 'нечто, некто, что-либо' < тат. *фәлән* 'тот, некто'; ср. башк. *фәлән* 'такой-то, так-то' (7, с. 171; 12, с. 138). Неопределенная частица.

чылт л. 'будто, как, словно, как будто, точно; только, лишь, лишь только; как раз, прямо, совершенно' < чув. *йӑлт* – звукоподражательное слово (1, с. 186; 5, с. 119, 183). Эта лексема большей частью функционирует в качестве наречия (*чылт* 'совершенно, окончательно, совсем, полностью') и сравнительной частицы (*чылт* 'будто, как, словно, как будто, точно'), реже – в качестве выделительно-ограничительной (*чылт* 'только, лишь, лишь только') и определительной (*чылт* 'как раз, прямо, совершенно') частицы.

эмыш в. 'вроде, как будто, якобы' < тат. *имеш* 'как будто, будто бы, якобы, дескать'; ср. башк. *имеш*, чув. *имеш*, кирг. *имеш* 'как будто, будто бы, якобы, дескать' (7, с. 195; 12, с. 156). Предположительная частица, выражает предположительность высказывания, сомнение в достоверности сообщаемого.

Как видно, из 6 частиц тюркского происхождения, встречающихся в отдельных наречиях, 3 единицы распространены в восточном наречии (они все восходят к татарским источникам), 2 единицы – в луговом, 1 – в горном (вошла из чувашского языка). В северо-западном наречии нет ни одной тюркской заимствованной частицы, которая отсутствовала бы в других диалектах.

Относительно этимологии ряда частиц в научной литературе нет единого мнения. Такие единицы ниже приводятся как частицы неясного происхождения. Они при подсчете не учитывались.

-ак л., в.; *-ок* в., г., сз. 'же'. По мнению И.С. Галкина, Ф.И. Гордеева и М.Р. Федотова, она восходит к тюркскому источнику, например, чув. *-ах: чыпахах* 'правда же', ср. л. *-ак: чыпакак* 'правда же' (1, с. 183–184; 16, с. 66; 5, с. 171). Однако нельзя не согласиться с К.Е. Майтинской и Г.М. Тужаровым, которые

k-овые варианты марийских частиц *-ак (-äк), -ок, -кə̑ (кə), -кə̄n (кən)* возводят к периоду финно-угорской общности, доказывая это тем, что данным частицам соответствуют мордовские: мокша-морд. *-ка, -кѣ, -га, -ґѣ, -ŋґа -ŋgѣ* ; эрзя-морд. *-јак*, идентичные финским *-ka(an), -kä(än), -kin* (17, с. 10, 62; 18, с. 33–34). Усилительно-выделительная частица.

ач г. 'же, ведь'. Ф.И. Гордеев ее связывает с русским источником: «ряз. *ач* 'вот еще, как бы не так; еще что', *áщи, че, еще* (Даль I, с. 31, 8) 'если, если же, буде, коли' – общеславянское (Фасмер I, с. 99)» (16, с. 172–173). М.Р. Фетотов считает, что г. *ач* произошла из чув. *-иҫ*; ср. тат. *ич* (< перс.), например, чув. сунд. *вăл çок иҫ*, г. *тӹдӹ уке ач* 'его ведь нет' (5, с. 182). Усилительно-выделительная частица.

лач(ак) л., в.; *лач* г.; *лащ* сз. 'только, лишь, лишь только; именно, как раз; словно, как'. И.С. Галкин, М.Р. Федотов происхождение лексемы *лач* связывают с чувашским языком (1, с. 186; 19, с. 94). Однако, в работах, опубликованных позже, М.Р. Федотов рассматривает чув. *лач* уже как марийское заимствование (5, с. 307; 20, с. 331–332) и при этом ссылается на Д.Е. Казанцева (21, с. 134). По предположениям Г. Берецки, марийская частица *лач* заимствована из какого-то неизвестного субстратного языка (13, с. 168). Более убедительной, по нашему мнению, является точка зрения Д.Е. Казанцева, который отмечает, что в других тюркских языках слов, сходных с чувашским *лач*, нет, однако слова, близкие к марийскому *лач*, имеются в таких финно-угорских языках, как мокша-мордовский, ср. *лащ* 'хорошо, здорово, основательно; отчетливо; плодотворно; благополучно', эрзя-мордовский, ср. *лащемс* 'налаживать, настраивать; мирить; сватать', удмуртский, ср. *лач* 'плотно, наглухо; складно (говорить); спокойно (держаться)' (21, с. 134). Марийское слово *лач* является многозначным, встречается в качестве наречия (*лач* 'как раз; именно, точно; впору; ровно; кстати; верно; лучше'), выделительно-ограничительной (*лач* 'только, лишь, лишь только?), определительной (*лач* 'именно, как раз?) и сравнительной (*лач* 'словно, как') частицы.

-я л., в.; *йӓ* г. '-ка, ну; же'. По мнению И.С. Галкина, частица *-я* по происхождению является финно-угорской (1, с. 190). М.Р. Федотов г. *йӓ* возводит к чув. *е (йе)*, а л. *-я* – к тат. *я* (5, с. 179). Выступает в качестве модально-волевой и, в горномарийском наречии, усилительно-выделительной частицы.

Таким образом, опираясь на труды известных лингвистов (И.С. Галкина, М.Р. Федотова, К.Е. Майтинской, Ф.И. Гордеева, Н.И. Исанбаева и др.) и на результаты собственного исследования, в марийском языке и его диалектах выявлено 24 частицы, заимствованные из тюркских (татарского или чувашского) языков. На историю 4 частиц (*-ак/-ок, ач, лач(ак), -я/йӓ*) представлены разные точки зрения, поэтому их происхождение требует специального, более детального анализа.

9 из рассмотренных частиц образуют омонимические ряды с наречиями, союзами, местоимением, существительным, сказуемым, междометием. 7 – являются многозначными, т.е. относятся к разным семантическим группам. Под влиянием тюркских языков больше всего пополнились усилительные и модальные частицы.

Таблица 1

Частицы тюркского происхождения в марийских диалектах

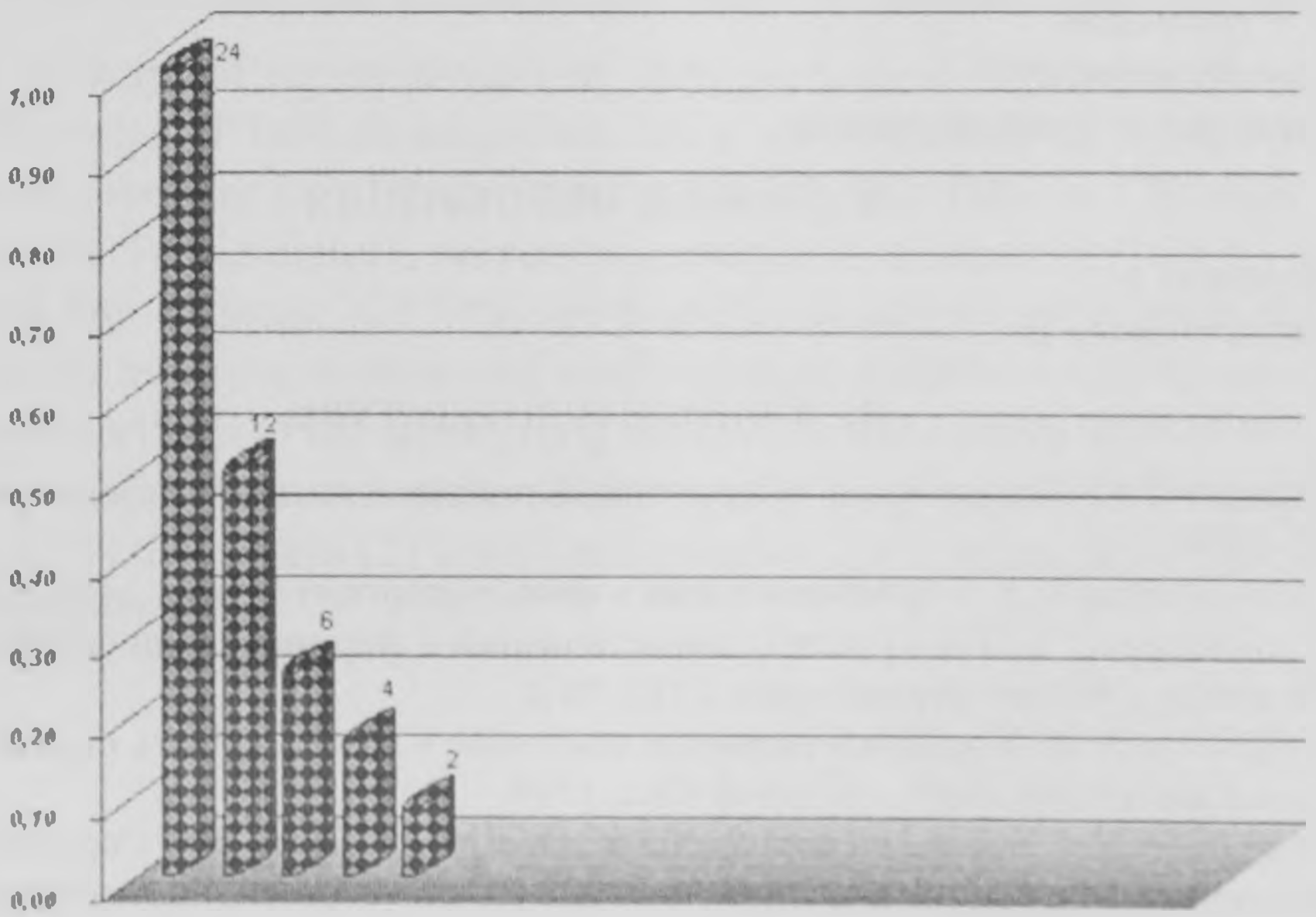
№ п/п	Тюркские заимствованные частицы	Форма в языке-источнике
	общие для всех наречий (общемарийские)	
1	*айда/äйдä* 'айда, давай'	тат. *айда/äйдä*
2	*керек* 'хоть'	чув. *кирек*
3	*тек* 'пусть, пускай'	чув. *тек*
4	*ынде/ӹнде/ӹнте/ӹнтӹ* 'же'	чув. *ёнтё*
	общие для лугового, восточного и северо-западного наречий	
5	*ала/ӓлä* 'может быть, может, возможно, вероятно; вряд ли, кто знает; -то'	тат. *әллә*
6	*эн/ин* 'самый, всех'	тат. *ин*
	общие для лугового и восточного наречий	
7	*-але* '-ка, же'	тат. *әле*
8	*аман/аман* 'видимо, видно, похоже, видать; все-таки, все же'	тат. *хаман*
9	*гына* 'только, лишь'	тат. *гына/генә*
10	*дыр* 'наверное, вероятно, очевидно'	тат. *-дыр/-дер*
11	*ие/йе* 'да, ага'	тат. *әйе*, разг. *ие*
12	*-ла* '-ка, ну; ведь, же'	тат. *ла*
13	*лаваса/лабаса/лавасан/ласа/лӓвсӓн/лӓпсӓ* 'ведь, же'	тат. *лабаса, ләбаса*
14	*ме* 'ли'	тат. *мы*
15	*микан/мекан/мекӓн* 'чай, ли, то ли'	тат. *микән*
16	*уна* 'вот'	тат. *менә*
17	*шол* 'да, же, действительно'	тат. *шул*
18	*эсмаса/эсмасам* 'даже, и; хоть, хоть бы'	тат. *ичмаса/hичмасам*
	встречающиеся в отдельных наречиях	
19	*и* л. волж. 'ли'	чув. *-и*
20	*тама* г. 'вероятно, возможно; так уж'	чув. *темӗн: те (> мар. тӓ) +мӗн* 'что'
21	*тап: тап-таза* в. 'совершенно здоровый'	тат. *тап-таза*
22	*фӓлӓн/пӓлӓн* в. 'нечто, некто, что-либо'	тат. *фәлән*
23	*чылт* л. 'будто, как, словно, как будто, точно; только, лишь, лишь только; как раз, прямо, совершенно'	чув. *йӑлт*
24	*эмыш* в. 'вроде, как будто, якобы'	тат. *имеш*

Степень распространения тюркских заимствованных частиц в диалектах неравная: 4 (16,6 %) частицы являются общемарийскими, т.е. употребляются во всех четырех диалектах; 12 (50 %) – встречаются в луговом и восточном наречиях; 2 (8,3 %) – в луговом, восточном и северо-западном наречиях; 6 (25 %) – в отдельных диалектах. Из последней группы 3 частицы употребляются в восточном наречии. 2 – в луговом, 1 – в горном. Более широкое территориальное распространение частицы тюркского происхождения получили в восточном (21 единица) и луговом (20 единиц) наречиях, в горном их насчитывается 5, в северо-западном – 6. Такое распространение тюркских заимствованных частиц в марийских диалектах объясняется различием в степени татарского и чувашского влияния, их географического положения по отношению к тюркским языкам (8. с. 47, 56; 4. с. 67).

Изучение тюркских заимствованных частиц в марийских диалектах позволяет утверждать, что в фонетическом отношении они подверглись незначительной адаптации. Частицы, на историю происхождения которых существуют разные точки зрения, в таблицу не включены.

На основе результатов исследования построена дифференциальная диаграмма количественных показателей тюркских заимствованных частиц в марийских диалектах.

Количественные показатели тюркских заимствовованных частиц в марийских дилектах



24 (100 %) – общее количество заимствованных тюркских частиц; 12 (50 %) – частицы, общие для лугового и восточного наречий; 6 (25 %) – частицы, встречающиеся в отдельных диалектах; 4 (16,6 %) – частицы, общие для всех наречий; 2 (8,3 %) – частицы, общие для лугового, восточного и северо-западного наречий.

СОКРАЩЕНИЯ

башк. – башкирский
блб. – белебеевский говор
бр. – бирский говор
волж. – волжский говор
в. – восточное наречие
г. – горное наречие
диал. – диалектный
кирг. – киргизский
лит. – литературный
л. – луговое наречие
мар. – марийский
мокша-морд. – мокша-мордовский
монг. – монгольский
мрк. – моркинский подговор
перс. – персидский
пб. – прибельский говор
разг. – разговорный
сз. – северо-западное наречие
срн. – сернурский подговор
сунд. – сундырский говор
тат. – татарский
тур. – турецкий
узб. – узбекский
ур. – уральский
чув. – чувашский
эрзя-морд. – эрзя-мордовский

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

> перешло в ...
< заимствовано из ...

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Галкин И.С.* Историческая грамматика марийского языка. Морфология. Ч. 1. – Йошкар-Ола, 1964.

2. *Майтинская К.Е.* Служебные слова в финно-угорских языках. – М., 1982.

3. *Сибатрова С.С.* Роль русских заимствований в формировании системы частиц марийского языка // Финно-угроведение. 2013, № 2.

4. *Исанбаев Н.И.* Марийско-тюркские языковые контакты. Часть первая (татарские и башкирские заимствования). – Йошкар-Ола, 1989.

5. *Федотов М.Р.* Чувашско-марийские языковые взаимосвязи. – Саранск, 1990.

6. *Коведяева Е.И.* Марийский язык // Основы финно-угорского языкознания (марийский, пермские и угорские языки). – М., 1976.

7. *Исанбаев Н.И.* Марийско-тюркские языковые контакты. Часть вторая (Словарь татарских и башкирских заимствований). – Йошкар-Ола, 1994.

8. *Галкин И.С.* Марий исторический лексикологий. Тунемме книга. – Йошкар-Ола, 1986.

9. *Вершинин В.И.* Словарь марийских говоров Татарстата и Удмуртии. – Йошкар-Ола, 2011.

10. *Гордеев Ф.И.* Этимологический словарь марийского языка. Т. 2: В – Д. – Йошкар-Ола, 1983.

11. *Андуганов Ю.В.* Историческая грамматика марийского языка. Синтаксис. Ч. I. Введение. Субстантивные словосочетания. – Йошкар-Ола, 1991.

12. *Илиева А.А.* Словарь балтачевского говора марийского языка. – Йошкар-Ола, 2009.

13. *Bereczki Gábor.* A cseremisz nyelv történeti alaktana. – Debrecen, 2002.

14. *Лаврентьев Г.И.* Послелоги и частицы в волжском говоре марийского языка // Вопросы марийского языкознания: Сб. ст. Вып. II. – Йошкар-Ола, 1968.

15. Татарско-русский словарь: В 2-х т. Т.2 (М – Я). – Казань, 2007.

16. *Гордеев Ф.И.* Этимологический словарь марийского языка. Т. 1: А – Б. – Йошкар-Ола, 1979.

17. *Майтинская К.Е.* Местоимения в мордовских и марийских языках. – М., 1964.

18. *Тужаров Г.М.* *к*-овые варианты частиц в марийском языке // Советское финно-угроведение. 1967, №1.

19. *Федотов М.Р.* Исторические связи чувашского языка с языками Поволжья и Перми. Ч. I. – Чебоксары, 1965.

20. *Федотов М.Р.* Этимологический словарь чувашского языка. В 2-х тт. Т.I.: А – Р. – Чебоксары, 1996.

21. *Казанцев Д.Е.* Рец.: М.Р. Федотов. Исторические связи чувашского языка с языками угро-финнов Поволжья и Перми. Ч. I // Советское финно-угроведение. 1966, № 2. – Чебоксары, 1965.

Galina Ertsikova

PARTICLES OF TURKIC ORIGIN IN MARI DIALECTS

One of the ways of replenishment of Mari particles is borrowing from Turkic languages. Particles of Turkish origin are found in all dialects of Mari. According to the research there are 24 of them, they go back to the Tatar or Chuvash source. The extent of the Turkic dialects borrowed particles in unequal: 4 (16.6%) particles are used in all four dialects; 12 (50%) are found in meadows and eastern dialects; 2 (8.3%) are in the meadow, eastern and north-western dialects; 6 (25 %) are in some dialects. Three particles of the latter group are used in the eastern dialect, 2 are in the meadow, and one is in the mountain. Wider spatial distribution particles of Turkic origin obtained in the eastern (21 units) and meadow (20 units) dialects, in mountain (5), in the north-west (6).

«Финно-угроведение», 2014, № 1

Майя Мамаева
Йошкар-Ола

СЮЖЕТЫ, МОТИВЫ И ОБРАЗЫ РЕКРУТСКИХ ПЕСЕН: РЕКРУТСКИЕ ПЕСНИ-УВЕДОМЛЕНИЯ

Систематизация песен по сюжетно-мотивным признакам чрезвычайно важна для понимания содержания и смыслового значения песенного корпуса. Анализ песенных текстов с позиций сюжетно-мотивного строения достаточно широко используется в поволжской фольклористике, в частности в трудах М.Кондратьева (см. 1). Термин *сюжет* в этом случае рассматривается в самом общем значении как предмет, тема высказывания. Надо, безусловно, отметить, что понятие сюжета (и мотива) гораздо более конкретно и непосредственно связано с описательно-повествовательным рядом песенного текста, нежели довольно абстрактное понятие темы.

Предпринятое нами субжанровое разделение рекрутских песен марийцев позволило выделить несколько основных функционально-тематических групп. Одну из таких групп мы обозначили как рекрутские **песни-уведомления**. Песни-уведомления имеют определенный круг своих сюжетов и мотивов, выделяются в рекрутском репертуаре своей системой образности, структурно-семантическими чертами. В корпусе песен данной функциональной группы мы выделяем три главные сюжетные линии (сюжеты): 1) получение страшной вести – известия/повестки о наборе (взятии) на службу; 2) наступление времени (момента) расставания и отъезда; 3) уведомление о роковом известии, по большей части, о начале войны, военных действий. Все названные сюжеты связаны с уведомительным (информационным) назначением и, безусловно, с реакцией на это тяжелое, драматическое событие. По количеству песенных текстов – это относительно небольшая часть рекрутского репертуара. При этом в исполнительском аспекте, в бытовании такие песни характеризуются чрезвычайной устойчивостью, повторяемостью текстов практически без изменений или с незначительными изменениями деталей.

Важная особенность данных песен – глубина мысли-чувства, масштабность и значимость песенных образов. Отсюда вытекает специфическая черта – довольно развитая метафорическая часть (звено) текста с использованием многочленного параллелизма, с яркой художественной образностью, часто – с красочностью сюжета. Показательно использование гиперболизации, символических и мифологизированных образов-мотивов. Мы называем такого типа сю-

жеты своего рода проявлением «высокого стиля» в марийской песенной поэзии. Метафорическая часть составляет, как правило, свой самостоятельный сюжет, параллельный основному (реальному). Характерен тип перечислительной сюжетности с цепочным построением, образованием многостиховых текстов.

Известие о взятии в рекруты, воинском призыве, получении повестки в армию является ведущим сюжетом в рассматриваемой функционально-тематической группе, определим его как сюжет **роковой вести (получения повестки)**. Рекрутство/военный призыв являлись горьким и тяжелым известием как для молодого парня, так и для его родителей. Эта весть всегда приносит в дом горе. Получение известия о зачислении в рекруты воспринимается и отражается в песнях как тяжелый удар, злая роковая сила, равная силе могучих природных стихий. Отсюда, типический сюжет метафорической части этих песен составляют образы стихий природы – грома, молнии, мощного ветра, злого мороза – инея.

Наиболее распространенный вариант этой чрезвычайно устойчивой сюжетной линии – сюжет (мотив) «дальнего грома-молнии», который приносит тяжесть (отяжеление). Получение повестки для солдата, известия для рекрута аналогично удару молнии, раскату грома. Тяжело приходится даже каменной горе и верхушкам деревьев. Мотивы грома и молнии (*кӱдырчӧ, волгенче*), а в полном варианте к ним присоединяется также образ сильного ветра (*мардеж*), – являются символом злой силы, удара судьбы. Сюжет приближения грома-молнии идет в связке с мотивом получения собственно вести (*увер*) или повестки – бумаги (*кагаз, книга*). При этом в старинных песнях часто используется образ *пӱкшерме вий* 'верхушка орешника' – символ молодого парня-рекрута. Более полный вариант сюжета, дополненный образом дальнего ветра, мы находим в записи Т.Евсеева, сделанной в 1907 г. в дер. Азъял Моркинского района. В данном случае возникает триада стихий: *кӱдырчо – волгенче – мардеж*, в варианте из сборника И.Осмина образ ветра пропущен.

Мӱндыр кӱдырчет кӱдыртале,
Кӱ курыкетлан нелыже тольо.
Пышкерме вуетлан нелыже тольо.
Мӱндыр мардежет пуалале,
Пушенге вуетлан нелыже тольо.
Мӱндыр кагазет толалъы,
Мыланна веле нелыже тольо. (2, д. 219б, № 646)

Дальний гром прогремел,
Дальняя молния сверкнула,
Верхушке орешника тяжесть пришла.
Дальний ветер подул,
Верхушкам деревьев тяжесть настала.
Дальняя бумага пришла,
Для нас лишь тяжесть настала.

(Подстрочный перевод автора)

В тексте из сборника В.М. Васильева «Мари муро» имеются строки с мотивом тяжести для отца-матери, говорится о том, что «тяжесть пришла отцу-матери». Считаем, что это более ранняя версия песни (3, № 186). В других более поздних вариантах данного сюжета мы видим незначительные изменения. Наблюдается перемена местами строк песни с образами стихий, ряд может начинаться с образа дальнего ветра: ветер – молния – гром. В другом варианте возникает измененная формула мотива – появляется парный (дихотомический) мотив «дальней и близкой вести» (*мӱндыр увер, лишыл увер*), разделяющий «получение вести» и «приближение расставания».

Мӹндыр мардежет пуале, да
Кӱэ вуетлан нелыже только.
Мӹндыр ола гычет уверже только, да
Мыланнаже неле только. (2, д. 219, № 269)

Дальний ветер подул,
Верхушке березы тяжко стало.
Из дальнего города весть пришла,
Нам тяжко стало.

Мӹндыр уверет только, да
Меңан шӱмлан нелыже только.
Лишыл уверет толале, да
Мыланна каяш врэма шуо. (2, д. 219, № 447)

Дальняя весть пришла,
Нашим сердцам тяжесть пришла.
Ближняя весть пришла,
Нам уйти время настало.

Зафиксирован вариант, точнее версия, сюжета с отрицательным параллелизмом и с использованием иной мотивировки и новых образов. В нем возникают образы дальнего и ближнего леса, дальнего и ближнего селения: тяжко приходится не Илетскому лесу, не Большому Сернуру, не деревне Низовке, не родителям, а молодому парню-рекруту. Интересно, что этот вариант записан у сернурских мари, в отличие от предыдущих, зафиксированных среди моркинских марийцев.

Мӹндыр кӱдырчет кӱдырталеш,
Элнет кожлатлан нелыже.
Элнет кожлатлан мо нелыже,
Оно кожлатлан нелыже. ...
Ӱлыл солатлан мо нелыже!
Ачалан-аваланнелыже.
Ачалан-аваланмо нелыже!
Адакат нӧмналан нелыже! (4, № 90, пос. Сернур)

Дальний гром гремит,
Илетскому лесу плохо.
Илетскому лесу что плохого?
Лесу Она плохо...
Улылсоле что плохого?
Отцу-матери плохо.
Родителям что плохого?
Опять нам же плохо.

Вторая сюжетная линия – это песни с уведомлением (сообщением) о наступлении (приближении) момента ухода/отъезда. В них также часто используется мотив «дальнего грома». Сюжет грозных стихий в данной группе идет в связке с новым «человеческим» сюжетом – с обрядовой картиной расставания рекрута, которая возникает в основном реальном звене песенной композиции. Образы-мотивы в метафорической части включают в себя тот же комплекс: гром – молния – ветер. Здесь наряду с «роковыми» явлениями природы появляется новая мотивная формула – «приближение стихий» («все ближе-ближе громыхает»).

Приближающиеся гром-ветер-молния характеризуют неотвратимое наступление времени ухода (отъезда), предвещают разлучение с родными и близкими. Во второй сюжетной линии получает развитие основная часть параллелизма. В ней возникает свой достаточно развитый сюжет, комментирующий события обряда проводов, момент выхода рекрута из дома. Образ приближающегося грома идет в связке с картиной реальных проводов, красочно и выразительно описывается происходящее в семье рекрута. Показательна временная-следственная связь образов-мотивов – предстает ряд (цепочка) поочередных действий членов семьи (*ача – иза – енга*) в повествовательном звене. Последний момент – звон брошки невестки (*енга*) как бы символизирует «звон времени» для выхода рекрута из дома. Очень характерен здесь типичный для рекрутских

текстов мотив «открывания ворот». Ворота (*капка*) – символ границы между домом и другим миром, символ порога новой жизни.

Мӱндыр кӱдырчет кӱдырталеш,
Лышылын-лышылын кӱдырталеш.
Мӱндыр мардежет пуалеш,
Лышылын-лышылын пуалеш.
Мӱндыр волгенчет волгалталеш,
Лышылын-лышылын волгалталеш.
Ачам капкам почылдале.
Ача капкам почылдалменге,
Иза упшым налдале.
Иза упшым налдалменге,
Енгай шыркамам рудалтыш.
Енгай ший шыркамам рудалменге,
Мемналан каяш пора шу(о). (5, № 52)

Дальний гром гремит,
Все ближе и ближе громыхает.
Дальний ветер дует,
Все ближе и ближе дует.
Дальняя молния сверкает,
Все ближе и ближе сверкает.
Отец ворота открыл.
Как ворота отца открылись,
Брат шапку взял.
Как брат шапку взял,
Невестка тряхнула шыркамой.
Как только невестка тряхнула шыркамой,
Пришла пора нам уйти.

В варианте текста, зафиксированном в журнале «Марла календарь», в конце цепочки действий появляется дополнительный мотив «восхода солнца» – рокового момента для рекрута. Восход – появление солнца, начало нового дня маркируют наступление момента расставания и ухода.

Мӱндыр кӱдырчет кӱдырталеш,
Лишемын-лишемын кӱдырталеш. ...
Мӱндыр волгенчет волгалтеш,
Лишемын-лишемын волгалтеш.
Ачан капка почылтале,
Ачан капка почылтменге,
Иза упшым налдале...
Чевер кече легылдале.
Чевер кече лекменге,
Мемнам налаш пора шуо. (6, с. 44)

Дальний гром гремит,
Все ближе и ближе гремит.
Дальняя молния сверкает,
Все ближе и ближе сверкает.
Отцовские ворота открылись,
Как ворота отца открылись,
Брат взял шапку...
Красное солнце взошло.
Как взошло солнце красное,
Пришла пора нас забирать.

Символами злой силы в рекрутской лирике могут выступать также темная туча (*пыл*), большой сильный дождь (*йӱр*), заморозок (*покшым*). В следующей песне из сюжетной группы песен-уведомлений наступление времени расставания и отъезда рекрута передается через мотив-образ большой тучи с дождем, который также идет в связке с образом верхушки дерева – орешника. Отметим, что верхушка дерева в песнях является одним из традиционных символов молодого парня (или девушки-невесты).

Ола могырым пыл тольо,
Чарла могырым йӱр тольо.
Чарла могырым йӱр толмо годым
Пӱкшерме вуйжылан неле тольо.
Пӱкшерме вуйлан неле толмо годым
Мыланна каяш врема шуо. (2, д. 219, с. 138)

Со стороны города туча пришла,
Со стороны Чарлы дождь пролился.
Как со стороны Чарлы дождь пролился,
Верхушке орешника тяжесть пришла.
Как верхушке орешника тяжко стало,
Пришла нам пора уйти.

Третья сюжетная линия – уведомление, роковая весть об объявлении (начале) войны, о военном наборе (призыве) зачастую идет в связке с мотивом «наступления времени ухода», но имеет некоторые особенности. Увеличивается масштаб событий в сюжете песен, он становится глобальным, укрупняются образы, сюжеты мифологизируются. Здесь также появляется (возможен) мотив природной стихии – грома-молнии, но уже несколько иной. Возникает могучий образ небесного или божьего грома (*Юмын кӱдырчо*). Божий гром содрогнул земную ось и всколыхнул народ – так символически воссоздается тема большой войны (подразумевается, скорее всего, первая мировая война).

В приводимом ниже старинном песенном тексте возникает аллегорический ряд мотивов сюжета «наступления рокового времени» ухода рекрута. Это мотивы ночи и утреннего восхода солнца – образов времени суток. Ночь – один из характерных «кочующих» мотивов рекрутских песен. Период ночи в народной мифологии – опасное, недоброе время, несущее в себе угрозу, часто – скорбь, несчастье. Образ ночи, ночные мотивы наиболее свойственны песням-жалобам, песням горя, также песням-раздумьям. Ночному времени в мифопоэтической системе соответствуют свои атрибуты и символы. В рекрутской песенной лирике часто используется один из характерных символов ночи – образ черного петуха. Черный петух предстает как предвестник недоброй (трагической), роковой вести.

Во втором звене сюжета (по сути, это автономный сюжет) появляется уже не просто образ дальнего грома, а образ Божьего грома – мифологический образ божьего предначертания, знака судьбы. От этого мощного предзнаменования мир сотрясается, приходят в движение земля и все народы.

Шем игытанет мурлталеш,	Черный петух поет,
Йӱдын рӱдыжым сӧрастаралын.	Украшая середину ночи.
Эр ужараже волгалталеш,	Утренняя заря загорается,
Мландын тӱржым сӧрастаралын	Украшая окраину земли.
Юмын кӱдырчет кӱдырталеш,	Небесный гром гремит,
Мландын рӱдыжым тарваталын.	Сотрясая земную ось.
Мландын рӱдыжым тарватыме годым	Во время сотрясения земной оси
Путынь калыкет тарванылеш. (3, №217)	Все народы всколыхнулись.

В третьей линии выделяются песни с развитыми сюжетами в метафорической части композиции. Значительные, драматические для всех события определили для своего воссоздания тип развернутого сюжета-иносказания (сюжета-аллегории) с обобщенными мифологизированными образами. Основной мотив данных текстов, безусловно, связан с известием о войне, получением военной повестки. Метафорическое звено строится как мифологизированный комплекс нескольких следующих друг за другом мотивов, имеющих между собой цепную связь.

Один из старинных текстов этой сюжетной линии – песня с аллегорическим мифологическим сюжетом, который строится как целый комплекс мотивов, мотивная цепочка. Начало песни «Кӱкшын-кӱкшын курыкет валан» – традиционный зачин песен притч, песен-аллегорий. Образ высокой горы («Кӱк-

шӧ-кӱкшӧ курык») «открывает» многие марийские песни с «возвышенным», «высоким» содержанием. В данном сюжете выстраивается ряд следующих мифологизированных мотивов: *курык* 'гора' – *клат* 'клеть' (*латкок угылан* 'двенадцатиугольный') – *кашта* 'шест' (*латкок кашта* 'двенадцать шестов') – *куку* 'кукушка' (*латкок куку* 'двенадцать кукушек'). Сложно восстановить и разъяснить значение этих образов, но все же сделаем попытку понять смысл сюжета. Мотив строения-пространства *клат* 'клеть' можно понять как символ страны (государства), *кашта* – как образ-символ столба, шеста, на котором поют кукушки, являющиеся образом-символом возвещения несчастия, горя. От пения 12 кукушек встрепенулось сердце царя, вслед за этим вздрогнули (букв. 'сдвинулись') сердца рекрута и его отца-матери. Образ-мотив «12 кукушек», как мы полагаем, связан с недоброй вестью о начале войны. Во всех компонентах цепи возникающее при них число 12 имеет вполне конкретное значение, оно указывает на число государств, вовлеченных в военные действия в первую империалистическую войну. Кстати, эта песня записана Э. Беке от военнопленных солдат первой мировой войны.

Кӱкшын-кӱкшын курыкет вылан
Латкок угылан клатым чонгальым.
Латкок вашлар кашпам пыштальым,
Латкок кукуэт таҥ муралтале.
Латкок кукун муралтымыж годым
Кугыжан чонжат тарванале.
Кугыжан чонжо тарванымыж годым,
Мемнан чонжо тарванымыж годым
Ачажын-аважынат чонжат тарванале. (7, с.223)

Высоко-высоко на горе
Выстроил клеть о двенадцати углах.
Положил двенадцать кленовых перекладин,–
Двенадцать кукушек враз запели.
Во время пения кукушек
Встрепенулось сердце царя.
Когда встрепенулось сердце царя
Когда вздрогнули наши сердца,
И сердца родителей вздрогнули.

С данным сюжетом перекликается еще один аллегорический сюжет известной песни «Пӧрт покшекет легылдал ончальымат» («Марий калык муро», сост. В.Коукаль, 1938). В нем мы также видим цепочку из нескольких компонентов-мифологем: *пӧрт* 'дом' (строение) – *урем* 'улица' – *окна* 'окно' (взгляд в мир, обзор) – *латкок тумер* '12 дубрав'. Мотив «двенадцати дубрав» достаточно сложен, в нем есть связь с образом мирового дерева (осью земли), с другой стороны дуб часто символизирует отца, отсюда – символ отечества, государства. При взгляде «из-под 12 дубрав» встрепенулись сердца 12 царей. Мы находим, безусловно, некоторую смысловую и образную связь с более старым вышерассмотренным сюжетом. В песне «Пӧрт покшекет» нет характерного для более мифологизированного сюжета песни «Кӱкшын-кӱкшын» образа кукушки-вестницы. Кроме того, в нем обнаруживается больше бытовой конкретики, возникают как бы вполне реальные образы-мотивы дома – окна – дубрав. Общим для двух песенных сюжетов являются мотивы числа 12 и «трепетания сердца царя» (а вслед за этим – рекрута). В примечании к данной песне указывается, что она относится «ко времени империалистической войны 1914 г. (Двенадцать царей – двенадцать воюющих держав)» (8, с. 321).

Порт покшекет лесылдат ончальымат,	Встав посреди избы, я посмотрел,
Уремын-уремын койылдале.	Улица показалась.
Покшел окнашке ончальымат,	Посмотрел я в среднее окно,
Латкок тумерет койылдале.	Показалось двенадцать дубрав.
Латкок тумер йумачынет ончальымат,	Под двенадцать дубрав я взглянул,
Латкок кугужат тарванале.	Двенадцать царей собралось.
Латкок кугужа тарванамгече,	Как двенадцать царей собралось, –
Мемнаман книга толдале (8, с. 217)	Нам бумага пришла.

Этот сюжет мифологизированного содержания в данном тексте соединяется (комбинируется) с другим автономным сюжетом, уже рассмотренным нами, – с сюжетом ухода парня, в котором описываются действия членов семьи рекрута. Последний уже известен по песням-уведомлениям «о времени ухода/расставания» («Мӱндыр кӱдырчет кӱдырталеш»).

Схожий мотив земной оси в образе латунного столба (*той менге*) мы видим в сюжете еще одной аллегорической песни «Йылдырым-йылдырым». Здесь возникает следующий комплекс мотивов: *вӱд* '(текущая) вода' – *йылдырман пашла* 'мост' – *той менге* 'латунный столб' – *порсын мундыра* 'шелковый клубок'. Текущая вода, мост – символы перемен, движения в иное пространство (иной мир). Образ *порсын мундыра* 'шелковый клубок' на столбе – мифологический образ-мотив, семантика которого довольно размыта. Как мы представляем, *порсын мундыра* – это и символ головы (человеческой), а более всего, символ развертывающейся дороги, характерный для многих рекрутских песен.

Йылдырым-йылдырым вудшо йога,	Извиваясь, речка течет,
Йылдырман пашман кӧ пышта?	Покачивающийся мостик кто положит?
Йылдырман пашман вуешыже	На краю покачивающегося моста
Той вуян той менгым кӧ шында?	С латунной головкой латунный столб кто поставит?
Той вуян той менгын вуешыже	На верху того латунного столба
Порсын мундыран кӧ пышта?	Кто положит шелковый клубок?
Порсын мундыражат ронча лтын,	Шелковый клубок размотался,
Мыланна каяш жап шуэш. (9, № 30)	Нам идти время приходит.

Мотив земной оси, но уже в образе дерева (*ладыра куэ*) прослеживается и в сюжете песни «Ошыт вӱдын покшелныже». Образ лютого инея (*аяр покшым*) связан с началом войны и грозным военным призывом: как иней выжигает верхушку раскидистой березы, так же и война забирает молодых парней, которые, как поется в песне, родились-выросли, чтобы мучиться на войне. В данном сюжете мотив рокового известия-уведомления о трагическом известии (*сарыш каен орланаш*) идет в комплексе с мотивом несчастливого рождения, типичным для песен-жалоб. Мы видим пример органичного соединения двух сюжетов.

Ошыт вӱдын покшелныже	Посреди реки Ашит
Ладыра куэт шочылден	Выросла раскидистая береза.
Ладыра куэн вуешыже	На вершину раскидистой березы
Аяр покшымет возылден	Лег лютый иней.

Аяр покшымын толмекыже,
Ола чомаэт шочылден. ...
Меже шочын-кушкынна
Сарыш каен органаш. (10, с. 103)

Как пришел лютый иней,
Родился пегий жеребенок.
Мы же родились и выросли,
Чтобы уйдя на войну, мучиться.

Устоявшийся символический код сюжетного образа грома-молнии сохраняется и в солдатских песнях современного периода. Данные мотивы особенно актуализируются во времена военных призывов. В частности, в солдатских песнях времен Великой Отечественной войны мы видим те же образы грозных стихий – грома-молнии, возникает также мотив «раскалывания земли» (сравним со старинным мифологическим мотивом сотрясания земли).

Кӱдырчыжат кӱдырта, волгенчыжат волгалтеш,
Кумыте мланде шелалтеш.
Мыйже каена, тыйже кодыда,
Кумыте кумылда шелалтеш. (11)

Гром гремит, молния сверкает,
Натрое земля раскалывается.
Мы уходим, вы остаетесь,
Натрое желания ваши раскалываются.

Волгенчыжат волгалтеш, кӱдырчыжат кӱдырта
Мемнан пӧртвуй тураште.
Игечыжат неле, войнажат тӱнгале
Мемнан кушкын шумылан. (12, № 17)

И молния сверкает, и гром гремит
Около чердака нашего дома.
И погода плоха, и война началась
В самое то время как мы выросли.

В текстах времен Великой Отечественной войны обнаруживается использование и другого традиционного символа темной силы – сильного дождя (*кугу йӱр*). Мотив дождя имеет часто двоякий (объединенный) смысл, в нем соединяются символика роковой силы и образ-мотив слез – символа горя, разлуки. В приводимых текстах он предстает как образ злой роковой стихии.

Мемнан эрдене кынелмыланна
Кугу йӱржат тарватыш.
Мемнан шочын-кушмыланна
Герман войнам тарватыш. (13)

К нашему утреннему вставанию
Большой дождь начался.
К нашему рождению-вырастанию
Германия войну начала.

Шокте кумдык пыл только да
Кыше кумдык йӱр только.
Кыше гаяк кушкылын шогална,
Пачашыже семын ойырлална. (14)

Пришла туча размером с решето,
Полил дождь – с конопляник.
Как конопля мы вырастали,
Как посконь мы разделимся.

В следующей солдатской песне современного слоя микросюжет со стихиями также связан с уведомлением об уходе. Мы видим мотив злой стихийной силы *покшым* ‘заморозок’, который здесь идет в антитезной паре с образом-мотивом *эр лупс* ‘утренняя роса’. Типичным сюжетным мотивом современного песенного слоя, является пожелание солдат вспоминать о них.

Эр лупсыжо возеш – олыкет лӧзагеш,
Йӱштӧ покшым возешат, когарга.
Кушкынат шуынна, «чеверын» манына,
Жап эртен шарналтен илыза. (15)

Утренняя роса падет – луг тучнеет,
Заморозок прихватит – опалит.
Успели мы вырасти, «до свидания» говорим,
Время пройдет, – вспоминайте нас.

Семантика уведомления о наступлении времени ухода солдата характеризует и образ-мотив *мардеж* 'ветер', который встречается в современных солдатских песнях. Ветер задувает огонь (в старинной традиции – свечу), то есть холодит горящее сердце призывника. В первом тексте возникает интересная цепочка звучаний – знаков ухода солдата: *куку мура* 'кукушка поет' (кукушка здесь как общий символ вести) – *илне чӱчка* 'конь приплясывает' – *комбо мура* 'гусь гогочет'. Во второй песне холодный северный ветер при уходе-отъезде солдата идет в цепи с мотивом слез матери.

Уремет мучко мардежет пуалеш,
Тулжо кузе йӱлалеш?
Меже каен колтена гын,
Тендан чонландаже кузе чучеш? ...
Ош лум шула, пеледыш пеледеш,
Кукулан мураш жап шуэш.
Илньыжат чӱчка, комбыжат мура,
Мыланна ойырлаш жап шуэш. (16, № 841)

Вдоль улицы ветер дует,
Каково же огню гореть?
Если мы уйдем,
Каково же будет вашей душе?
Белый снег тает, цветы распускаются,
Приходит время пения кукушки.
И конь приплясывает, и гусь гогочет,
Приходит время нам расстаться.

Йӱдйымат велын мардеж пуалеш,
Мыланем каяш йӱштӧ лиеш.
Авай, тыге шортын ит код,
Мыланем шонен илаш йӧсӧ лиеш. (17)

С северной стороны ветер дует,
Мне идти холодно будет.
Мама, ты не плачь обо мне,
Мне вспоминать тяжело будет.

В солдатской песне более позднего послевоенного периода мотив повестки решен совсем в другом эмоционально-психологическом ключе. Сюжет получения повестки передается без метафорических сравнений, выражений горя или злого рока. Уход на службу в армию сравнивается с походом к речке за смородиной и воспринимается как возможность увидеть и изведать новую жизнь.

Икана повесткым кидыш налмек,
Кайыде ок лий мыланнаже.
Каен колтена, поген толына
Шора воктен шоптырым
Каен колтена, миен ужын толына,
Армийысе илышым пален толына. (18)

Получив однажды повестку,
Негоже нам не идти.
Мы пойдем, соберем
Возле Шоры смородину.
Мы поедем, поглядев, – вернемся,
Узнам армейскую жизнь, мы вернемся.

Анализ текстов показывает, что сюжетная систематика, погружение в сюжетные мотивы, образные детерминанты, смысловые значения позволяют осмыслять содержательное пространство не только рекрутской песни, а в целом марийского песенного фольклора, позволяют приблизиться к пониманию глубинных основ этнической психологии и миропонимания.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Кондратьев М.Г.* Чувашская *савра юра* и ее татарские параллели. – Чебоксары, 1993.
2. НРФ МарНИИЯЛИ. Оп. 1, дд. 219, 219б. Зап. Т.Е. Евсеева.
3. *Васильев В.М.* Мари муро. – Казань. 1919.
4. *Wichmann Y.* Volksdichtung und Volksbr?uche der Tscheremissen.. – Helsinki. 1932.

5. *Осмин И.* Марий муро. – Йошкар-Ола, 1945.
6. Марла календарь 1911 нйлан. – Казань.
7. *Beke Ö.* Tscheremissische Texte. Band. 3. – Budapest. 1961.
8. Марий калык муро. Марийские народные песни / Сост. В. Коукаль. – М.-Л., 1951.
9. НРФ МарНИИЯЛИ. Оп. 1, д. 50, т. 4. Зап. К.Четкарева.
10. *Шабердин И.Г.* Шернур вел калык муро. – Йошкар-Ола. 1980.
11. Полевые материалы-2013. Куженерский район, дер. Чашкаял (зап. В.Н. Петрова).
12. *Кульшетов Д.М.* Пӱтынь илыш – мурышто. – Йошкар-Ола, 1999.
13. МФЭ-2003. Сернурский район, дер. Б. Коклала (зап. автора).
14. МФЭ-2001. Новоторъяльский район, дер. Нурумбал (зап. автора).
15. Марий Эл. – 2007. – 7 апр.
16. Песни луговых мари. Ч. 1. Обрядовые песни / Свод марийского фольклора. – Йошкар-Ола, 2011.
17. Полевые материалы-2005. Параньгинский район, дер. Яндемирово (зап. Е.Шуматовой).
18. МФЭ-2005. Моркинский район, дер. Шургыял (зап. автора).

Maya Mamayeva

SUBJECTS, MOTIVES AND IMAGES OF RECRUITING SONGS: RECRUITING SONGS-NOTIFICATIONS

This article analyzes the scene of Mari recruiting (soldiers) songs. It treated subjects and thematic motives of functional group songs of recruit tradition, which the author refers as the song-notifications. In the article there are three major storylines of this subgenre groups: 1) receipt of the «terrible» news (news, agenda) on the set, taking into military service; 2) communication of the occurrence time (moment) out of recruit / soldier; 3) notice of the fatal news, the outbreak of war, hostilities; defined features artistically-shaped means of considered song texts.

«Финно-угроведение», 2014, № 1

Александр Акшиков
Йошкар-Ола

ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ АНТИНОМИЯ МАРИЙСКИХ ЭПИГРАФИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ XIX–XX ВЕКОВ

Выявленные на сегодняшний день эпиграфические памятники на марийских каменных надгробиях делятся на языческие и христианские. Судя по датированным памятникам, их следует относить ко времени XIX–XX вв. В ранних памятниках превалируют тексты на русском языке. Однако с 20–30-х гг. XX в. постепенно начинают преобладать надписи на марийском языке.

Эпиграфические тексты марийцев-христиан в значительной мере повторяют русские христианские надгробные надписи. Приведем пример. На надгробии кладбища у д. Юледур Куженерского района (см. рис. 1) текст выполнен на двух противоположных гранях. На одной стороне выбито следующее: «1912 года / померъ Ѳедр Ѳедото / въ Якимовъ деревни / Иван Солу родил / ся 1906 года», а на другой стороне воспроизведены слова молитвы: «Святый Боже, Святый / Крѣпкій, Святый Без / смертный, помилуй / насъ». При сравнении русскоязычных надписей, выполненных марийцами, с текстами на надгробиях русских отличия между ними почти не заметны, если не считать возможные ошибки в орфографии, управлении и согласовании слов, которые, впрочем, могут встречаться и в русских эпиграфических памятниках. Если бы не было известно, что в той части кладбища, где находится рассматриваемое надгробие, хоронят марийцы из д. Иван-Сола и что многие марийцы этой деревни носят фамилию Якимов, эпиграфист мог бы сделать следующие весьма правдоподобные выводы: это русское надгробие, надпись сделана православным русским, а в могиле покоится русский крестьянин. Впрочем, в значительном ряде случаев по некоторым элементам оформления надгробия можно определить, что это марийская могила, а русскоязычный текст интерпретировать как созданный марийцем. Основным признаком этого является наличие тисте (тамги), как, например, на обелиске на кладбище у д. Куприяново Сернурского района (см. рис. 2). Текст на нем высечен на четырех гранях. На первой из них написано: «Роди- / лся / 1898 г. / 19го Іюля / из дерев- / ни Боль / шой Ко- / лалы». На второй грани вырезаны слова молитвы: «Упокой / Господи / раба / Божіи / Иоанн / Святый Бо / же Святый / Крепкий». На третьей грани следует продолжение молитвы: «Святый / Безсмер / тный / помил / уй нас / Аминь». На четвертой грани: «1915 года / 1го март / умер Ив- / ан Ефим / Богаты / рев». Под надписью на четвертой грани стоит тисте,



Рис. 1

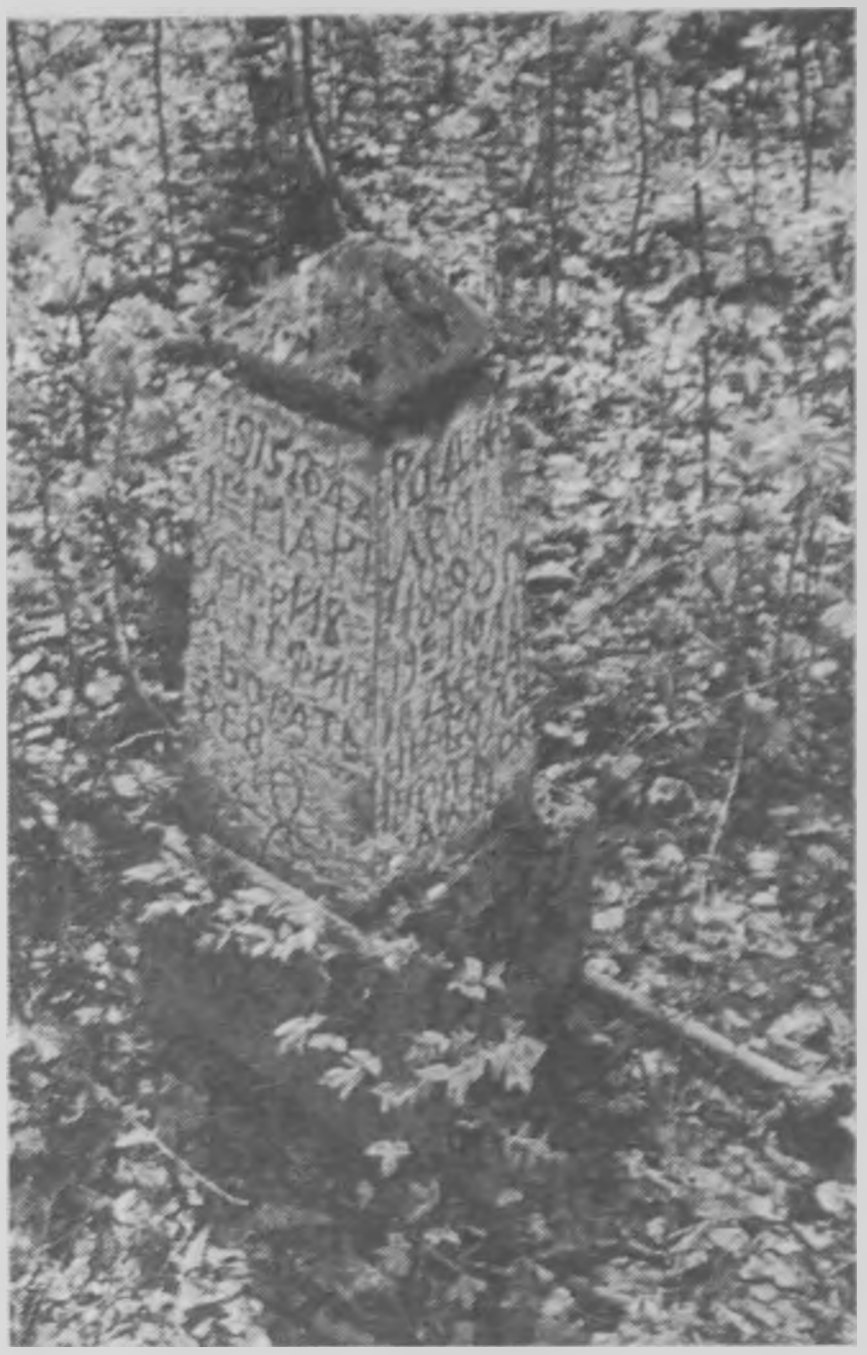


Рис. 2

похожее на четырехлепестковый цветок. Еще одним показателем может служить неправильное изображение православного распятия, как, например, на безымянном погребении кладбища у д. Куприяново (см. рис. 3). Это памятник в виде обелиска, на одной из граней которого довольно искусно вырезано распятие с одной лишней нижней перекладиной. Следует отметить, что на этом обелиске, правда на другой грани, выбито всего одно слово: «Последний».



Рис. 3

На языческих надгробиях признаки, позволяющие характеризовать русскоязычные тексты как созданные марийцами, более очевидны, нежели на христианских памятниках. Во-первых, это отсутствие изображения христианского распятия. При этом необходимо сделать важное замечание. Когда мы говорим о православном (христианском) распятии, то имеем в виду именно распятие, а не крест в его древнем традиционном изображении – пресечение двух равносторонних перекладин. Очевидно, что смысловое значение креста на языческом надгробии едва ли то же самое, которое вкладывают христиане в распятие. Во-вторых, возможно наличие тисте. В-третьих, может быть проставлено марийское имя усопшего. Из трех признаков только первый встречается на всех языческих надгробиях. Тисте же может и не встречаться на памятниках, если на нем имеется имя усопшего, а имя упокоенного под надгробием



Рис. 4



Рис. 5

язычника может быть так называемым христианским. В языческой традиции марийцев иметь такие имена не запрещалось. Характерным примером языческого русскоязычного текста, в котором наличествуют первый и третий признаки, является памятник на кладбище у пос. Горняк (см. рис. 4). На нем вырезано следующее: «Сконч / 1915 г. Апр. 16 / Елканаи / Пактевна / Махмато- / вой 78 лѣт».

В текстах христианских и языческих надгробий марийцев может встречаться еще одна особенность, свидетельствующая об этнической принадлежности создателя эпиграфического памятника. Это написание буквы «к» вместо буквы «х», что объясняется характерным для марийского языка фонетическим освоением иноязычного звука. Например, довольно часто слово «похоронить» в надписях пишется как «покоронить».

Переход от русскоязычных текстов к марийскоязычным явственно наблюдается в 20–30-е гг. XX в., т.е. при советской власти. Советское государство со дня своего основания ставило задачу развития национальных культур народов России. Создавались национальные школы для малых народов, где шло обучение на родном языке. Такие школы открывались и для марийцев. Массовое овладение письменностью на своем языке привело к всплеску марийской культуры. Оно отразилось и на языке эпиграфических памятников. Вначале появляются надписи, в которых можно увидеть элементы русского языка. Это касается прежде всего слова «год». На кладбище у пјос.Горняк Сернурского района есть памятник (см. рис. 5), на котором написано следующее: «1929 год 28 маи / колэн Кугу иал / Пэтшан Миклай». (Следует отметить, что в современном марийском языке слова «колэн» и «Пэтшан» пишутся через «е»: «колен», «Петшан»; слово «иал» пишется как «ял»; топоним «Кугу ял» является одним из названий д. Большая Коклала). Перевод: «1929 года 28 мая / умер [деревни] Кугу ял / Николай [сын] Петшана». Со временем вместо русского слова «год» стало использоваться марийское «ий». Другой пример текста на марийском языке на надгробии этого же кладбища (см. рис. 6):

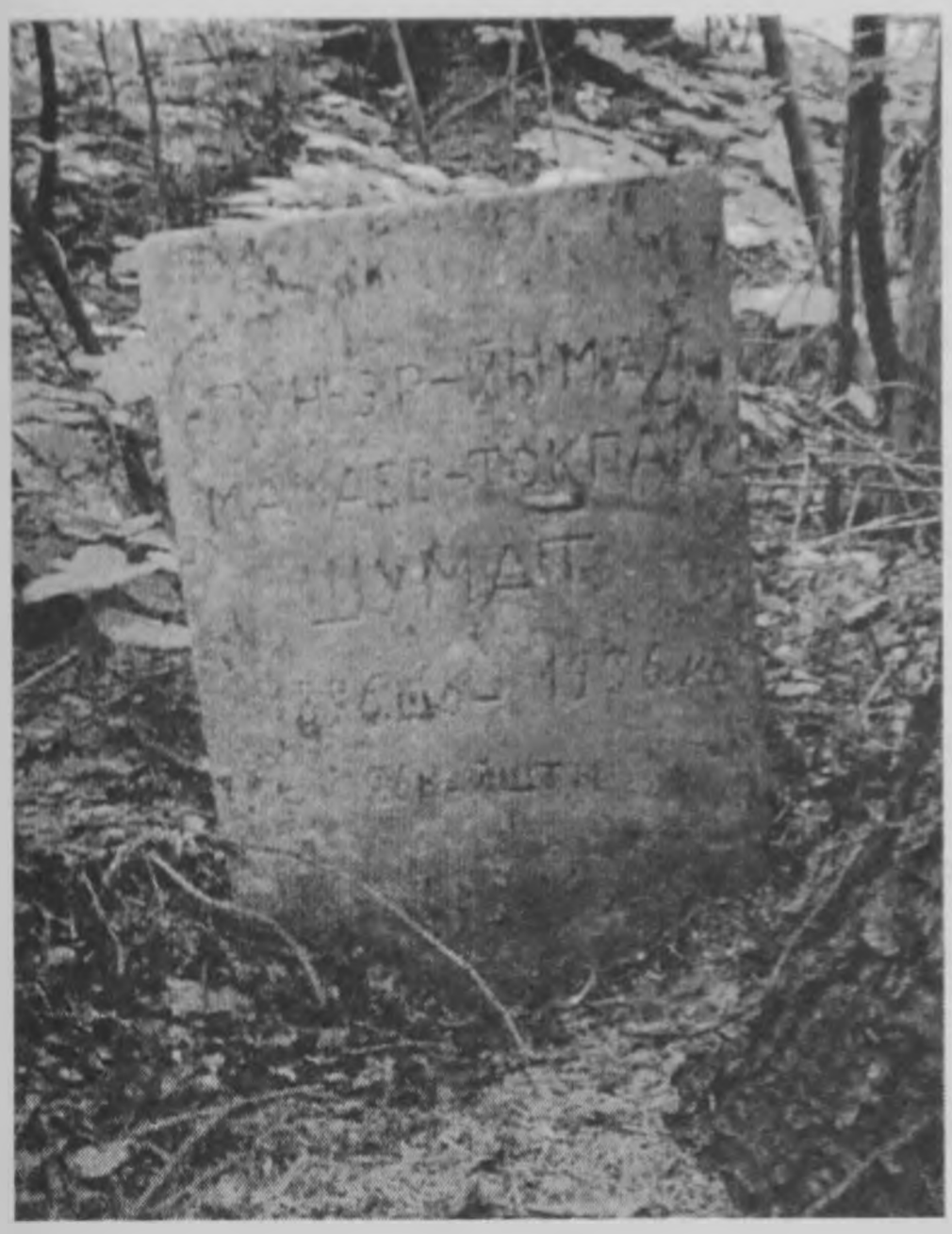


Рис. 6



Рис. 7

«Пӱнчэр-Йымал / Мамаев – Токпай / Шумат / 1876. шо – 1936. ко / 26 майшты». Здесь следует заметить, что «Пӱнчэр-Йымал» – это название деревни, современное написание которой «Пӱнчерйымал». «Шо» – сокращение от слова «шочын», «ко» – сокращение от слова «колен». На русском языке надпись будет читаться следующим образом: «[Деревни] Пӱнчерйымал / Мамаев – Шумат [сын] Токпая / [в] 1876 [году] родился – [в] 1936 [году] умер / 26 мая».

В советское время продолжали создаваться и русскоязычные тексты, хотя их было меньше, чем марийскоязычных. Например, на кладбище у пос. Горняк на антропоморфном надгробии (см. рис. 7) высечено следующее: «1930 / … март 9 дня / здесь покоиит / ся тело челове / теское Антропов / Николай / Савели / д. Палашнур / 96 лет».

Таким образом, на примере марийской русскоязычной эпиграфики можно наблюдать явление, которое мы назвали этнолингвистической антиномией. Ее суть заключается в противоречии между языком текста и этнической принадлежностью лица, написавшим его, для которого язык письма не является родным. Это лицо использует при создании текста неродной язык, потому что его язык не имеет письменности, или оно лично не владеет письменностью на родном языке, но умеет писать на другом каком-либо языке.

Явление этнолингвистической антиномии вполне могло существовать не только у марийцев, и не только на основе русской письменности. Например, в истории Поволжья заметную роль сыграли Волжская Булгария и Казанское ханство, жители которых оставили довольно многочисленные арабографические мусульманские эпиграфические памятники на тюркских языках – булгарском и татарском. Исследователи, исходя из языка, относят их к культуре булгар или татар соответственно.

Однако из письменных источников и данных археологии известно, что эти средневековые государства не были мононациональными, и, кроме булгар или татар, их населяли удмурты, мордва, марийцы и др. Кроме того, в сферу политического и культурного влияния Волжской Булгарии и Казанского ханства входил ряд окружавших их народов. Полиэтничность, существование развитой тюркоязычной письменности, отсутствие или слабая распространенность письменности других народов (жителей и соседей средневековых государств Поволжья) – все эти факторы создавали благоприятную среду для этнолингвистической антиномии булгаро- и татароязычных эпиграфических памятников. Если это явление существовало в эпиграфике Волжской Булгарии и Казанского ханства, то этническая принадлежность создателей надписей и усопших под надгробиями с начертанными на них текстами становится не столь очевидной, как считается в настоящее время. К сожалению, исследований на предмет существования в булгаро- и татароязычной эпиграфике явления этнолингвистической антиномии не проводилось и на данный момент ничего определенного по этому поводу сказать нельзя.

Из всего вышеизложенного можно сделать вывод, что при изучении эпиграфических памятников, да и письменности вообще, нельзя исключать явления этнолингвистической антиномии. Антиномия наиболее вероятна в полиэтническом регионе, где существует развитая и распространенная письменность на языке одного из народов. Возможно также существование нескольких письменных традиций на основе разных языков. При этом обязательно должен быть, как минимум, один народ, не обладающий своей национальной письменностью или имеющий письменность, но слаборазвитую. Представители бесписьменного народа овладевают грамотой на неродном языке и сами пишут тексты на этом языке, которые, как в случае с марийскими русскоязычными эпиграфическими памятниками, могут нести в себе национальные черты авторов. Изучение эпиграфики и письменности вообще с учетом явления этнолингвистической антиномии позволяет взглянуть на историю этносов и письменности совершенно под иным углом, нежели представляется в настоящее время.

Alexander Akshikov

ETHNOLINGUISTIC ANTIMONY OF MARI EPIGRAPHIC OF XIX–XX CENTURIES

The article analyzes Mari epigraphic monuments of XIX–XX centuries, which can be divided into the Russian-speaking and Mari-speaking. On the example of the Russian-speaking Mari epigraphy, phenomenon, which the author calls ethno linguistic antinomy, is observed. Its essence lies in the contradiction between the language of the text and ethnicity of the deceased and the person who wrote it, for which the language of the letter is not native. This phenomenon is possible in the absence of writing in their native language or weak its prevalence. The article expresses the assumption that the antinomy could exist in the past in various regions with a multi-ethnic composition of the population. Study of written records considering ethno linguistic antinomy let's look at the history of ethnic groups and writing quite a different angle than currently seems.

«Финно-угроведение», 2014, № 1

ПЕРСОНАЛИИ

Гурий Лаврентьев
Йошкар-Ола

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Н.Т. ПЕНГИТОВА



28 марта заслуженному деятелю науки и техники МАССР, заслуженному деятелю науки РСФСР Николаю Тихоновичу Пенгитову, ученому, внесшему значительный вклад в исследование различных аспектов марийского языкознания и вырастившему для республики научные кадры, исполнилось бы 100 лет.

Н.Т. Пенгитов родился в бедной крестьянской семье в д. Старокрещено (Крешын Руй) нынешнего Новоторъяльского района Республики Марий Эл. Учился в Яранском педтехникуме, в Марийском пединституте на отделении русского языка и литературы. Будучи студентом, он проявлял интерес к родному языку, участвовал в диалектологических экспедициях, руководимых директором МарНИИЯЛИ В.А. Мухиным. По окончании института работал завучем Мари-Турекской средней школы, а затем до 1941 г. – учителем русского языка и литературы Мари-Билярского педучилища. Еще до войны правительство МАССР направило Н.Т. Пенгитова в аспирантуру при Ленинградском университете, но из-за войны не осуществилось его желание продолжить учебу.

В военное лихолетье Николай Тихонович – служащий Новоторъялъского роно, рабочий «Уралмаша», возглавлял Сернурское педучилище, а с 1943 г. – кафедру марийского языка и литературы Марпединститута.

В 1948 г. сбылась его заветная мечта – в 34 года Н.Т. Пенгитов стал аспирантом Института языка и мышления АН СССР в Ленинграде. В научном центре изучал труды и слушал лекции ведущих советских лингвистов Л.В. Щербы. И.И. Мещанинова, Д.В. Бубриха и других, присутствовал на различных кон-

ференциях, симпозиумах, общался со многими светилами отечественного языкознания. Одновременно исследовал причастия марийского языка в различных плоскостях.

В 1951 г., успешно защитив диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологических наук в Институте языкознания АН СССР (Москва), вернулся на кафедру марийского языка и литературы Марпединститута и стал ее заведующим. Первое дело, за которое взялся Н.Т. Пенгитов, – это подготовка научных кадров по марийскому языкознанию. В республике в то время был лишь один кандидат филологических наук – В.М.Васильев, защитивший свою диссертацию уже в преклонном возрасте в 1947 г. Исследований по марийскому языку в то время тоже было мало, имеющиеся работы в основном были ориентированы на «новое учение о языке» академика Н.Я. Марра, которое раскритиковано в газете «Правда» в 1950 г. Словом, дел по изучению марийского языка было невпроворот. Н.Т. Пенгитов стал активно направлять выпускников пединститута, имеющих склонность к исследовательской работе по языку и литературе, в аспирантуры при Институте языкознания АН СССР, Московском, Ленинградском и Тартуском госуниверситетах. К концу 50-х годов в республике насчитывалось уже 12 кандидатов филологических наук.

В 1956 г. ведущего ученого республики Н.Т. Пенгитова Совет Министров МАССР назначил директором МарНИИЯЛИ, коллектив которого возглавлял до 1960 г. В этот период работы ярко проявился его организаторский талант. Н.Т. Пенгитов мобилизовал молодых кандидатов наук, а также старых, опытных творческих работников на решение неотложных вопросов мариведения. Коллектив авторов приступил к созданию «Русско-марийского словаря». Были написаны на русском языке и опубликованы три части научной грамматики современного марийского языка: фонетика и орфография (1960), морфология и словообразование (1961), синтаксис сложного предложения (1961). Принялись за составление части по лексикологии и лексикографии марийского языка (книга, правда, вышла только в 1972 г.). Автором некоторых разделов этих изданий был сам Н.Т. Пенгитов. Редактировал исследования в основном он же.

По его инициативе были написаны и опубликованы «Очерки истории Марийской АССР» в двух томах (1960, 1965), «Очерки истории марийской литературы» (1963). В 1956 г. было положено начало систематической работе марийской археологической экспедиции.

Важно заметить, что уже в первых исследованиях, которые были написаны еще в 40-х годах, до поступления в аспирантуру, ярко проявилась способность молодого ученого самостоятельно и новаторски, с учетом достижений отечественного языкознания подходить к решению проблем марийского языка.

Труды Н.Т. Пенгитова представляют собой значительный этап в развитии каждой из отраслей марийской лингвистики. Достаточно назвать такие работы, как «К вопросу о звуковом строе марийского языка», «Пути развития марийского литературного языка», «О падежах в марийском языке»,

«Сопоставительная грамматика русского и марийского языков», учебник по синтаксису марийского языка и другие.

В открывшейся в 1953 г. аспирантуре при кафедре марийского языка и литературы под научным руководством профессора Н.Т. Пенгитова учились и защитили кандидатские диссертации 8 бывших его студентов-аспирантов. двое из них позднее стали докторами филологических наук – Д.Е. Казанцев и автор этих строк. Выпускники Петрозаводского и Ленинградского университетов И.С. Галкин и Л.П. Грузов, а также выпускники Марийского пединститута выражали и выражают благодарность профессору Н.Т. Пенгитову за оказание всяческой помощи и поддержки в работе над кандидатскими и докторскими диссертациями.

Профессор не замыкался в кругу научных проблем, интересовался жизнью. Он являлся депутатом Йошкар-Олинского горсовета народных депутатов. избирался членом Йошкар-Олинского горкома КПСС, кандидатом в члены Марийского обкома КПСС. Был членом Диссертационного совета при госуниверситете и Научно-методического координационного совета по филологическим наукам вузов Волго-Вятского региона, членом Международного комитета финно-угроведов при президиуме АН СССР.

На трех международных конгрессах финно-угроведов (Будапешт, Хельсинки, Таллинн) Н.Т. Пенгитов представлял отечественную лингвистическую науку, участвовал в конгрессах археологических и этнографических наук.

Его заслуга в науке, педагогической и общественной работе отмечены знаком «Отличник народного просвещения» (1957), орденом Трудового Красного Знамени (1961), почетными званиями заслуженного деятеля науки (1956, 1974), медалями.

Человек большого обаяния, общительный, жизнерадостный, он любил науку, верил в людей, уважал их труд, был нетерпим к научной косности, верхоглядству, аполитизму, национальной заскорузлости. К нему как к аксакалу шли за советом.

Светлана Сажина
Сыктывкар

К ЮБИЛЕЮ Т.И. ЖИЛИНОЙ

14 декабря 2013 года отметила свой 90-летний юбилей Татьяна Ивановна Жилина – видный коми лингвист, крупный специалист в области диалектологии, кандидат филологических наук, заслуженный деятель науки Коми АССР .

Татьяна Ивановна Жилина (Фролова) родилась 14 декабря 1923 г. в д. Ягвыв (ныне часть г. Сыктывкара) в семье Ивана Васильевича и Анны Ивановны Фроловых. В 1940 г. закончила сыктывкарскую среднюю школу №1. После окончания школы училась на историко-филологическом факультете Коми педагогического института (1940–1944 гг.), получила специальность учителя коми языка и литературы, русского языка и литературы. Еще в годы студенчества Татьяна Ивановна проявляла большие способности и стремление к научно-исследовательской работе: активно участвовала в сборе полевого диалектного материала, работала в составе лингвистических и фольклорных экспедиций студентов и преподавателей Карело-финского государственного университета, эвакуированного в годы войны в г. Сыктывкар. После успешного завершения учебы в 1944–1945 гг. Т.И. Жилина работала учителем русского языка и литературы в средней школе с. Усть-Цильма.

Судьбу Т.И. Жилиной как лингвиста в значительной степени определило участие в работе московской этнографической экспедиции в Сысольский и Железнодорожный районы Коми АССР под руководством известного этнографа В.Н. Белицер. Экспедиция произвела на нее неизгладимое впечатление, усилила тягу к научным исследованиям. В 1946 г. Татьяна Ивановна поступила в аспирантуру Коми Базы АН СССР. С этого момента началась ее плодотворная научная деятельность. Под руководством член-корреспондента АН СССР профессора Д.В. Бубриха, а после его смерти – доктора филологических наук А.С. Сидорова она подготовила и в 1951 г. успешно защитила в Институте языкознания АН СССР диссертацию на тему «Именные категории верхневымских говоров северного диалекта коми языка». Диссертационная работа была подготовлена на основе собранного автором в 1948 и 1949 гг. в верхневымских населенных пунктах (сс. Онежье, Кони, Весляна, Синдор) языкового материала и явилась первой попыткой описания особенностей вымских говоров в области именных категорий. Научная работа Т.И. Жилиной была высоко оценена специалистами как существенный вклад в развитие финно-угорской диалектологии.

После успешной защиты Татьяна Ивановна поступила на работу в Коми филиал АН СССР, где проработала до выхода на пенсию (1982 г.) сначала в должности младшего научного сотрудника, с 1962 г. – старшего научного сотрудника, а с 1971 г. по 1982 г. в должности ученого секретаря Института языка, литературы и истории Коми филиала АН СССР.

С именем Т.И. Жилиной во многом связано становление коми диалектологии как науки. Около 40 лет Татьяна Ивановна посвятила диалектологическим исследованиям, являвшимся в 40–70-е гг. прошлого столетия приоритетным направлением коми языкознания. Собранные ею в многочисленных экспедициях в бассейны Выми, Вычегды, Сысолы, Лузы, Летки, а также Зауралье и Прикамье языковые материалы составляют богатейший диалектологический фонд Научного архива Коми НЦ УрО РАН. В тяжелые послевоенные годы экспедиционная работа была сопряжена с немалыми трудностями: бездорожье, отсутствие транспорта, нехватка экспедиционных материалов, бытовые сложности. Несмотря на эти суровые обстоятельства, Татьяна Ивановна регулярно выезжала в поле и самоотверженно изучала коми говоры, собирала диалектный материал, понимая, что сохранение и документация народной речи, в которой заключается история коми народа, история его материальной и духовной культуры на протяжении многих поколений – основная задача диалектолога. За плечами этой хрупкой женщины десятки маршрутов, тысячи километров дорог. До сих пор Татьяна Ивановна в подробностях помнит каждую свою экспедицию, с теплотой вспоминает своих лучших информантов: Осипову Анну Ивановну из Летки, Жижеву Анну Григорьевну из Выльгорта, Рочеву Наталью Григорьевну из Шошки Сыктывдинского района.

Совместно с коллегами, М.А. Сахаровой, Н.А. Колеговой, В.А. Сорвачевой, Э.К. Павловой, Н.И. Лоскутовой, Р.И.Коснырevой, Татьяна Ивановна приложила много усилий к упорядочению, систематизации, введению в научный оборот огромного эмпирического материала. Многолетние кропотливые исследования Т.И. Жилиной в области диалектологии синтезированы в ряде крупных фундаментальных работ, таких как «Присыктывкарский диалект и коми литературный язык» (М., 1971, в соавт.), «Верхнесысольский диалект коми языка» (М., 1975), «Лузско-летский диалект коми языка» (М., 1985), «Вымский диалект коми языка» (Сыктывкар, 1998), «Образцы коми-зырянской речи» (Сыктывкар, 1971, в соавт.), «Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов» (Сыктывкар, 1961, в соавт), а также в серии научных статей.

Важнейшей задачей диалектологии любого языка является синхронное описание его отдельных территориальных разновидностей. Коми диалектология в этом направлении достигла значительных успехов. Серия монографических исследований по всем коми-зырянским диалектам представляет собой уникальное явление в финно-угорском языкознании. Несомненно, большая заслуга в деле описания территориальных разновидностей коми языка принадлежит Татьяне Ивановне Жилиной. Исследователем подготовлены четыре из десяти описатель-

ных диалектных монографий: описаны фонетический и морфологический строй присыктывкарского, верхнесысольского, лузско-летского и вымского диалектов коми языка, составлены словари диалектной лексики, образцы диалектной речи.

Книга «Присыктывкарский диалект и литературный язык» (М., 1971), написанная в соавторстве с Г.Г. Бараксановым, посвящена всестороннему описанию присыктывкарского диалекта, являющегося основой коми литературного языка. Т.И. Жилиной написаны разделы «Фонетика» и «Морфология». В результате всестороннего исследования была установлена специфика присыктывкарского диалекта и уточнены границы его распространения.

Детальное описание структурных особенностей южных верхнесысольского и лузско-летского диалектов представлено Т.И. Жилиной в работах «Верхнесысольский диалект коми языка» (М., 1975) и «Лузско-летский диалект коми языка» (М., 1985). Отмеченные диалекты распространены в контактной зоне пермских языков и имеют переходный характер. В связи с этим изучение и описание данных территориальных разновидностей коми языка имело исключительно важное значение не только для коми, но и в целом для пермского языкознания. Наблюдения и выводы исследователя, обобщенные в отмеченных работах, являются важным источником в изучении проблем этногенеза коми народа.

Необычайное трудолюбие, большой научный опыт и преданность любимому делу позволили Татьяне Ивановне уже будучи на пенсии подготовить к изданию книгу «Вымский диалект коми языка» (Сыктывкар, 1998), выходом в свет которой была завершена многолетняя работа по фундаментальному описанию всех коми-зырянских диалектов.

Благодаря многолетней работе Т.И. Жилиной и ее коллег М.А. Сахаровой и В.А. Сорвачевой финно-угорское языкознание обогатилось таким значимым научным изданием как «Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов» (Сыктывкар, 1961). Татьяной Ивановной были составлены словарные статьи на буквы л, м, н, о, ӧ, п, р, х, ш, ы, э, ю, я.

Уникальное издание в серии фундаментальных трудов по коми диалектологии – книга «Образцы коми-зырянской речи» (Сыктывкар, 1971) – также вышло в свет благодаря кропотливому труду Т.И. Жилиной. В настоящем сборнике Татьяной Ивановной подготовлены разделы по присыктывкарскому, верхнесысольскому, лузско-летскому и вымскому диалектам. Книга Т.И. Жилиной и В.А. Сорчвачевой «Образцы коми-зырянской речи» до сих пор является широко востребованной, поскольку на сегодняшний день это единственный сборник диалектных текстов, изданный коми диалектологами.

В серии научных статей Т.И. Жилиной особого внимания заслуживают работы «Марийские и удмуртские соответствия в лексике лузско-летского диалекта коми языка» (Сыктывкар, 1979) и «Южные коми-зырянские диалекты и коми-пермяцкий язык» (Сыктывкар, 1971). Статья «Марийские и удмуртские соответствия в лексике лузско-летского диалекта коми языка» посвящена рассмотрению специфического пласта лузско-летской лексики, имеющей па-

раллели в марийском и удмуртском языках: автор приводит 31 марийское и 14 удмуртских лексических соответствий. Выявленные исследователем марийско-коми лексические параллели являются подтверждением вывода археологов об участии в сложении прилузских коми волжско-финского компонента. Южно-зырянско-пермяцкие языковые изоглоссы в области фонетики, морфологии и лексики являются предметом исследования в статье «Южные коми-зырянские диалекты и коми-пермяцкий язык». Отмеченные работы являются опытом ареального исследования коми языка и имеют определенное значение в решении важнейших проблем исторической диалектологии коми языка.

Диалектологические труды Т.И. Жилиной характеризуются глубиной наблюдений, обилием языкового материала, стремлением к фактографической точности и являются прочной основой для современных исследований коми языка.

Заслуживает признания деятельность Т.И. Жилиной как лексикографа: она является одним из авторов-составителей и редакторов «Русско-коми словаря» (Сыктывкар, 1966) и «Сравнительного словаря коми-зырянских диалектов» (Сыктывкар, 1961). Татьяна Ивановна активно участвовала в создании учебников для вузов «Современный коми язык, ч. 1. Фонетика. Лексика. Морфология», «Современный коми язык, ч. 2. Синтаксис» (Сыктывкар, 1955, 1967).

Татьяна Ивановна Жилина – участник многих крупных научных форумов: Всесоюзного совещания по вопросам финно-угорской филологии (Петрозаводск,1961 г.), Всесоюзной конференции по финно-угроведению (Сыктывкар, 1965), III Международного конгресса финно-угроведов (Таллин, 1970), Зональной конференции, посвященной 50-летию образования Коми АССР (Сыктывкар, 1971).

Весомый вклад Татьяны Ивановны Жилиной в развитие науки и культуры Республики Коми отмечен медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–45 гг.» и «Ветеран труда» (1982), званиями «Заслуженный деятель науки Коми АССР» (1973) и «Ударник девятой пятилетки» (1975), почетными грамотами Президиума АН СССР и Правительства Республики Коми.

Диалектологические исследования Т.И. Жилиной имеют непреходящее научное и общекультурное значение. Ценность ее научных трудов в значительной степени определяется точностью и глубиной наблюдений над процессами развития коми языка и его диалектов, отдельных явлений и единиц, над причинами и механизмами языковых изменений. Научный опыт Татьяны Ивановны – глубокого исследователя, ученого, всецело посвятившего себя любимому делу, является национальным достоянием и примером для современного поколения лингвистов.

Ольга Требушкова
Йошкар-Ола

К ЮБИЛЕЮ А.С. ПАТРУШЕВА



Анатолий Степанович Патрушев родился 12 апреля 1934 года в д. Шукшиер Сернурского района Марийской АССР в многодетной семье сельского учителя Степана Хрисанфовича Патрушева, впоследствии заслуженного учителя МАССР. Отец – участник гражданской войны (служил в кавалерийских войсках). Он был председателем сельсовета, работал учителем сельских школ, в Сернурском райкоме партии, директором Сернурской и Дубниковской школ. Грамотный, рассудительный, пользующийся авторитетом среди односельчан и коллег, своим детям (шести сыновьям и двум дочерям) он стремился дать образование. Требовательный к себе, и своих детей он воспитывал в строгости, с детства приучая их к ответственности за свои слова и поступки.

Семь из восьми детей Степана Хрисанфовича и Пелагеи Андреевны получили высшее образование и состоялись в своих профессиях. Трое детей стали квалифицированными учеными. Это – кандидаты наук, доценты Геннадий Степанович (лингвист) и Анатолий Степанович (историк), а также доктор наук, профессор Валерий Степанович (археолог).

В 1941 году Анатолий Патрушев поступил в Дубниковскую 7-летнюю школу. Школьные годы выпали на трудное военное и послевоенное время. Не хватало еды, одежды. Во время каникул школьники работали в колхозе, помогая взрослым. В седьмом классе мальчик был избран секретарем ученической комсомольской организации. После окончания школы поступил в Сернурское педагогическое училище (1948). В то время обучение в средней школе (8–10 классы) было платным, а в педучилище с детей педагогов плата не взималась. Помимо общеобразовательных предметов, большое внимание уделялось музыкальным занятиям, рисованию и, конечно, педагогике. Глубокие знания давались по марийскому языку и литературе. Педпрактику А. Патрушев проходил в Сернурской средней школе пионервожатым.

После окончания педучилища Анатолий решил пойти работать в школу.

Материальные проблемы заставляли задумываться о заработке, поэтому мечту о дальнейшей учебе молодой человек решил отложить до лучших времен. Но отец настоял на поступлении в Марийский педагогический институт. Интерес к истории проявился с детства. В библиотеке отца, наряду с другими, были книги и по истории, которые он с увлечением читал. Большую роль в формировании увлечений юноши сыграли также рассказы и воспоминания отца о событиях в жизни родного селения и его жителей. Определенный исторический кругозор и умение размышлять на исторические темы сыграли свою роль. Несмотря на большой конкурс (7 человек на место), в 1952 году он стал студентом историче-
ского отделения историко-филологического факультета. Поселились первокурсники в общежитии института по ул. Советской. Кровати стояли вплотную друг к другу, и в небольшой комнате размещались 9 человек. Чтобы как-то прожить, А. Патрушев, как и многие студенты, приехавшие из деревень, подрабатывал разгрузкой вагонов. Несмотря на материальные трудности, студенческая жизнь была интересной и разнообразной. На втором курсе А.Патрушев был избран комсоргом группы, а на старших курсах – членом комсомольского бюро исторического отделения. На последнем курсе института молодой человек увлекся фотографией, и это увлечение осталось на долгие годы.

После успешного окончания пединститута двое его выпускников-историков Анатолий Патрушев и Маргарита Власова поступили в Горьковский государственный педагогический институт им. М. Горького на специальность «География» (1957). Это были первые представители Марийской республики, прошедшие обучение по новой программе. Дело в том, что в связи с переизбытком выпускников-историков и нехваткой преподавателей географии было решено дать историкам возможность получения второй специальности. Обучение было рассчитано на один год.

После окончания Горьковского пединститута Анатолий Степанович работал учителем истории и географии в Мустаевской средней школе Сернурского района Марийской АССР (1957–1958). Он запомнился коллективу учителей и учащихся, местному населению активной деятельностью в стенах школы и за ее пределами. Молодой учитель интересно проводил уроки, был участником и ведущим школьных мероприятий, был докладчиком на праздничных и общественных торжествах, лектором местного агитколлектива. Как классный руководитель самого большого восьмого класса (около 40 учащихся) из выпускников-семиклассников Мустаевской средней и нескольких окрестных семилетних школ, он сумел сплотить учеников в дружный коллектив, отличившийся на школьном смотре художественной самодеятельности. Мустаевские ветераны помнят особую причастность А.С. Патрушева к постановке коллективом учителей комедии-водевиля «Окса тул» («Клад») С.Г. Чавайна. Уже во время работы в школе наметился крутой поворот в судьбе сельского учителя. В Марийский научно-исследовательский институт в связи с подготовкой двухтомника «Очерков истории Марийской АССР» требовался сотрудник в сектор

истории, и перспективного молодого человека, запомнившегося знаниями и общественной активностью, его институтские преподаватели А.В. Хлебников и В.М. Тарасова рекомендовали на должность младшего научного сотрудника.

С Марийским научно-исследовательским институтом связано 20 лет творческой жизни А.С. Патрушева (1958–1978). После окончания в 1963 году аспирантуры Казанского филиала АН СССР молодой ученый переходит на должность старшего научного сотрудника, а в 1965–1978 годах возглавляет сектор истории. Область его научных интересов – история Марийского края конца XIX – начала XX вв., первых лет Советской власти, история просветительства и культуры марийского народа, история Марийского комсомола 1919–1932 годов и др. По теме «Марийская деревня в начале XX века» А.С. Патрушев защитил кандидатскую диссертацию (1972).

Занимаясь в архивах и библиотеках, любознательный историк, наряду с материалами по основной теме, собирал «банк данных» и по другим граням истории края, время от времени публикуя итоги своих неожиданных находок и заставляя по-новому взглянуть на казалось бы известные страницы истории края.

Почти три десятилетия жизни А.С. Патрушева связано с Марийским государственным университетом (1978–2005).

Свою педагогическую деятельность в МарГУ он начал со старшего преподавателя кафедры всеобщей истории (1978–1979), затем был избран заместителем декана историко-филологического факультета (1979–1981), заведующим кафедрой всеобщей истории (1981–1983), заведующим кафедрой истории СССР (1983–1988), доцентом кафедры отечественной истории (1989–1993), доцентом кафедры региональной истории (1993–2005). Анатолий Степанович внес большой вклад в воспитание плеяды талантливых исследователей истории и культуры Марийского края.

А.С. Патрушев – не только кропотливый ученый и талантливый педагог, но и известный общественный деятель. Он был первым председателем правления Центрального Совета демократического общественного движения «Марий ушем» (апрель 1990 – апрель 1992), а в 1992–2001 годах активно работал в составе его Центрального совета. Задачей общественного движения являлось содействие развитию национальной культуры марийцев, в том числе за пределами республики. В 1990–1993 годах избирался депутатом Йошкар-Олинского городского Совета и был председателем его постоянной комиссии по культуре и межнациональным отношениям. С 1995 года – член общества историков-архивистов.

А.С. Патрушевым опубликовано свыше 100 научных трудов, в том числе три монографии. Активное участие он принимал в коллективных изданиях, а также в выявлении и составлении сборников документов.

Научная и общественная деятельность А.С. Патрушева отмечена благодарностями и грамотами. Это почетные грамоты Республиканского и Центрального советов Общества охраны памятников, значок Центрального совета «За активную работу в Обществе охраны памятников», почетные грамоты Марийского

обкома КПСС и Совета министров МАССР, президиумов республиканского и городского правлений общества «Знание», Министерства культуры, Марийского книжного издательства, редакций газет «Марийская правда» и «Марий коммуна», радиокомитета, музея и др. За многолетний плодотворный и добросовестный труд А.С. Патрушеву присвоено звание «Заслуженный деятель науки Республики Марий Эл» (1994). В 2004 году его труд был отмечен Почетной грамотой Государственного Собрания Республики Марий Эл (2004).

А.С. Патрушева всегда отличали ответственное отношение к своим служебным и общественным обязанностям и поручениям, добропорядочность, тактичность, доверительность во взаимоотношениях с коллегами, сослуживцами, студентами. Он всегда пользовался заслуженным авторитетом и уважением как в МарНИИ, так и в МарГУ.

ОСНОВНЫЕ ТРУДЫ

Монографии:

Марийская деревня в период империализма. – Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1972. – 272 с.;

С.Чавайн в Казани. Годы учебы в учительской семинарии. – Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1973. – 46 с.;

Ленинский путь марийского крестьянства. – Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1970. – 52 с. (на марийском языке).

Участие в коллективных изданиях:

Классовая борьба в пореформенный период // Очерки истории Марийской АССР. – Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1965. – С. 243–250;

Марийский край в годы мировой империалистической войны и Февральской буржуазно-демократической революции в России (1914–1917 гг.) // Очерки истории Марийской АССР. – Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1965. – С. 310–332.;

Классовая борьба (Гл. VIII, §5) // История Марийской АССР. Т. 1. – Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1986. – С. 191–199.;

Марийский край между двумя буржуазно-демократическими революциями и в период Февральской революции 1917 г. (Гл. X) // История Марийской АССР. Т. 1. – Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1986. – С. 226–253 (соавт. М.А. Наумова, А.В. Хлебников);

Очерки истории Марийской организации ВЛКСМ (Гл. I–III). – Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1984. – С. 8–41;

Культурная жизнь в СССР (факты и события по Марийской АССР). 1917–1927. Хроника. – М., 1975; 1928–1941. Хроника. – М., 1976; 1941–1950. Хроника. – М., 1977; 1951–1965. Хроника. – М., 1979; 1966–1977. Хроника. – М., 1981;

Из истории Марийской организации ВЛКСМ. Сборник документов и материалов. 1919–1978 гг. Выявление и составление: разд. I–II. – С. 7–62, разд. III (соавт. Т.И. Богомолова). – С. 65–92. – Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1978;

Путь борьбы и созидания. Хроника Марийской областной организации КПСС. Гл. I–II. С. 5–17. – Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1988;

Основные статьи:

Состояние крестьянского хозяйства и классовая борьба в деревне Марийского края в годы первой мировой войны // Вопросы истории, археологии, этнографии мари / Труды МарНИИ. – Йошкар-Ола, 1961. Вып. 16. – С. 67–126;

О сельском хозяйстве Марийского края в начале XX века // Новые страницы в истории Марийского края / Труды МарНИИ. – Йошкар-Ола, 1971. Вып. 23. – С. 40–104;

В.М. Васильев и «Марла календарь» // Валериан Михайлович Васильев. – Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1974. – С. 25–36;

Марийские листовки периода первой русской революции // 200 лет марийской письменности. – Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1977. – С. 107–119;

Из истории изучения «Марла календарей» // Вопросы дореволюционной истории Марийского края. – Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1978. – С. 58–65;

Марийский край в период Февральской буржуазно-демократической революции в России. Свержение местных органов власти (март-апрель 1917 г.) // Вопросы дореволюционной истории Марийского края. – Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1978. – С. 94–130 (сноски 157–162);

Ленинский декрет о земле и марийское крестьянство // Вопросы аграрной истории Среднего Поволжья. Советский период. – Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1978. – С.18–29;

Общинное землепользование в Марийском крае в начале XX века // Материалы I Всероссийской научной конференции финно-угроведов. Узловые проблемы современного финно-угроведения. – Йошкар-Ола, 1995. – С. 40–45;

Царевококшайская учительская семинария (1917–1919 гг.) // Марийский археографический вестник, №7. – 1997. – С. 65–78 (соавт. Р.В. Кузьминых);

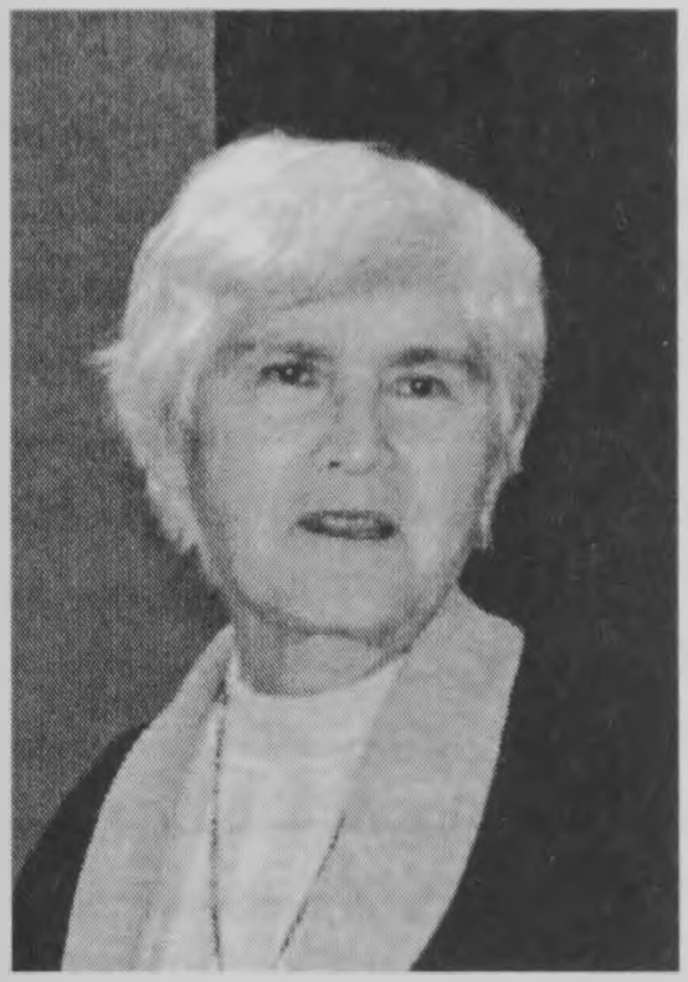
Культура земледелия марийцев в конце XIX – начале XX века // Финно-угроведение, № 4. – Йошкар-Ола, 1999. – С. 94–97;

Общее и особенное в развитии хозяйства марийцев в конце XIX – начале XX вв. // Формирование, историческое взаимодействие и культурные связи финно-угорских народов / Материалы III Международного исторического конгресса финно-угроведов. – Йошкар-Ола, 2004. – С. 205–211.

«Финно-угроведение», 2014, № 1

Татьяна Миннияхметова
Инсбрук

ЛЮДМИЛЕ СТЕПАНОВНЕ ХРИСТОЛЮБОВОЙ – 75 ЛЕТ



Пешком до Казани. Часто предстает перед глазами картина, как более ста лет тому назад из маленького села Эгра Вятской губернии в губернский центр Казань пешком шла женщина-мать. чтоб проведать обучающегося там сына*. В одном из своих интервью газете «Удмурт дунне» вспоминает Людмила Степановна об этом исключительном случае. Каким разнообразным был путь той женщины: смелым, сложным, целеустремленным и желанным. Таким же можно представить научный и жизненный путь самой Людмилы Степановны Христолюбовой: непростой, разноплановый, насыщенный, интересный.

26 марта – день юбилея Людмилы Степановны, крупного удмуртского ученого, известного общественного деятеля, гражданина страны, учителя, наставника. Ей исполнилось 75. Родилась она в семье крестьян, вырастивших пятерых детей, родители которых стремились их выучить и вывести в люди. Ее родная деревня называлась Волково**, где проживали удмурты и русские – настоящее этнографическое поле; там был обычай: весной проводили празднество «колхоз табань», для чего колхоз выделял муку и пекли блины; угощение подавалось по-традиционному, с зыретом – молочно-яичным соусом, сначала лакомились дети, потом – взрослые. Из воспоминаний детства юбиляра хочется еще рассказать о зипуне, что сшила ей тетя за ее помощь в подаче ниток в бердо при тканье, и который она носила с большой радостью; Людмила Степановна говорит, если бы знала тогда, что станет этнографом, то берегла и сохранила бы тот зипун (1, с. 9).

Впервые покинула она родной дом, когда поступила на учебу в Можгинское педагогическое училище (1953–1957), после окончания которого работала

---

* Речь идет об удмуртском писателе: в 1907–1911 гг. Кедра Митрей учился в Казанской инородческой учительской семинарии.

** Удмуртское название деревни Кионгурт; ныне входила бы в Завьяловский район Удмуртии, в настоящее время не существует.

учителем в Ст.-Сентегской начальной школе Ижевского района УАССР. И тогда еще не было мысли стать этнографом, ученым, исследователем. Но вот в 1958 г. в Удмуртском государственном педагогическом институте объединили исторический и филологический факультеты, куда поступила Людмила Степановна и успешно обучалась с 1963 по 1967 год.

Ключом к «этнографическим идеям» стала встреча с удмуртским лингвистом И.В. Тараканoвым (ныне профессором, доктором фил. наук), который высказал свое пожелание Людмиле Степановне, чтобы она обучалась на этнографа в аспирантуре в Москве, потому что в Удмуртии не было таких специалистов. Тогдашней студентке еще не была особо знакома такая профессия. Но завершив обучение в УдГПИ, она начала работать ассистентом кафедры философии и научного коммунизма того же института. Ей часто приходилось готовить лекции в библиотеке, там же она заинтересовалась и литературой по этнографии, которая была столь малочисленной и недостаточной. Молодой лектор, по совету того же Ивана Васильевича, обратилась с просьбой выслать программу для поступления в аспирантуру в Институт этнографии Академии наук СССР. Ответ был незамедлительным и началась подготовка для обучения в Москве. В годы учебы в аспирантуре (1967–1970) Л.С. Христолюбова вела исследования под научным руководством известного этнографа В.В. Пименова по теме «Семейные обряды удмуртов: свадьба, родины, похороны (опыт количественной характеристики)». В 1971 г. защитила кандидатскую диссертацию по названной теме.

Вернувшись в Ижевск, с 1970 г. трудится Людмила Степановна в Удмуртском НИИ (ныне УИИЯЛ УрО РАН). Она была старшим научным сотрудником, заведующей сектором этнографии и этносоциологии (1978–1989), ученым секретарем. В круг ее основных научных интересов входят традиционные и современные проблемы истории культуры удмуртского народа, вопросы историографии и многие другие ранее не исследованные вопросы удмуртской этнографии, этнологии и истории. Одновременно она являлась и одной из организаторов этносоциологических исследований в Удмуртии (1968, 1979–1980, 1993, 1997, 2002), итогом которых стали многочисленные авторские и соавторские публикации «Удмурты: Этносоциологические очерки» (Ижевск, 1976. В соавт.), «Семейные обряды удмуртов: традиции и процессы обновления» (Ижевск, 1984), «Народы Поволжья и Приуралья: Коми. Марийцы. Мордва. Удмурты». Серия «Народы и культуры» (М., 2000. В соавт.), «Удмуртъёс: Историко-этнографической очерк» (Ижевск, 2008). Кроме этого, руководила отрядом при этносоциологическом опросе населения Мордовии. И сегодня преданно работает Людмила Степановна в этом же институте.

Л.С. Христолюбова хорошо известный в научном мире ученый, ее знают представители как старшего, так и молодого поколения. Она – автор более 200 научных работ, многие темы из которых рассмотрены впервые. Её работы посвящены исследованиям вопросов историографии и этнографии, традиционного быта удмуртов в исторической ретроспективе, современным этнокультурным

и этноязыковым процессам в Удмуртии, гендерным исследованиям. Ряд её исследований освещает проблемы удмуртских женщин, разноплановый и меняющийся под воздействием политических и социально-культурных процессов мир женщины, ее общественное положение, идентичность и ментальность. Это лишь часть проблем, нашедших отражение в выступлениях, статьях и монографиях Л.С. Христолюбовой: История этнографии удмуртов: Краткий историографический очерк с библиографией (Ижевск, 1984. В соавт.); Этнография удмуртов (Ижевск, 1991. В соавт. 2-е изд., перераб. и доп. 1997); Калык сямъёсты чакласа (Удмуртские народные обычаи) (Ижевск, 1995); Удмуртские женщины. XX век: Биографический справочник (Ижевск, 2002); Женщина в удмуртском обществе. XVIII – начало XXI в. Монография (Ижевск, 2006).

Один из сложных и трудоёмких работ ученого – сбор фактического материала о биографиях людей. Каковы бы ни были этапы поисков удмуртских ученых, составление историй их жизни и творческого пути – это оказалось по плечу Людмиле Степановне, и она издала биобиблиографический справочник «Учёные-удмурты» (Ижевск, 1997; 860 с.), чем очень удивила многих героев книги, так как для большинства из них было неожиданностью такое количество имён удмуртов в науке. Когда я выразила удивление, как она смогла собрать сведения о таком количестве ученых, Людмила Степановна сказала, что именно период поисков и выявлений удмуртов-ученых был самым интересным и вдохновляющим, что её радовало каждое вновь обнаруженное и узнанное имя (2, с. 363).

В последние десятилетия Л.С. Христолюбова занималась исследованием исторического пути удмуртской женщины за последние два века. Она изучала биографии женщин, их судьбы на фоне истории страны и республики, их трудовую деятельность и достижения. Результатами этого кропотливого труда стали справочник «Удмуртские женщины. XX век» (Ижевск, 2002) и монография «Женщина в удмуртском обществе (XVIII – начало XXI в.)» (Ижевск, 2006). Именно признавая ее неоценимый вклад в науку и историю, заместитель директора Института этнологии и антропологии РАН М.Н. Губогло на встрече с коллегами этносоциологами восхищенно сказал им: «вот эта женщина составила и издала две энциклопедии!» В настоящее время она готовит к изданию материал по удмурткам-трактористкам. Ей как немногим близка эта тема и проблема: многие годы на общественных началах она была председателем общества удмуртских женщин «Удмурт нылкышно кенеш».

Огромного терпения и чувства взаимной ответственности требует коллективная работа. Совместно со своими коллегами Людмила Степановна трудилась не над одной монографией и энциклопедий. Одна из них – «Удмурты: историко-этнографические очерки» (Ижевск, 1993). Она активно включалась в реализацию и крупных научных проектов: энциклопедия «Удмуртская Республика» (Ижевск, 2000), написав 43 статьи; «Удмуртская мифология» (Ижевск, 2003); «Феномен Удмуртии» в 9 томах (написала 10 статей, составитель ряда томов и научный редактор 9-го тома); финская энциклопедия по традиционной матери-

альной культуре марийцев, мордвы, и удмуртов «Marit, morvalaiset ja udmurtit. Perinteisen kulttuurin tietosanakirja / Päätoimittaja Ildiko Lehtinen. Suomalaisen Kirjallisuuden Seura» (Helsinki, 2005), составив 21 статью (3).

Людмила Степановна читала спецкурсы по этнографии народов Поволжья в УдГУ, будучи членом общества «Знание», читала лекции в различных городских организациях, сельской аудитории, школах. Она является активным участником многих Всесоюзных, Российских и Международных конференций и конгрессов этнографов, антропологов, историков, финно-угроведов. Плодотворно сотрудничает с Институтом этнологии и антропологии РАН и другими научно-исследовательскими институтами региона и страны. Интенсивно контактирует с Обществом им. М.А. Кастрена (Финляндия).

Одной из ключевых проблем ее публичных выступлений среди удмуртов был и остается вопрос ментальности и самосознания удмуртов (4). Она деликатно может раскрывать причины этнических особенностей менталитета и давать им обобщенные разъяснения. Л.С. Христолюбова пропагандирует знание и образование, призывает людей к объективной самооценке, самоуважению и взаимоуважению в отношениях на частном, семейно-родовом и общественном уровнях.

Л.С. Христолюбова прошла замечательный путь ученого и общественного деятеля. Она – кандидат исторических наук, ведущий этнограф, крупный ученый, общественный деятель, обладатель многих почетных званий и премий. Её награды сами раскрывают широту деятельности: заслуженный деятель науки УР (1991 г.), Грамота Совета Министров УАССР, две почётные грамоты Удмуртского ОК ВЛКСМ, Почётная грамота Рескома профсоюзов работников народного образования, две благодарности от «Удмурт Кенеш» и Министерства национальной политики УР, Национальная премия им. Ашальчи Оки (1997), премия «Женщинам-учёным» мэрии и Городской Думы г. Ижевска (1998).

Людмила Степановна – человек с сильным характером и чувством высокой ответственности, принимает трудности и несет ответственность за взятое дело. Ей присущи готовность отдавать всю энергию за общие цели, искренность, твердость духа, надежность, бескорыстие, щедрость, преданность своему народу и родине.

Желаем многоуважаемой Людмиле Степановне крепкого здоровья, дальнейших творческих успехов, сохранить те же свойства души и качества характера.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Александрова Юлия.* Кытчы ышид, пичи дыр зыбынэ? / Л. С. Христолюбова // Удмурт дунне, 2002, 31 декабря.

2. *Миннияхметова Т.Г.* К юбилею Людмилы Степановны Христолюбовой: 40 лет в науке // Ежегодник финно-угорских исследований. – Ижевск, 2009.

3. *Миннияхметова Т.Г.* 40 лет в науке // Библиографический справочник трудов Л.С. Христолюбовой к 70-летнему юбилею. – Ижевск: ИИЯЛ УрО РАН, 2009.

4. *Баишкова Татьяна.* Ваньзэ чидамзы понна – юрттоноюо // Удмурт дунне, 1996, 2 ноября.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Рец.: Черных А.В. Голева Т.Г., Щукина Р.И. Марийцы Пермского края: очерки истории и этнографии. 2-е изд., испр. и доп. – Пермь: ОТ и ДО, 2013. – 530 с., ил.

Данная коллективная монография была рекомендована к печати Президиумом Пермского научного центра УрО РАН. Посвящена она одной из уникальнейших локальных групп марийского народа – пермским марийцам, относящимся к уральской подгруппе восточных марийцев. Эта локальная группа небольшая, по данным последней переписи составляют 4, 1 тыс. человек. В монографии рассматривается история, материальная и духовная культура пермских марийцев. В этой книге раскрываются различные аспекты межнациональных отношений на примере истории и культуры пермских марийцев – с момента переселения их предков (конец XVI – XVII) на пермских землях по настоящий период. На основе большой научной источниковедческой базы исследованы механизмы сложных адаптационных процессов марийцев в пермском полиэтническом пространстве, особенности их национального самосознания, выявлены и раскрыты факторы и тенденции, повлиявшие на формирование данной группы. Издание является итогом многолетнего научного исследования, включившего непубликовавшиеся архивные источники, материалы полевых этнографических наблюдений и анализ современных процессов в среде данной группы марийцев.

Книга подразделяется на 11 очерков – глав с отдельными параграфами, раскрывающими различные аспекты истории и культуры пермских марийцев.

В первом очерке «Общие сведения о марийцах» (автор А.В. Черных) рассматриваются сведения о марийцах: этногенез и основные этапы этнической истории; этнографические группы, этноязыковые особенности; расселение и численность. Во втором очерке «Из истории изучения марийцев Пермского края» А.В.Черных рассмотрел историю изучения марийцев Пермского Прикамья. Отдельные сведения о данной локальной группе марийцев относятся к XVIII веку, они содержатся в материалах участников академических экспедиций (И.Г.Георги. Г.Ф.Миллера. И.П.Фалька). Ряд работ относится к XIX веку. Автор выделил коллекции преимущественно, связанные с традиционным костюмом пермских марийцев в различных музеях России и зарубежных, которые также являются важным историческим источником. В очерках подчеркивается большой вклад в исследовании культу-

ры уральских марийцев известного этнографа Г.А.Сепееева. Его монография «Восточные марийцы» является классическим этнологическим исследованием. не утратившим научную актуальность и значимость в современных условиях. А.В.Черных дал подробный анализ работ, посвященных пермским марийцам, начиная с XVIII века по современный период. Имеющиеся научные публикации о пермских марийцах представляют ценный источник для исследователей.

Третий очерк посвящен истории марийцев Пермского Прикамья «Этническая история марийцев Пермского Прикамья» (А.В.Черных), начиная с XVII века по современный период. Глава начинается с истории формирования и расселения марийцев Пермского Прикамья в XVII – середине XVIII веков. Отдельные разделы посвящены пермским марийцам в период второй половины XVIII в., в XIX – начале XX в., становлению образовательной системы, расселению и численности марийцев в советский период. В разделе использовано большое количество архивных источников. В очерке отражаются и данные переписи 1959–2010 гг. Как показывают статистические данные численности последних переписей – количество пермских марийцев неуклонно уменьшается.

Четвертый очерк «Хозяйственные занятия» (А.В.Черных) раскрывает особенности хозяйственной деятельности данной этногруппы – земледелие, животноводство, пчеловодство, охота, рыболовство, промыслы и ремесла. Ведущая роль принадлежала земледелию, второстепенную роль играло животноводство, вспомогательную – охота, собирательство и рыболовство. Земледелие у пермских марийцев развивалось в северных природно-климатических условиях, что определило характер организации земледельческого производства, набор высаживаемых культур и их разнообразие (с.112). И в настоящее время животноводство продолжает играть существенную роль в личном хозяйстве сельских марийцев. По-прежнему в домашнем хозяйстве держат коров, коз, гусей, уток, кур. Традиционными остаются способы содержания и выпаса скота, заготовки сена. Традиционно марийцы занимались пчеловодством, и в настоящее время оно продолжает играть немаловажную роль в хозяйственных занятиях марийцев (с.118). Хозяйственные традиции были схожи с теми, что бытовали у соседних народов региона. В разделах об охоте и рыболовстве приводятся способы и методы добычи зверей, птиц и рыбы. Для этой группы было характерно бытование марийских архаичных и характерных для других народов региона способов в охотничьем и рыболовном промыслах. С этими промыслами был связан целый комплекс примет, основанных на многолетних наблюдениях. На рубеже XIX – начале XX вв. значение охоты в хозяйственной деятельности сокращается и приобретает характер любительства, а рыболовство и в настоящее время остается актуальным в марийских деревнях Прикамья (с.122. 127). В этом же очерке автор выделил раздел «Промыслы и ремесла», где отмечены мужские и женские домашние промыслы. Наиболее подробно автор описал традиционные промыслы, связанные с обработкой конопли, прядением пряжи, подготовкой пряжи к ткачеству холста, процессу ткачества, отбеливанию полотна и др. В современных условиях из традиционных женских

занятий и технологий сохраняются вышивка, изготовление и орнаментация традиционного костюма, плетение из бисера, ткачество поясов (с.136).

Пятый очерк «Материальная культура» (А.В.Черных, Т.Г.Голева) посвящен материальной культуре, в котором рассматриваются поселения, усадьба и жилище, интерьер жилища, традиционная кухня, утварь.

Что касается поселений, то по сравнению с русскими и татарами марийцы не сформировали крупных селений. В них преобладает уличная планировка. Деревни, расположенные на берегах рек, имеют однорядное расположение домов. Расположение деревень у рек обеспечивало население водой. Традиционно по берегам рек старались расположить бани. В настоящее время бани чаще всего располагаются в пределах усадьбы. Характерной чертой традиционных марийских деревень были изгороди, окружавшие деревни, с несколькими воротами. Авторы очерка отметили, что организация пространства марийских поселений имеет свою специфику. Этнические традиции проявляются в сохранении системы святилищ, которые являлись местами совершения религиозных культов (с.148).

Среди пермских марийцев были и остаются распространенными усадебные комплексы нескольких типов. У сылвинских марийцев доминируют усадьбы с закрытым двором, когда хозяйственные постройки примыкают вплотную к жилой избе. Широко бытующей является усадьба с двухрядной застройкой – торцом к улице стоит жилая изба, составляющая один ряд усадьбы, и параллельно ей хозяйственные постройки, образующие ее второй ряд, каждый ряд при этом закрывался двускатной крышей (с.149). В однорядной усадьбе хозяйственные постройки располагались за жилым домом и все закрывалось одним рядом двускатной крыши. Бытуют также усадьбы с открытым двором. Единичными были в марийских деревнях усадьбы с «покоеобразной» застройкой. В данном разделе также рассмотрены подробно типы жилых помещений, особенности хозяйственных построек и бань, интерьер дома, обряды новоселья.

Информативной является раздел о традиционной кухне пермских марийцев. Состав традиционной пищи был обусловлен производственными занятиями (земледелие, животноводство, птицеводство, пчеловодство). Разнообразили пищевой стол рыба, дичь, ягоды, грибы и травы. Основу питания составляли продукты земледелия. Разнообразными были блюда из квашеного и пресного теста. Одним из специфических блюд сылвенских марийцев можно назвать большие пироги с гусятиной, которые бытуют и у луговых марийцев. Для пермских марийцев было характерно употребление мяса разных животных. Способы его приготовления имеют аналогии с поволжскими марийцами. Например, домашнюю колбасу (сокта) готовили также как луговые марийцы – начиняли хорошо очищенные кишки животных мясом, крупой, салом, иногда использовали и кровь. В целом в народной кухне пермских марийцев много аналогичных блюд, присущих поволжским марийцам.

Начало употребления наиболее важных продуктов (хлеба, мяса, молока) у марийцев сопровождалось молениями, пожеланиями плодовитости и роста для скота, урожая хлеба и овощей (с.174).

Очерк шесть «Традиционный народный костюм» (А.В.Черных) отличается фундаментальностью и посвящен самому яркому и самобытному явлению культуры пермских марийцев – традиционному костюму. Материалы, посвященные народной одежде марийцев, позволяют проследить развитие костюма в исторической динамике вплоть до современности, проследить эволюцию его отдельных элементов, выявить внутренние закономерности его развития. Основные формы традиционного костюма богато орнаментированы вышивкой, что заметно отличает марийский костюм от одежды других народов Пермского Прикамья (с.183). А.В.Черных в начале данного очерка подробно рассмотрел: материалы для изготовления костюма; ткани домашнего производства; покупные ткани; вязание; обработку шкур и кожи; окрашивание; вышивку, аппликацию. В очерке подробно описываются элементы и предметы костюма: рубахи, штаны, передники, пояса, головные уборы, нагрудные и нашейные украшения, легкие распашные кафтаны, верхняя демисезонная и зимняя одежда, обувь. Автор раскрыл особенности повседневной одежды и празднично-обрядовых комплексов костюма. Он подчеркнул, что развитие народного костюма уральских марийцев происходило на своей этнической основе. Этим объясняется его близость и значительное число элементов, объединяющих его с традициями других групп марийцев, в том числе и поволжских районов. В современный период народный костюм пермских марийцев сохраняется и развивается, продолжает активно бытовать и выступает не только уникальным компонентом этнокультурного наследия, но и важным символом этничности, одним из компонентов, на котором строится этническое самоопределение народа (с.250).

Очерк семь «Семейные обычаи и обряды» (А.В. Черных, Т.Г.Голева) раскрывает особенности традиционных и современных семейных обычаев и обрядов. В разделе «Рождение ребенка и мир детства» рассматриваются родильная обрядность, обряды и обычаи первых лет жизни детей, уход за ребенком и народные способы лечения, народная педагогика, детские игры и игрушки. Ценностью исследования является то, что оно базируется на большом полевом этнографическом материале и впервые этнография детства пермских марийцев рассмотрена подробно. Не менее информативной является описание рекрутской обрядности, которая также впервые рассмотрена у данной группы как очень важный элемент семейной обрядности. Авторы на основе полевых материалов постарались раскрыть особенности свадебных обрядов: формы заключения брака; предсвадебные ритуалы; сватовство; договор о свадьбе; участники свадьбы; свадебный поезд; обычай прятать невесту, смена прически и головного убора; благословение молодых; обычаи с приданым и свадебные дары; испытания молодой; гостевание свадебжан; послесвадебные обычаи. В данном очерке также рассмотрены в отдельном разделе подробно похоронно-поминальная обрядность, культ предков и представления о загробном мире (с.299–326). Авторами выделены обряды и ритуалы по трем основным этапам – подготовка к погребению, погребение и поминовение.

Восьмой очерк «Народные верования и знания» (А.В.Черных, Т.Г.Голева) коллективной монографии посвящен традиционной религии и знаниям (с.327–382). В этом очерке рассматриваются представления о мироздании, представления о природных явлениях, приметы и поверья, связанные с животными. Специальные разделы очерка раскрывают культ высших божеств традиционной религии пермских марийцев, а также и культ керемета. Авторами раскрываются функции низших духов в религиозных представлениях и представления о колдунах, знахарях, оборотнях. В очерке рассмотрена современная этно-конфессиональная ситуация, роль в жизни пермских марийцев православия и традиционных религиозных культов.

Следующий девятый очерк «Календарные праздники и обряды» (А.В.Черных) посвящен значимым календарным праздникам годового цикла. Традиционный народный календарь использовал несколько систем времяисчисления. По солнечному календарю определялось время проведения летних молений, особо выделялись дни летнего и зимнего солнцестояний. С лунным календарем связывалось в прошлом совершение молений, сопровождавшихся жертвоприношениями, сроки их определялись по очередному новолунию (с.385). Сроки проведения большинства праздников были связаны с православным календарем, хотя пермские марийцы в большинстве оставались язычниками. Автор подробно охарактеризовал весенние праздники и обряды, которые занимали большое место и значение в жизни марийцев, поскольку были связаны с сельскохозяйственными работами, с будущим урожаем, поминовением умерших. Завершался цикл весенних праздников обрядами Семика и летних молений, которые находились на границе двух хозяйственных и природных циклов – между завершением весенних полевых работ и началом сенокоса, между весенним и летним сезоном года (с.403). Как во время Пасхи, так и во время Семика одним из важных обрядов было поминовение усопших родственников. Это было очень важно для марийцев, так у них с древности был очень развит культ предков. С одной стороны, во время праздника происходило поминовение усопших, с другой стороны, проводилось много обрядов и ритуалов, связанных с очищением, предохранением от воздействия злых сил, радостью прихода лета, продолжением жизни и др. В очерке дана характеристика летних, осенних и зимних праздников и обрядов, которые были связаны как с традиционными религиозными представлениями, так и с православными. Автор справедливо отметил, что праздничная обрядность у пермских марийцев является одним из ярких и самобытных проявлений, стержневым компонентом их культуры.

В десятом очерке «Марийцы в кругу народов Пермского Прикамья: о межэтнических отношениях» рассматриваются контакты и взаимодействие с другими этносами региона, прежде всего с ближайшими соседями татарами и русскими. Известно, что в XVII–XVIII вв. существовали смешанные марийско-татарские поселения, где марийское население частично было ассимилировано татарами и влилось в состав татарского и башкирского населения. В очерке приведены

многочисленные примеры межэтнических контактов этих народов, принимавших разные формы. Они были обусловлены мирным добрососедством и выражались в совместном гостевании, участии в праздниках соседних народов, бытовых контактах, знании языков соседних народов. Этническая кооперация была больше характерна для хозяйственной деятельности, промысловых и ремесленных занятий. Инновации больше были характерны для сфер материальной культуры. Как считает А.В.Черных, наиболее закрытой и консервативной сферой выступала традиционная семейная обрядность. При многообразии межэтнического взаимодействия и межэтнических инноваций, традиционная культура марийцев Пермского Прикамья сохранила этническую основу, а проникновение иноэтнических инноваций не было всеобщим и критичным (с.438).

Заключительный очерк одиннадцатый «Современные этнокультурные процессы и общественное движение», написанный Р.И. Щукиной, посвящен современным этнокультурным процессам у марийцев Пермского края. Их отличает сложность и разноплановость. Динамизм этих процессов связан с социально-демократическими и экономическими реформами 90-х годов XX века. Автор достаточно подробно осветила в очерке все особенности и проблемы современных процессов общественного движения пермских марийцев. Первые разделы посвящены истории создания общественных объединений марийцев Пермского края, где раскрываются условия и предпосылки их создания, нормативная база, этапы создания объединений. В отдельных разделах рассматривается деятельность центра «Сулий», общественного центра «Памаш». Автор проанализировала основные тенденции и направления деятельности марийских общественных объединений Пермского края. Эти объединения сыграли большую роль не только в укреплении культурных, творческих связей и контактов с Республикой Марий Эл, но и с финно-угорским сообществом. Несомненно, работа общественного центра «Памаш» имеет огромное значение в сохранении культуры, языка, повышения самосознания и идентичности пермских марийцев. Тесно взаимодействуя с органами власти и общественными институтами, марийцы сообща смогли отстоять школу в д. Васькино Суксунского р-на, которую хотели закрыть из-за ветхого здания. По решению Правительства Пермского края в этом населенном пункте решено построить новое здание школы.

Очевидно, что и в создании этой богато иллюстрированной и очень информационной книги свою лепту внесли и члены общественных центров пермских марийцев. Авторы этого замечательного издания своим огромным трудом сохранят на века для следующих поколений самобытную, яркую духовную и материальную культуру пермских марийцев. Редколлегия журнала «Финно-Угроведение» сердечно поздравляет авторский коллектив с публикацией фундаментальной монографии и от души желает дальнейших творческих успехов на этнографическом поприще.

Тамара Молотова
Йошкар-Ола

Рец.: Турубанов А.Н. Строительный комплекс Республики Коми в XX веке: Монография / А.Н. Турубанов; отв. ред. В.И. Коротаев. – Сыктывкар: КРАГСиУ, 2012. – 267 с.

Проблемы социально-экономической истории России и ее регионов советского периода в настоящее время исследуются на базе новых, недавно открытых, источников, с использованием новых концептуальных подходов. Одной из таких работ является книга А.Н. Турубанова «Строительный комплекс Республики Коми в XX веке», изданная в Сыктывкаре в 2012 году под грифом Коми научного центра УрО РАН и Коми республиканской академии государственной службы и управления. Она посвящена анализу становления и развития капитального строительства – одной из ведущих отраслей индустрии, значение которой для Республики Коми увеличивается вследствие неблагоприятных природных и производственных условий Севера.

Представляемая книга состоит из введения, включающего в себя обзор литературы и источников, трех частей, две из которых, в свою очередь, делятся на главы и параграфы, заключения, списка литературы. Во введении выделены особенности развития строительного комплекса в Республике Коми. К их числу автор относит преобладание в капитальном строительстве 30–40-х годов принудительного труда заключенных и спецпереселенцев, проведение крупных политико-экономических кампаний по созданию в республике производственных мощностей союзного значения методом штурмовщины, вовлечение в инвестиционные процессы финансовых и материальных ресурсов центральных министерств и ведомств, которые, стремясь получить отдачу от вложенных капиталов и ресурсов, подчас не считались с материальными затратами и социальными издержками.

В состав использованной при написании книги литературы входят обобщающие труды историков Республики Коми, специальные исследования, работы экономистов и специалистов отрасли. При этом автор справедливо отмечает, что историография проблемы до начала 1990-х годов идеологизирована, но собранные исследователями того времени конкретные цифры и факты можно и нужно использовать в научной практике. При подходе к изучению источников автор ратует за использование не единичных документов, а массовых комплексов (данных различных ведомств и производств), что позволяет провести взаимную проверку информации. В число изученных при написании работы источников входят государственные документы, статистические и социологические исследования, письма и воспоминания участников событий. Данные архивов Республики Коми, на которых и построена главным образом представляемая работа, дают возможность охарактеризовать объемы капитальных вложений, ввод в строй производственных

мощностей, изменения в численности и составе рабочих и служащих строительных организаций, подготовку и расстановку кадров, повышение культурно-технического уровня работающих, условия труда и быта работников строительного комплекса. Для анализа региональной социально-экономической политики советского государства А.Н. Турубановым использованы опубликованные документы и материалы КПСС и Совета Министров СССР. Книга включает в себя немало таблиц, что позволяет вдумчивому читателю представить происходившие в области капитального строительства в Коми крае процессы более наглядно.

В первой части работы характеризуется строительное производство в Республике Коми в первые десятилетия XX века (1901–1930). До 1930 года Коми край как аграрно-промысловый район крайне медленно втягивался в индустриальный процесс. Только в 1929 году было принято решение об организации здесь Государственной строительной конторы. Индустриальная база была кустарной, отсутствовали постоянные кадры строительных работников, на стадии становления находилась производственная и социальная инфраструктура.

Вторая часть книги описывает так называемый гулаговский период развития капитального строительства (1931–1950) и включает в себя три главы. Здесь рассматриваются вопросы создания индустриальной базы строительного производства в Коми АССР, методы привлечения рабочей силы в строительное производство, подготовка кадров и повышение их квалификации, условия труда и быта тружеников строительного производства. В 1930–1940 годы, во многом под влиянием внешних обстоятельств, в Коми АССР сложилась сеть предприятий промышленности строительных материалов, однако степень удовлетворения потребностей народного хозяйства данной продукцией оставалась низкой, в том числе и вследствие малой заинтересованности большей части работников в результатах своего труда. 1930-е годы, период Великой Отечественной войны, послевоенное время отличались методами привлечения граждан в строительное производство республики. В 1930-е годы здесь преобладали спецпереселенцы и заключенные (в 1931 году на территории Коми находилось 73 тысячи подневольных людей, к 1941-му – 300 тысяч), в годы войны к работам привлекались также женщины, молодежь, эвакуированные. В гулаговский период методы вовлечения людей в строительное производство были в основном насильственными (в 1951 году на территории края находилось 279 тысяч подневольных), прием работников непосредственно предприятиями, оргнаборы, общественный призыв и система профтехобразования играли малозначительную роль. Капитальное строительство испытывало негативные последствия экстенсивного развития советского хозяйства, в ходе кампаний по созданию в богатых ресурсами районах крупных производственных мощностей не учитывались физико-географические и социально-экономические условия осваиваемых территорий.

В третьей части, получившей название «Строительный комплекс Республики Коми во второй половине XX века», рассказывается о развитии материально-технической базы строительного производства Республики Коми в 50–90-е годы, комплектовании трудовых коллективов строительных органи-

заций, подготовке и переподготовке кадров, уровне жизни рабочих и служащих строительного комплекса. Вторая половина XX века в развитии капитального строительства подразделяется автором на три периода. В 1951–1965 годах, в период разворота крупномасштабных работ по освоению природных ресурсов региона, происходило создание базы строительной индустрии. 1966–1990 годы стали периодом устойчивой деятельности строительного комплекса республики. в 90-е годы, в условиях радикальных экономических преобразований, произошел откат по многим показателям к 50-м годам прошлого века.

На развитие материально-технической базы строительного производства во второй половине XX века направлялись крупные государственные ресурсы. Формы пополнения кадрами строительных организаций изменились, решающее значение приобрели прием работников на месте, оргнаборы, общественный призыв, система профтехобразования. Происходило строительство новых шахт и лесозаготовительных предприятий, освоение месторождений нефти, получили развитие целлюлозно-бумажная промышленность, различные виды транспорта. В то же время, по мнению автора, в использовании материальных и финансовых ресурсов, направляемых министерствами и ведомствами, имелись крупные недостатки. Не выполнялся план ввода в эксплуатацию промышленно-производственных мощностей, планы освоения капитальных вложений, медленно росла доля капитальных вложений в реконструкцию и модернизацию действующих производств, наблюдалось отставание в развитии отраслей производственной и социальной инфраструктуры, что отражалось на масштабах и темпах социально-экономического развития республики. В 90-е годы в развитии строительного комплекса Республики Коми наблюдались серьезные трудности, и лишь к концу данного периода возросли объемы инвестиций, строительно-монтажных работ, рост производства продукции промышленности строительных материалов и конструкций.

Содержание представляемой книги позволяет отметить некое сходство между развитием экономики Республики Коми и Республики Марий Эл. Оба региона до определенного момента были аграрно-промысловыми, получили импульс в своем развитии под влиянием внешних событий (для РМЭ таковым стала Великая Отечественная война), развивались в дальнейшем при преобладающей доле инвестиций центральных министерств и ведомств, а при сокращении вложений пережили экономический спад. В связи с этим данная работа может иметь значение для исследователей, занимающихся вопросами экономического развития Марийского края советского периода.

В целом книга А.Н. Турубанова представляет интерес для исследователей отечественной истории XX века, преподавателей общественных наук, учителей, краеведов. Поставленные в ней проблемы приобретают большую актуальность в связи с приближающимся 100-летием со дня революционных событий октября 1917 года, что, несомненно, послужит толчком к научному осмыслению проблем истории нашей страны советского периода.

Юрий Ерошкин
Йошкар-Ола

Рец.: Мустаев Е.Н. Сопоставительное языкознание. Русский и марийский языки: Учебное пособие. – Йошкар-Ола: МарГУ, 2013. – 396 с.

В марийском языкознании сопоставительное изучение русского и марийского языков явление не новое. Начало этому положил известный марийский лингвист Н.Т. Пенгитов. В 1958 г. им издана «Сопоставительная грамматика русского и марийского языков. Ч. 1. Введение. Фонетика. Морфология» (Йошкар-Ола, 175 с.). В 1990 г. вышло пособие профессора Л.П. Васиковой «Сопоставительная грамматика русского и марийских языков. Синтаксис» (Йошкар-Ола, 150 с.), посвященное основным вопросам сочетаемости слов, структуры простого и сложного предложения. В последний раз подобное учебное издание для вузов выпущено в1991 г. автором рецензируемой книги. Как видно, с тех пор прошло почти четверть века. За этот период в русской и марийской лингвистической науке произошли многие изменения. Учитывая современные достижения языкознания, профессором Е.Н. Мустаевым подготовлено рецензируемое учебное пособие.

Учебник адресован бакалаврам, обучающимся по направлению 032700 – «Филология» (профиль «Русская филология»: профессиональный цикл, вариативная часть), для изучения дисциплин «Сравнительное языкознание», «Сопоставительная грамматика русского и марийского языков», и магистрам, обучающимся по направлению 032700 – «Филология» (магистерская программа «Финно-угорское языкознание», общенаучный цикл, вариативная часть), для изучения дисциплины «Языковые универсалии и актуальные проблемы типологического описания языков».

Актуальность работы не вызывает никакого сомнения. Она продиктована тем, что проблематика типологического изучения языков остается в центре внимания как современной лингвистики в целом, так и финно-угроведения в частности. Пособие ценно также в решении общих задач преподавания неродного (русского) языка в высших и средних учебных заведениях.

Работа открывается «Предисловием» (с. 3–6), за ним следует теоретический раздел «Сопоставление как метод изучения языков» (с. 7–18), состоящий из нескольких подразделов. В нем автор представляет базовые понятия и категории сопоставительного языкознания, раскрывает значения основных терминов.

В пособии в сопоставительном плане рассмотрены общие и отличительные явления между русским и марийским языками. При этом автор уделил особое внимание тем фактам, которые отражают значительные расхождения в сопоставляемых языках. Каждая из тем имеет комплексный характер.

Материал изложен в синхронном плане в следующей последовательности: сначала освещаются грамматические категории, общие для русского и марийского языков, затем – имеющиеся в обоих языках, но отличающиеся в чем-то; дальше автор акцентирует внимание на явлениях, характерных одному из сопоставляемых языков. Каждое положение подтверждается многочисленными иллюстративными примерами из сопоставляемых языков.

В учебном пособии представлена четкая характеристика фонетической, словообразовательной, лексической и фразеологической, морфологической, синтаксической системы русского и марийского языков. Что касается раздела о морфологии, то в нем подробно рассмотрены все части речи русского и марийского языков. Сопоставление проводится не только в структурном, но и в функциональном плане. Из синтаксиса освещены типы синтаксической связи, члены предложения, порядок слов и сложные предложения в русском и марийском языках (как видно, охвачены не все разделы синтаксиса сопоставляемых языков, т.к. они подробно описаны в вышеназванной книге Л.П. Васиковой).

В необходимых случаях автор привлекает материалы родственных, например, финского (с. 21, 252), венгерского (с. 49), эстонского (с. 49, 252), мордовского (с.167, 198), удмуртского (с. 212, 252, 292), а также неродственных (французского, немецкого, английского, китайского, корейского) языков (см. с. 19, 43 и др.).

Е.Н. Мустаев при изложении отдельных тем отмечает существование разных точек зрения на одни и те же вопросы теории марийского языка, выделяет моменты, вызывающие полемику в научном мире. По ряду грамматических явлений, которые до настоящего времени не получили однозначного решения как в русском, так и в марийском языкознании, дает свое видение теоретических проблем. К таковым можно причислить, например, вопросы о причастиях на *-шлаш* в марийском языке (с. 266), о категории состояния, модальных словах в русском языке (с. 290, 294). Положительно то, что Е.Н. Мустаев, сопоставляя языковые явления, постоянно обращает внимание на трудности, которые возникают перед студентами и учащимися при изучении русского языка. К ним относятся, например, особенности, связанные с категориями рода, числа имен существительных (с. 105–117), категорией вида глаголов (с. 211–225), деепричастиями (с. 272–281), предлогами русского языка (с. 298–312). Учитывая, что русский язык является неродным для обучающихся, автор стремился отразить возможные ошибки, вызванные влиянием родного языка.

В пособие после каждой темы в качестве закрепления материала включены дифференцированные упражнения (их всего 110). При подборе того или иного задания учтены типичные ошибки, встречающиеся в письменных работах студентов и учащихся национальных школ.

В целом автор использует обширную научную литературу. Однако по русскому и общему языкознанию в списке литературы и внутри текста представлены в основном работы середины прошлого столетия, остались в стороне исследования последних десятилетий. Так, в разделе «Краткая история в сопостави-

тельном изучении языков в отечественном языкознании» (с. 8–9) уделено внимание только двум исследователям (Е.Д. Поливанов, 1968; Л.В. Щерба, 1974); данный параграф, безусловно, можно было расширить. В разделе «Причастие» (С. 260–271) остались неотмеченными работы Т.А. Амельченко (Наталици), в которых достаточно подробно освещены отдельные вопросы данной части речи. Правда, рассматривая особенности неопределенной формы (инфинитива) (с. 196–200), автор упоминает ее автореферат (с. 197). На с. 139 перечислены суффиксы субъективной оценки *-уш* (*-юш*), *-ук* (*-юк*), *-у* (*-ю*), которые придают ласкательное значение собственным именам: *Зина – Зинуш, Зинук, Саня – Санюк, Петя – Петю* и др. Следовало бы уточнить, данные суффиксы заимствованные или марийские?

Рецензируемая работа имеет стройную, четкую структуру, материал дается в логической последовательности. Учебник составлен в целом в соответствии с достижениями в области сопоставительного и финно-угорского языкознания. Он может послужить образцом для разработки подобных сопоставительных грамматик по другим языкам, как родственным, так и неродственным. Книга написана на доступном, понятном языке.

Учебное пособие профессора Е.Н. Мустаева станет полезным не только для студентов и преподавателей, но и для учителей-языковедов общеобразовательных школ, гимназий. Кроме того, данная грамматика будет представлять один из важных источников по теоретической основе методики преподавания русского языка в национальных учебных заведениях.

Олег Сергеев
Йошкар-Ола

«Финно-угроведение», 2014, № 1

Рец.: Гаврилова В.Г. Марийско-русский билингвизм: переключение и смешение кодов. – Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2014. – 212 с.

Билингвизм является предметом исследования различных наук, таких как лингвистика, психология, социология, методика преподавания иностранных языков. *Актуальность* проблематики исследования связана с отсутствием комплексного изучения лексических и грамматических особенностей устной неофициальной родной речи мари с точки зрения переключения и смешения кодов. При коммуникативно-прагматической потребности в сохранении марийского языка как средства общения наблюдается не только прогрессивное, но и регрессивное влияние русского языка, что может привести к ассимилятивным явлениям. Решение языковых проблем возможно лишь на основе серьезного научного анализа закономерностей функционирования языков, конкретных речевых ситуаций и социального контекста.

Научная новизна исследования заключается в том, что в нём впервые изучено социолингвистическое явление переключения и смешения марийского и русского языков в устной речи мари, выявлены основные принципы совмещения грамматик рассматриваемых языков, стратегии их интегрирования, определены тематические группы иноязычных лексем, также предпринята попытка выявления причин, повлиявших на выбор кода.

Как пишет автор монографии, *целью исследования* является «изучение речи носителей марийского языка на предмет выявления смешения и переключения кодов, анализ и описание характера интеграции грамматик двух типологически разных, но тесно контактирующих марийского и русского языков» (с. 12).

Общетеоретической и методологической базой научной работы послужили выводы и результаты трудов зарубежных и отечественных ученых, в частности У. Вайнрайха, Э. Хаугена, Д. Гамперца, К. Майерс-Скоттон, Р.Т. Белл, М. Ковач, Р. Грюнталя, В.И. Беликова, Л.П. Крысина, Е.В. Головко, Н.Б. Вахтина, И.С. Галкина, А.А. Саватковой, Г.С. Патрушева, И.Г. Иванова, Л.П. Васиковой, Н.И. Исанбаева, Д.Е. Казанцева, А.Н. Куклина, С.С. Сибатровой, Л.А. Абукаевой и др. Список использованной литературы включает 126 единиц (с. 194–202).

Эмпирический материал в объеме 30 часов получен в ходе полевых исследований, проведенных автором в 2012 году в д. Олоры Параньгинского района Республики Марий Эл. При сборе фактических материалов у 56 жителей вышеназванной деревни с учетом полового, возрастного и образовательного критериев (см. приложение № 2 на с. 207–208) применены *методики* свобод-

ного интервью (речь респондентов записывалась на диктофон с их согласия) и включенного наблюдения в естественных реальных условиях. Автором обработано свыше 5000 карточек с примерами переключения и смешения изучаемых кодов. С целью выявления социальных установок респондентов в отношении переключения и смешения кодов проведено анкетирование 183 человек (они отбирались пропорционально данным переписи 2010 г. методикой квотной выборки). Анкета состоит из 7 вопросов (см. приложение № 3 на с. 209). В исследовании данной проблемы также важны менталингвистические информации, в связи с этим в анкету можно было включить вопрос: «Как (по-марийски или по-русски) думаете при изложении мысли на родном языке / на русском языке?». Анализ эмпирического материала проведён с помощью гипотетико-дедуктивного, дистрибутивного, сопоставительного, контекстологического и лингвостатистического *методов*.

Структура работы продиктована темой, целью и задачами исследования, внутренней логикой рассматриваемого материала. Исследование состоит из предисловия, введения, пяти разделов, заключения, списков использованной литературы и условных сокращений, принятых в работе, трех приложений. *В предисловии* содержится обоснование выбора темы, её актуальности и раскрывается научная новизна (с. 3–4). *Во введении* определяются цель и задачи, объект, материалы и методы исследования; указываются теоретическая основа и значимость работы (с. 5–12). *Первый раздел* посвящен изучению особенностей употребления терминов «кодовое переключение» и «смешение кодов» в лингвистике (с. 13–18). *Во втором разделе* (с. 18–33) на основе исследования межфразового марийско-русского кодового переключения выявлены три структурных типа: 1) попеременное использование простых предложений, 2) поочередное употребление предикативных частей сложного предложения на марийском и русском языках, 3) введение предложений на русском языке в высказывание на марийском языке вводными словами и сочетаниями *манаш* 'сказать', *манме гай, маннет гай* 'как говорится, как говорят' и союзом *маныи* 'что, букв. сказав' (с. 27). Следуя выводам автора, основными факторами попеременного использования марийского и русского языков исследованной речевой общности являются смена адресата и тема разговора (с. 30).

Значительный интерес представляет *третий раздел* «Внутрифразовое марийско-русское кодовое переключение» (с. 33–161). Изучив степень активности каждого представленного кода в смешанной фразе, автор отмечает, что «… оба языка билингва активированы, но в разной степени. Родной язык не подавляется полностью… в исследуемом материале смешанных предложений, в которых матричным являет)ся русский язык, представлено не много» (с. 38). Подробно проанализирована грамматическая структура билингвальных марийско-русских фраз: смешение кодов в пределах грамматической основы предложения, особенности употребления неадаптированных, полуадаптированных и адаптированных подчинительных словосочетаний, также сочинительных словосочетаний, одиночных единиц (неадаптированных вкраплений,

полуадаптированных одиночных включений, окказиональных заимствований) и дублирование единиц обоих языков. Изучение тематических групп вкраплений и пиджинизированных форм помогает выяснить, какие исконные пласты лексики находятся под угрозой вытеснения, какова вероятность перехода иноязычной лексики в собственно заимствования. По результатам исследования, иноязычные *имена существительные*, употребляемые в смешанных фразах, представляют 25 тематических групп: термины родства и свойства, названия абстрактных понятий, организаций, предприятий, учреждений, населенных пунктов, профессий, национальностей и языков, единиц административно-территориального деления, частей света, дней недели, сказочных персонажей, изучаемых предметов в школе, природных явлений, представителей флоры и фауны, внутренних органов человека, хозяйственных построек и их частей, оружия, предметов хозяйственной утвари, драгоценных камней и различных украшений, продуктов питания и блюд, а также слова, называющие социальный статус и смежные понятия, клички, медицинская, спортивная терминология, сельскохозяйственная, религиозная лексика (с. 129–138). Иноязычные *качественные имена прилагательные* составляют 6 тематических групп: названия цветов, свойств и качеств вещей, непосредственно воспринимаемых органами чувств, пространственные и временные качества и отношения, возраст, физические качества и состояния людей и животных, качества характера, интеллекта (с. 138–139). *Относительные имена прилагательные* гостевого языка, используемые в смешанных фразах, указывают на отношение к материалу или веществу, из которого изготовлен предмет, отношение к лицу, месту, времени, отвлеченному понятию, действию, родству, числу (8 тематических групп, см. с. 139–141). Зафиксировано 6 тематических групп *глаголов*: движения, действия, чувства и состояния, восприятия, умственной и речевой деятельности (с. 145–150). Интересно, что глаголы смешанных марийско-русских фраз варьируются в зависимости от значения: для выражения конкретных физических действий используются, в основном, глаголы марийского языка, действия абстрактного характера передаются зачастую включениями (с. 150). Иноязычные *имена числительные* используются для обозначения времени, стоимости и размера заработной платы, веса, даты, адреса, оценок, также в составе сложных наименований (с. 150–151). В изучаемых фразах употребляются включения-*наречия* образа действия со значениями качества или интенсивности признака, вкрапления-наречия *шчего* / *шчё* (для выражения умеренной положительной оценки признака действия), сравнения, места, времени, цели (с. 152–159).

Для доказательства или опровержения рабочих гипотез (см. с. 162) автором проведено лингвостатистическое исследование, полученные результаты которого подтвердили выводы качественного анализа исследуемого материала (с. 163–186). По наблюдениям автора, не все билингвы-мари строят свои высказывания из разносистемных элементов, но таких носителей языков, четко разделяющих единицы двух кодов в неофициальной устной речи, очень мало

(с. 192). Нас беспокоит то, что иноязычные элементы заменяют даже базовые пласты, которые считаются традиционно исконными для языка, молодое поколение положительно и прагматично относится к попеременному использованию языков в речи. Минимальное количество иноязычного материала представлено лишь в речи информантов старше 80 лет. Страшно то, что основная информация (рема) передается не на родном языке. Как пишет автор, «окказиональное заимствование продиктовано не внутренними закономерностями марийского языка, а коммуникативными потребностями говорящего, прагматическим подходом к речи, заключающимся, в основном, в экономии речевых усилий. Активное использование эквивалентной иноязычной лексики не всегда даже оправдано коммуникативно. В большинстве случаев дублетная лексика также не дифференцирована семантически. В результате такого использования иноязычных слов можно говорить о смешанной речи с двойным набором лексики. Чужеродная лексика оказывается функционально сильнее, чем собственная лексика марийского языка» (с. 188). Все эти аргументы свидетельствуют о начале постепенного перехода к осмыслению действительности не на родном языке и к общению на русском языке. В заключении монографии хотелось бы увидеть некоторые пути решения насущной проблемы функционирования марийского языка на современном этапе, однако этот вопрос остается открытым.

Разделы имеют логические связи, заканчиваются выводами. Грамотно отобран и использован терминологический аппарат исследования. Задачи, сформулированные во введении, решены, цель достигнута. Монография В.Г. Гавриловой представляет собой вполне самостоятельное исследование большой теоретической и прикладной значимости. Она является вкладом в марийское, финно-угорское и общее языкознание, социолингвистику и психолингвистику. Книга заставляет читателя задуматься о перспективе функционирования родного языка в условиях марийско-русского билингвизма, о сохранении и развитии прекрасного языка и уникальной культуры народа мари.

Людмила Григорьева
Йошкар-Ола

Рец.: Терминосистема восточных финно-угорских языков: современное состояние, проблемы и перспективы развития: материалы регион. науч.-практич. конф., посвящ. П.С. Шишканову / редкол.: М.В. Мосин (отв. ред.) [и др.]. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2013. – 116 с.

В сборнике рассматриваются материалы региональной научно-практической конференции, посвящённой П.С. Шишканову. Характеризуются основные тенденции и закономерности в развитии номинантов-терминов.

ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева в 2013 году выпустил сборник статей «Терминосистема восточных финно-угорских языков: современное состояние. проблемы и перспективы развития» – материалы региональной научно-практической конференции. посвященной П.С. Шишканову.

Согласно аннотации, сборник содержит материалы вышеуказанной конференции, которая состоялась в Саранске и была организована силами филологического факультета Мордовского госуниверситета им. Н.П. Огарева при содействии Межрегионального научного центра финно-угроведения. Исполкома межрегионального общественного движения мордовского (мокшанского. эрзянского) народа.

Статья О.Е. Полякова **«П.С. Шишканов – учёный, общественный деятель, педагог»** посвящена анализу жизненного пути. научной и общественной деятельности известного мордовского учёного Павла Сергеевича Шишканова. Он в числе первых учёных-лингвистов разрабатывал нормы мокшанского языка. внес большой вклад в развитие образования в Мордовии.

П.С. Шишканов – автор многочисленных букварей. грамматики. учебных пособий. которые сыграли и до сих пор играют большую роль в изучении мокшанского языка, а также мокшанского языка русскими и представителями других национальностей. Под его руководством создано мордовское отделение филологического факультета Мордовского государственного университета.

В статье профессора М.В. Мосина **«Из истории создания терминологии в мордовских языках»** рассматриваются вопросы терминологии современных мордовских языков. Отсутствие достаточного количества терминов. особенно общественно-политических, научно-технических и других. создает серьезные трудности при передаче на мордовских языках политической и научной мысли. Пути выхода из этой ситуации те же. что и у всех народов: в первую очередь необходимо полнее использовать словообразовательные возможности родных языков. а также активизировать устаревшую и диалектную лексику. Автор ана-

лизирует пути развития терминологии мордовских языков с начала 30-х годов прошлого столетия до наших дней.

Заметный интерес к состоянию мордовских языков и их терминосистеме у лингвистов и определенной части общественности возрос в последние 20 лет. Защищены кандидатские диссертации по названиям флоры, фауны, соматической лексике, ткацкой терминологии и т.д.; издан ряд небольших словарей: по флористической терминологии, словарь терминов эрзянского языка, эрзянско-русский словарь терминов по фонетике, музыкальной терминологии, подготовлен словарь ткацкой терминологии. На мокшанском и эрзянском литературном языках созданы терминологические словари для общеобразовательных школ по литературе, языку, истории, обществознанию, математике, химии, физике, биологии, информатике и географии.

Статья профессора Д.В. Цыганкина **«Номинативные производные в отраслевых терминосистемах в мордовских языках»** посвящена характеристике номинантов, имеющих статус терминов, им дана характеристика со стороны семантических связей между компонентами номинантов и их словообразовательной структуры. По видам семантической связи между компонентами выделено более 10 семантических видов связи, а также впервые выявлены принципы номинации, а именно: принцип актуальности, принцип аналогичности и др. Автор делает вывод о том, что термины-словосочетания (номинанты) являются одним из значительных пластов терминологической лексики мордовских языков. В качестве термина они обеспечивают необходимую однозначность и системность терминологических рядов. Между компонентами номинантов могут быть разные виды семантических связей, зависящих от характера значения как первого, так и второго компонента-номинанта.

В разделе **«Современное состояние мордовской терминологии. Терминосистема в вузовских и школьных учебниках»** опубликованы статьи ученых МГУ им. Н.П. Огарева, НИИГН при Правительстве РМ, МГПИ им. М.Е. Евсевьева.

Пути развития лингвистической терминологии эрзянского языка рассматриваются в работе Н.А. Агафоновой «Эрзянь кельсэ лингвистической терминологиянть касома-кепетема китне-янтнэ»; В.П. Гришунина в статье «Термины «приобретенного» и «прерванного» родства в мордовских (мокшанском и эрзянском) языках» выделяет небольшую группу так называемых терминов родства, которые возникают вследствие смерти родственника или развода супругов. Эту же группу пополняют названия, возникающие в результате обряда крещения. По мнению автора доклада, группа терминов «прерванного» и «приобретенного» родства в составе терминов кровного родства и свойства в количественном отношении немногочисленна, насчитывает чуть более одного десятка, многие из них образуют синонимические ряды и, как правило, представляют собой сложные или составные названия, за счет которых список терминов родства и свойства в мордовских языках возрастает до нескольких сотен единиц.

Этические термины и их отражение в мокшанском и эрзянском языках нашли характеристику в работе Н.А. Кулаковой. Автор делает сравнительный и семантический анализ нравственным терминам в мордовских языках. Материалы эрзянско-русского, мокшанско-русского словарей позволили автору сделать вывод о том, что в эрзянском языке больше собственных этических терминов, а в мокшанском языке они в большом количестве заимствованы.

В статье В.П. Цыпкайкиной «Вид» ды «тевтеемань ки-ян» терминтнэнь вельде невтезь чарькодематне» рассматриваются вопросы, связанные с терминами «вид» и «способы действия» и выраженные ими понятия. Автор обращает внимание на историю изучения вопроса о видах в мордовских языках, о дискуссионности этого вопроса, приходит к выводу о том, что целесообразно говорить не о видах, а о способах действия в мордовских языках.

Без внимания не остались вопросы использования внутренних ресурсов языка при составлении учебников для вузов в статье Л.А. Гурьяновой: о соотношении терминов «присоединение» и «парцелляция» в лингвистике и школьной практике говорится в статье Л.Г. Горбуновой; о мокшанской лингвистической терминологии в учебной литературе – в статье М.З. Левиной; фразеосемантическая организация синонимической парадигмы со значением «понимать» в русском и мокшанском языках рассматривается в работе Е.Н. Морозовой. С.В. Богдашкиной: формирование лингвистической терминосистемы при изучении родного языка в педагогическом вузе – в статье Е.П. Прокаевой: функционирование лингвистической терминологии в школе – в работе П.Е. Седовой: о специальных терминах в журналистике – в статье Е.М. Пыреськиной.

Т.И. Янгайкина в работе «Гипонимы в лексико-системном аспекте мокшанского языка» сделала попытку показать гипонимы на основе произведений, опубликованных главным образом во второй половине XX века. В качестве метода анализа автор избрал сравнительно-сопоставительный метод, позволяющий показать жизнь языка в намеченном ракурсе взаимодействий.

Тематика раздела **«Терминообразование в восточных финно-угорских языках»** объединила работы лингвистов из Республики Мордовия, Марий Эл, Венгрии, внимание которых привлекают вопросы терминообразования.

Статьи посвящены истории формирования терминологической лексики, анализируется опыт создания терминологических словарей для общеобразовательных школ. Особый интерес вызывают работы: «Из опыта создания физических терминов на марийском языке» (В.Г. Гаврилова, г. Йошкар-Ола); «Сравнительный анализ географической терминологии в мокшанском языке» (Л.И. Макушкина, М.С. Сураева, г. Саранск); «Взаимообмен лексемами в различных терминологических системах мордовских языков» (Г.В. Рябова, г. Саранск); «Мокшень кяльса биологиянь термитнень тиевомасна» (В.Ф. Рогожина, г. Саранск).

Авторы статей рассматривают особенности образования терминов в фин-

но-угорских языках. Наиболее характерными являются морфологический, синтаксический, заимствование, а также образование существительных посредством суффиксов с эмоциональной окраской значения.

В статье Н.С. Алямкина (г. Саранск) «Мокшень ды эрзянь кяльхнень эса общественно-политическяй терминтнень тиевомасна» (Способы образования общественно-политической терминологии мордовских языков) автором выделяются наиболее продуктивные способы образования общественно-политической терминологии: морфологический, аналитический (словосложение), лексико-семантический и калькирование.

В ряде статей рассматриваются вопросы становления духовной терминологии, проблемы перевода духовной литературы. Внимание привлекают такие, как «Калькирование как продуктивный способ терминообразования в эрзянских письменных источниках XVIII в.». (О.Г. Борисова, г. Саранск). Автор отмечает, что одной из характерных особенностей языка эрзянских письменных источников XVIII в. является активное словообразование, в том числе и терминологическое. Калькирование в этот период выступает как основной и самый продуктивный способ терминообразования. С помощью структурного и семантического калькирования с русского и через русский язык в эрзянских письменных памятниках появилась терминология, широко отражающая социальную, духовно-нравственную, образовательную и другие сферы общества.

Н.В. Казаева, С.Г. Моторкина, Ш. Матичак (г. Саранск, Венгрия) в своей работе «*Лув* лексемань путовксозо пазнэнь кемема терминологиянть теевемасо» («Роль элемента *лув* в образовании духовной терминологии») рассматривают роль элемента *лув* в образовании религиозной терминологии и его грамматикализация на материале религиозных текстов переводной Библии. Представлены все значения данной лексемы, ее происхождение, а также основные критерии перехода самостоятельного слова в аффиксоид. Авторы пришли к выводу, что лексема *лув* шире представлена в составе религиозной терминологии в современных переводах Библейских текстов: можно сказать, что она находится на пути грамматикализации.

А.Н. Келина (г. Саранск, НИИГН при Правительстве РМ) – член переводческой группы финно-угорского отделения института Библии, рассматривает пути создания сакральной терминологии на мокшанском языке. Анализируя тексты перевода, исследователь приходит к выводу, что начиная с 1879 года с перевода А.И. Тюменева «Евангелие от Матфея» и заканчивая современным (последним) переводом «Евангелие от Матфея», сакральная терминология намного обогатилась и обновилась. Приведено множество примеров сакральной терминологии современного мокша-мордовского языка. Очевидно, по мнению автора статьи, перевод Библии вносит большой вклад в развитие и обогащение культуры и языка.

Многие вопросы терминосистемы восточных финно-угорских языков

остаются дискуссионными, по многим проблемам до сих пор нет однозначного мнения. До настоящего времени трудным вопросом остается составление терминологических словарей, отсутствие достаточной учебной и учебно-методической литературы.

Выявление основных тенденций и закономерностей в развитии номинантов-терминов, а также других терминологических образований. выявление их в разных художественных и специальных текстах. тщательное описание современной терминологии в имеющихся исследованиях и словарях, а затем – выяснение путей источников и конкретных ресурсов упорядочения и унификации, создание нормальных словарей и справочников – таковы основные задачи работы в области мокшанской и эрзянской терминологии.

Анастасия Харитонова
Саранск

ХРОНИКА

10-ЛЕТИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО МАРИЙСКОГО ЦЕНТРА В ПЕРМСКОМ КРАЕ И МЕРОПРИЯТИЯ, СВЯЗАННЫЕ С ЮБИЛЕЙНОЙ ДАТОЙ

В День национального героя, 26 апреля, в г.Перми Общественный марийский центр города отпраздновал 10-летие со дня своей официальной регистрации. Этой дате была приурочена презентация значимой книги не только для Пермского края, но и в целом для всего народа мари.

Работа над книгой «Марийцы Пермского края» началась три года назад, чему послужила история с Васькинской марийской школой – из-за ветхого состояния она была на грани закрытия. Такая новость вызвала большой резонанс в обществе. Так, благодаря поддержке местной власти учёными началось более подробное исследование районов края, где компактно проживает народ мари (по переписи 2010 г. – 4,1 тыс. человек).

Сначала появилась небольшая книга о марийцах Пермского края. Но материала было собрано столько, да и культурное наследие народа оказалось таким богатым, что пришлось переиздать книгу в более 500 страниц в альбомном формате, с красочными иллюстрациями, фотографиями.

Над созданием книги работали квалифицированные учёные, дружная команда из профессионалов, представителей общественных организаций и простых жителей края. Со многими из них посчастливилось познакомиться на праздничном мероприятии Общественного марийского центра Перми, где собралось более 250 представителей народа мари из разных уголков Пермского края и других регионов страны. Присутствовали и руководители общественных объединений разных народов, проживающих на территории края, учёные, представители власти. Так, марийских активистов и команду создателей новой книги поздравили начальник отдела национальных отношений Департамента Внутренней политики администрации губернатора Пермского края **Анастасия Субботина** и заместитель начальника отдела внутренней политики и общественных отношений аппарата Пермской Городской Думы **Марина Соловарова**. Они вручили им благодарственные письма Департамента и Думы.

А председателя Общественного марийского центра города, члена Всемарийского Совета **Раисию Попову** отметили Благодарственным письмом главы Перми. Начальник управления печати и массовых коммуникаций Министерства

культуры, печати и по делам национальностей Республики Марий Эл **Владимир Маркин** вручил ей Почётную грамоту Министерства культуры Марий Эл за вклад в укрепление межнационального согласия, развитие и сохранение марийской национальной культуры. В.Маркин поздравил собравшихся со знаменательными событиями и вручил благодарственные письма Министерства культуры Марий Эл активистам Марийского центра г. Перми и авторам книги «Марийцы Пермского края» – **Александру Черных** (доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела истории, археологии и этнографии Пермского научного центра УрО РАН, профессор Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета), **Татьяне Голевой** (кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории, археологии и этнографии Пермского научного центра УрО РАН, ведущий научный сотрудник Института развития образования Пермского края) и **Раисе Щукиной** (кандидат философских наук, доцент Западно-Уральского института экономики и права).

Авторы книги поделились историей её создания. Надо отметить, авторами «Марийцев Пермского края» являются люди разных национальностей. Коми-пермячка **Татьяна Голева** подчеркнула, что самое сложное при работе лично для неё было не знание марийского языка. Но в этом им помогли учёные из Марий Эл. Научным редактором марийского языка выступил **Олег Сергеев**, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, заведующий отделом языка Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. В.М. Васильева. Один из рецензентов – **Тамара Молотова**, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела этнологии этого же Марийского научно-исследовательского института. Она на презентации книги отметила, её в первую очередь поразил объём издания. «Пусть группа марийцев, относящаяся к уральским марийцам, не такая большая, но она очень самобытная, уникальная. И эта книга на века сохранит фольклор, семейные, бытовые обряды, демографические данные… Использован огромный круг источников. Издание украшают много фотографий, и все они помогают раскрыть внутренний мир народа. Огромный труд проделан в налаживании контакта с людьми, таким образом, собран достоверный материал. Да, проект удался. Книга продумана до мелочей, авторы постарались обратить внимание на все моменты жизни народа. При этом история перекликается с настоящим. Это огромный вклад в целом в этнографическую науку мира», – подчеркнула Молотова.

Александр Черных рассказал о путешествиях в марийские населённые пункты Пермского края, где команда создателей книги изучала быт и нравы народа. Это были на самом деле путешествия: пришлось пройти много испытаний, в том числе преодолеть и бездорожье, быть терпимым и немножко упрямым в достижении своих поставленных целей. Безусловно, огромную поддержку оказали гостеприимные местные жители марийских деревень и сёл. Им огромная признательность и огромная благодарность от всего народа.

«С 1994 года мы объехали все марийские деревни Пермского края. Их не так уж много: три деревни в Октябрьском районе, шесть в Суксунском, одна в Кишертском, одна в Чернушинском. Но они есть, и здесь живут особенные люди», – признался Черных.

На праздник были приглашены представители органов муниципальных образований, где компактно проживает народ мари. Так, и.о. главы Суксунского муниципального района Пермского края **Игорь Пучкин** порадовал ещё одной долгожданной новостью – с сентября 2014г. ученики Васькинской марийской школы будут учиться в новом здании.

С праздниками народ мари поздравили руководители национально-культурных объединений Пермского края: **Анатолий Жохов** – заместитель председателя Русского национально-культурного общества, **Нино Кураспедиани** – председатель Общества грузин, **Чингиз Исаев** – председатель Пермского регионального отделения общественной организации «Всероссийский азербайджанский конгресс», **Фатхутдин Хамидов** – председатель Общественного центра узбеков г.Перми, **Валентина Бойко** – председатель Общественного коми-пермяцкого национально-культурного центра края, **Надежда Спиридонова** – председатель марийского центра д.Сызганка Суксунского района Пермского края, **Мариам Маргарян** – заместитель председателя региональной общественной организации «Центр Армянской культуры Пермского края», **Дмитрий Горобец** – представитель Украинского Землячества Прикамья, **Сергей Дюкин** – руководитель венгерского общества и **Дмитрий Вайман** – член правления Пермской региональной общественной организации «Общество российских немцев «Видергебурдт» («Возрождение»).

В мероприятии приняли участие гости из Мишкинского района Республики Башкортостан – замглавы района **Сергей Александров**, представитель женской общественной организации **Маргарита Ялаева**, корреспондент районной газеты «Дружба» **Анатолий Камеланов**. Из г.Тюмени приехала **Маргарита Меньших**, представитель Тюменской общественной организации центра культуры и творчества финно-угорских народов.

От имени Центра марийской культуры Республики Марий Эл поздравила **Эльвира Куклина**, заведующая отделом Центра, руководитель исполкома Марийского национального конгресса, член Союза женщин «Саскавий», член исполкома президиума Всемарийского Совета, член Ассоциации Финно-угорских народов РФ. Она подчеркнула значимость мероприятия: «В 2014 году исполняется 15 лет Центру марийской культуры Республики Марий Эл. В этот же год Марийский центр г.Перми отмечает своё 10-летие. Все эти даты говорят о многом, в первую очередь, если есть такие центры, а вокруг собраны активные, неравнодушные люди, то народ будет развиваться, и мы должны передавать своё богатство из поколения в поколение. А книга вечна! Пусть и народ мари будет жить вечно!»

Праздник украсили марийские ансамбли «Памаш» («Родник») г.Перми, «Эр

ӱжара» («Заря») д.Сызганка Суксунского района, «Шонанпыл» («Радуга») из Суксунского района. Всех порадовал своим выступлением шестиклассник из Васькинской школы **Александр Прокопьев**. С марийскими танцами выступили детский хореографический ансамбль «Мозаика», ансамбль уральского танца «Кумушка».

Праздник завершился массовыми танцами «Ший кандыра» («Серебряная верёвочка»). Да, получился настоящий «день марийского народа». А этот праздник «днём марийского народа» обозвали студенты Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета – о чём поведал проректор по научной работе и внешним связям, доктор исторических наук, проректор университета **Александр Белавин**, поздравляя также всех с праздниками.

Для четырех тысяч марийцев Пермского края одна тысяча экземпляров книги – большой подарок. По словам создателей книги, она расходится очень быстро. Но самое главное, книга передаётся в библиотеки не только России, но и всего финно-угорского мира.

Эльвира Куклина
Йошкар-Ола

ХРОНИКА НАУЧНОЙ И КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ ФИННО-УГОРСКИХ НАРОДОВ ЗА 2012–2013 ГОДЫ

8–11 января Сыктывкар	I Межрегиональный финно-угорский юношеский конкурс форте пианных дуэтов «Чоя – вока» («Сестра с братом»). В конкурсе приняли участие детские школы искусств Вологды, республик Коми и Удмуртии. В рамках конкурса состоялась педагогическая конференция «Ансамблевое исполнительство – действенная форма музыкального воспитания». Организаторами конкурса выступили Министерство образования, Министерство культуры и Министерство национальной политики Республики Коми, филиал ГРДНТ «Финно-угорский культурный центр Российской Федерации», Союз композиторов и Гимназия искусств при Главе Республики Коми.
12 января Саранск	Общее собрание учредителей некоммерческой общественной организации «Поволжский центр культур финно-угорских народов», на котором были подведены итоги работы за 5 лет. Директором Поволжского центра вновь избран Юрий Мишанин.
25 января Саранск	Заседание членов Ассоциации финно-угорских научных учреждений из Мордовии, Марий Эл, Коми и Удмуртии. Подписали соглашение о сотрудничестве и обсудили устав объединения. Тема первого совместного проекта – «Исследование семьи финно-угорских народов как основного структурного элемента социума».
26 января Сыктывкар	Открытие VII Международной выставки-конкурса детского художественного творчества по мотивам легенд, преданий, сказок финно-угорских народов «Завещание предков». Экспозиция открыта в Этнографическом отделе Национального музея Республики Коми. На выставке представлено более трёхсот работ, различных по жанру и технике исполнения: живопись, графика, батик, скульптура, предметы декоративно-прикладного творчества, финно-угорская игрушка, национальный костюм, видеофильмы и мультфильмы. Все они посвящены легендам, сказкам, преданиям, обрядам, праздникам финно-угорских и самодийских народов. Авторами произведений стали дети и молодежь в возрасте от 6 до 20 лет. На открытие выставки-конкурса приехали победители из Марий Эл, Коми, Мордовии, Удмуртии, Коми-Пермяц-

кого округа Пермского края, Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. Организаторы выставки: Государственный Российский Дом народного творчества, филиал ГРДНТ «Финно-угорский культурный центр Российской Федерации». Ассоциация финно-угорских народов Российской Федерации. Консультативный комитет финно-угорских народов. Министерство национальной политики и Министерство культуры Республики Коми, Национальный музей Республики Коми.

Международная выставка детского художественного творчества проводилась один раз в три года под разными названиями: «Легенды финно-угорских народов» (1995), «Сказки финно-угорских народов» (1997), «Эпос финно-угорских народов» (1999), «Песни финно-угорских народов» (2002), «Маръямоль» (2005), «Завещание предков» (2008).

31 января – 2 февраля Ханты-Мансийск

Форум Молодежной ассоциации финно-угорских народов (МАФУН). В рамках Форума состоялись заседание правления МАФУН и круглый стол на тему: «Молодёжный потенциал финно-угорских народов: опыт, взаимодействие и перспективы развития». В работе Форума участвовали представители Финляндии, Эстонии, республик Мордовия, Удмуртия, Башкортостан, Марий Эл, Ямало-Ненецкого автономного округа, Пермского края и других регионов России.

Форум организован Молодежной организацией обско-угорских народов (создана в 1995 году) при поддержке правительства Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, Общественной организации «Спасение Югры».

1 февраля Йошкар-Ола

Международная научно-практическая конференция «Музей и культурное наследие в социокультурном пространстве регионов России и финно-угорского мира». Организаторы – Национальный музей Финляндии и Национальный музей им. Т.Евсеева, Министерство культуры, печати и по делам национальностей РМЭ. В программе двухдневного форума – пленарное заседание, работа 5 секций, круглый стол.

2–6 февраля Сыктывкар

Заключительный семинар Финляндско-Российского проекта по обучению представителей финно-угорских организаций (2009–2011 гг.). Были проведены два круглых стола «Гражданское общество: опыт Финляндии и России. Национальные движения как элемент гражданского общества» и «Национальные языки и финно-угорские народы». Организаторы семинара – Фонд культуры Финляндии, общество «Финляндия-Россия», Международный консультативный комитет финно-угорских народов, МОД «Коми войтыр», МОД «Удмурт кенеш» и МАФУН.

3–5 февраля Сыктывкар	Заседание Молодёжной ассоциации финно-угорских народов с участием 10 членов Правления из Финляндии, Мордовии, Карелии, Коми, Коми-Пермяцкого округа Пермского края, Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов, Башкортостана, Санкт-Петербурга, Тверской области. Члены правления обсудили проект «Культурная столица финно-угорского мира», вопрос перевода Декларации ООН о правах коренных народов на финно-угорские языки. Члены правления утвердили план работы Ассоциации на 2012 год, заслушали отчеты координаторов о выполненной работе организаций-членов МАФУН в своих регионах с октября по декабрь 2011 года.
5–10 февраля Рузаевский район Мордовия	Лагерь финно-угорской молодежи «Созидание-2012». Лагерь собрал более 90 участников, представителей Эстонии, Венгрии, Финляндии, Коми, Марий Эл, Санкт-Петербурга и Пермского края, студентов, занимающихся волонтерской работой в вузах Мордовии. Организаторы лагеря: Министерство по национальной политике и Государственный комитет по делам молодежи Республики Мордовия, Общероссийская Общественная Организация «Российский Союз Молодежи».
1 марта Йошкар-Ола	I международный конкурс «Мисс студентка Финно-Угрии-2012». Приняли участие студентки высших учебных заведений, входящих в состав членов Международной ассоциации финно-угорских университетов из Удмуртии, Марий Эл, Карелии, Мордовии, Коми, ХМАО – Югры. Конкурсная программа включала в себя пять этапов, в ходе которых девушки представляли свой регион, продемонстрировали свои способности в разных жанрах, а также показали умение импровизировать на сцене и работать в команде. «Мисс студентка Финно-Угрии-2012» стала Татьяна Дудникова из Мордовии.
12–15 марта Сыктывкар	I Межрегиональный семинар для авторов учебников «Современный учебник родного языка и литературы». Участники семинара из Коми, Карелии, Коми-Пермяцкого округа, Мордовии, Марий Эл, Удмуртии обсудили темы: теорию современного учебника, особенности подбора учебных средств в билингвальной аудитории, дидактические и методические требования к отбору материала для обучения детей-билингвов, проблему подготовки специализированного учебного материала для детей-билингвов. Организаторы: Коми республиканский институт развития образования, Финно-угорская ассоциация авторов учебной книги по родному языку.
18–20 апреля Петрозаводск	Заседание правления Молодежной Ассоциации финно-угорских народов, на котором рассмотрены вопросы подготовки к VI Все-

	мирному Конгрессу финно-угорских народов в Венгрии, презентации мероприятия «Финно-угорские народы Евразии: вместе спустя тысячи лет», которая состоялась в Нью-Йорке в рамках сессии Постоянного форума ООН по вопросам коренных народов.
23 апреля Сыктывкар-пос. Медведево Марий Эл	Состоялась интернет-встреча «Сыктывкар – Йошкар-Ола». Это была первая акция в рамках проекта «FUёрт». Видеомост соединил школьников из сыктывкарской школы №12 и старшеклассников из села Медведево Республики Марий Эл. Ребята рассказали друг другу о достопримечательностях своих регионов, прочитали стихи известных поэтов на родных языках.
8–11 мая Тарту Эстония	28-я Международная студенческая конференция финно-угроведов IFUSCO в Тартуском университете. В работе конференции приняли участие студенты, магистранты, аспиранты, докторанты из 34 университетов из различных стран. Заслушано 126 докладов на русском, финском, английском, марийском, эстонском, удмуртском, коми, венгерском, эрзянском, мокшанском языках, работали 5 секций. На конференции были представлены практически все финно-угорские народы.
9 мая Нью-Йорк	Молодежная ассоциация финно-угорских народов (МАФУН) впервые провела в штаб-квартире ООН презентацию, познакомившую с финно-угорскими народами и финно-угорским движением. Специальное мероприятие «Финно-угорские народы Евразии – вместе спустя тысячи лет» было приурочено к работе XI сессии Постоянного форума ООН по вопросам коренных народов. Были представлены история финно-угорского движения, образцы современной культуры коренных финно-угорских народов, отрывок из фильма Л.Мери «Народ водоплавающей птицы», выступление участников популярного конкурса Евровидение 2012 – удмуртской группы «Бурановские бабушки». Звучала песня на эрзянском языке мордовской группы «Торама» и неформальный молодежный гимн «Revontulet» («Северное сияние») на саамском, мансийском, удмуртском, ижорском и эстонском языках, рэп-музыка на карельском языке; показан эпос «Калевала» в исполнении карельского кукольного театра «Ciciliusku»; представлено эстонское изобретение Skype как современное средство коммуникации.
12–13 мая Воркута	Международный финно-угорский турнир по греко-римской борьбе среди юношей.
17 мая Эстония	Совет Программы родственных народов присудил премию «Древо мира» 2012 года преподавателю географии в школе села Чеканы (Удмуртия) Ольге Верняевой, инициатору проектов по

защите окружающей среды за проведение работ по благоустройству в рамках программ для участия молодёжи в трудовой деятельности. Премия «Древо мира» вручается в третий раз.

18 мая
Сыктывкар

Заседание Президиума Ассоциации финно-угорских народов Российской Федерации. Обсуждался вопрос о деятельности финно-угорских научно-исследовательских центров России.

19–20 мая
Ижевск

Второй фестиваль финно-угорских народов Удмуртии «Финмуртия». В программе фестиваля были состязания команд республиканских национально-культурных объединений удмуртов, мордвы, мари, бесермян; концерт с участием творческих коллективов из Удмуртии, Мордовии и Татарстана; дегустация блюд финно-угорской кухни. Организаторы мероприятия Дом Дружбы народов Ижевска, Общество мордовского народа Удмуртской Республики «Умарина», Союз марийской молодежи «Ӱжара» («Заря»).

18–19 мая
Кудымкар

XIV Международный симпозиум «Диалектика и история языков во взаимодействии с другими языками» (Пермистика-XIV). Научный форум финно-угорских лингвистов был посвящен 80-летию Раисы Баталовой, доктора филологических наук, ведущего исследователя коми-пермяцкого языка и его диалектов, автора коми-пермяцкого орфографического и коми-пермяцко-русского словарей. Участвовали ученые из Пермского края, Москвы, Санкт-Петербурга, Коми, Удмуртии и Мордовии. Финно-угорские страны были представлены исследователями из Венгрии, стендовые доклады также поступили из Эстонии. Организаторами симпозиума выступили филиал Удмуртского государственного университета в г. Кудымкаре, сектор истории и культуры коми-пермяцкого народа Пермского научного центра УрО РАН, Министерство по делам Коми-Пермяцкого округа.

26 мая
Баку
Азербайджан

Удмуртская фольклорная группа «Бурановские бабушки» заняли второе место на международном конкурсе «Евровидение-2012».

5 июня
Сыктывкар

V межрегиональная конференция «Государственные языки финно-угорских регионов: реалии современности». Конференция собрала гостей из Марий Эл, Мордовии, Удмуртии, Коми-Пермяцкого округа Пермского края, Ямало-Ненецкого и Ненецкого автономных округов, а также районов Республики Коми. В ходе конференции обсуждались вопросы использования финно-угорских языков в сфере государственного управления, законодательства регионов в сфере языковой политики, проблемы цифрового обеспечения финно-угорских языков, инновации в

	сфере сохранения и развития финно-угорских языков, развитие внутренней структуры государственных языков. Организатором конференции выступили Министерство национальной политики Республики Коми совместно с филиалом ГРДНТ «Финно-угорский культурный центр Российской Федерации». АОУ ВПО «Коми республиканская академия государственной службы и управления» и Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН.
10 июня Омск	Гала-концерт III Омского областного фестиваля культур финно-угорских народов «Финноугория Сибирская 2012. Мосты дружбы». Участники представили концертные номера из музыкального творчества карел, удмуртов, манси, финнов, венгров и других финно-угорских народов. В рамках фестиваля состоялись: круглый стол и творческая мастерская для участников фестиваля, работала выставка национального декоративно-прикладного и художественного творчества. Фестиваль является самым восточным фестивалем народов финно-угорского мира в России.
13–14 июня Хельсинки	Заседание руководящей группы Финляндско-Российского Проекта по обучению представителей финно-угорских организаций. Участники заседания обсудили итоги Финляндско-Российского проекта за 2008–2011 годы. Новый проект «Развитие деятельности и углубление сотрудничества общественных организаций финно-угорских народов» продлится до 2016 года. Участники Проекта – члены общественных организаций и представители этнокультурных учреждений финно-угорских регионов России. Организатором Проекта является Общество «Финляндия – Россия». Генеральными партнёрами в реализации выступили филиал ГРДНТ «Финно-угорский культурный центр Российской Федерации», Поволжский центр культур финно-угорских народов, Ассоциация финно-угорских народов Российской Федерации, Общественная палата России, межрегиональное общественное движение «Коми войтыр» и межрегиональная общественная организация «Удмурт кенеш».
20–22 июня Петрозаводск	Очередное заседание Ассоциации финно-угорских университетов с участием представителей Марийского, Удмуртского, Сыктывкарского университетов и в режиме он-лайн представителя Мордовского университета. Был рассмотрен вопрос о внедрении в 2013 году совместной магистерской программы по филологии.
23 июня с.Алексеевка Любинского района Омская область	«Финно-угорская ярмарка. Любино-2012», посвященная 100-летию со дня образования села. Организатором мероприятия была региональная общественная организация «Омский областной финно-угорский культурный центр» при поддержке Правительства Омской области.

23–24 июня Село Ыб Коми	Мультифестиваль «Ыбица» собрал представителей государственных учреждений, общественности, СМИ, этнокультурных учреждений, мастеров и музыкантов. Открылся мультифестиваль церемонией коми свадьбы. Первый день мультифестиваля организаторы посвятили финно-угорской тематике, второй день – Дню молодёжи. Участвовали коллективы «Инвожо» и «Garuda» из Удмуртии, «Шанавыл» из Марий Эл, «Илебц» и «Печорянка» из Ненецкого автономного округа, «Ойме» из Мордовии, «H-Ural» из Екатеринбурга, «TeeSuu» из Санкт-Петербурга, Аапо Ильвес из Эстонии, Даниел Ласло Боя и Адам Фаи из Венгрии, Арто Ринне из Финляндии и музыканты из Коми.
29 июня– 1 июля д. Старая Салья-удмуртская Киясовского района Удмуртии	V Межрегиональный фестиваль финно-угорских народов «Воршуд». Выступали фольклорные коллективы «Лейне» (Оренбургская область), коми-пермяцкий фольклорный ансамбль «Бичир» (Пермский край), семейный ансамбль «Петрянка» (Республика Марий Эл), коллективы из Кировской области, республик Татарстан, Башкортостан, Коми. Был организован мастер-класс по удмуртским традиционным танцам и традиционному костюму. Учредители фестиваля – Министерство культуры Российской Федерации, Министерство культуры, печати и информации Удмуртской Республики, организаторы Государственный Российский Дом народного творчества, Республиканский дом народного творчества – Дом молодежи Удмуртии.
2–17 июля Йошкар-Ола	Курсы финского языка и культуры для студентов Мордовского, Удмуртского, Сыктывкарского и Марийского университетов. Курсы были организованы Институтом финно-угроведения МарГУ и Центром академической мобильности Хельсинки.
8–11 июня Йошкар-Ола	VI Всероссийский фестиваль финно-угорской прессы. В работе Фестиваля приняли участие представители более 60 средств массовой информации и журналистских организаций Приволжского, Северо-Западного, Уральского федерального округов, Москвы и зарубежья. Состоялся круглый стол «Финно-угорские СМИ Российской Федерации в условиях развития новых информационных технологий. Опыт, проблемы, решения».
8 августа– 23 августа Сыктывкар	VI международный скульптурный симпозиум «Финно-угорский мир. Древо». Участвовали 10 мастеров из Сыктывкара, Москвы, Перми, Казани, Йошкар-Олы. В рамках Года Германии в России в скульптурном симпозиуме впервые участвовал и немецкий скульптор Михаэль Рофка. Скульпторами удалось создать оригинальные работы, выполненные из гранита, доломита и кварцитопесчаника. Организаторы Симпозиума – Министерство культуры Российской Федерации, Министерство культуры,

Министерство национальной политики и Национальная галерея Республики Коми, филиал ГРДНТ «Финно-угорский культурный центр Российской Федерации».

17–20 августа
Ленинградская область – Санкт-Петербург

II Всероссийский фестиваль художественного творчества малочисленных финно-угорских и самодийских народов. Главной задачей фестиваля было привлечение внимания органов государственной власти и широкой общественности к проблемам сохранения национальных языков и культур малочисленных народов. Музыкальный праздник собрал творческие коллективы, представляющие культуры 11 народов России и Эстонии.
Учредители и организаторы Фестиваля: Министерство культуры Российской Федерации, Государственный Российский Дом народного творчества, филиал ГРДНТ «Финно-угорский культурный центр Российской Федерации». Комитет по культуре Ленинградской области, Ленинградское областное ГУК «Учебно-методический центр культуры и искусства».
I Всероссийский фестиваль художественного творчества малочисленных финно-угорских и самодийских народов был проведен в Ленинградской области 23–26 сентября 2010 года.

25–26 августа
Псков - Печоры

Фестиваль финно-угорских народов России. Участниками фестиваля были фольклорный коллектив «Азвесь гырлы» (Удмуртская Республика), детский фольклорный ансамбль «Kastkuine» (Вологодская область), ансамбль финской песни «Туоми» (Республика Карелия), Народный фольклорный ансамбль «Сиперптас» (Республика Коми), ансамбль гусляров «Важ йал» (Республика Марий Эл), а также фольклорный ансамбль сето деревни Кошельки Печорского района Псковской области. Организатор фестиваля – ГБУК «Псковский областной центр народного творчества» при поддержке Министерства культуры Российской Федерации и филиала ГРДНТ «Финно-угорский культурный центр Российской Федерации».

5–7 сентября
Шиофок
Венгрия

VI Всемирный конгресс финно-угорских народов собрал представителей 23 народов уральской языковой семьи. На пленарном заседании участников приветствовали президенты Венгрии, Финляндии и Эстонии. В своём выступлении Президент Венгрии Янош Адер отметил высокую роль учёных, исследующих лингвистические и этнокультурные связи финно-угорских народов. Президент Эстонии Тоомас Хендрик Ильвес обратил внимание на последствия экономического кризиса, пагубно отразившиеся на развитии культуры. Так, из-за финансовой ситуации в стране не удалось создать музей эстонского народа. Президент Финляндии Саули Нийнистё подчеркнул важность темы форума –

«Язык и народ». Он заметил, что именно с помощью языка народы определяют своё родство.
От Российской Федерации выступил министр культуры Александр Мединский. «В России проживают 193 народа, которые говорят на 273 языках и диалектах. Мы рассматриваем каждый народ как коренной», – отметил он. Председатель Международного консультативного комитета финно-угорских народов Валерий Марков представил отчёт Комитета за 4 года. В основе деятельности Комитета лежат два принципа: равноправие народов и консенсус в принятии решений. За последние годы возросло внимание к проблемам ратификации «Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств». В сфере этнополитики активизировалась работа по защите прав коренных народов. В области культуры развивается переводческая и издательская деятельность, укрепляются межкультурные связи, происходит развитие профессиональных форм культуры на этнической основе. В современных информационных технологиях всё больше функционируют родные языки, повышается роль общественных организаций в борьбе за здоровый образ жизни и экологию. Прозвучали выступления делегатов на родных языках не только о достижениях в области этнокультурного развития, но и об актуальных проблемах своих народов. Впервые за все годы проведения Конгресса участники услышали выступления на 23 финно-угорских и самодийских языках. Второй день Конгресса был посвящён работе 5 секций («Этнополитика и право», «Язык и образование», «Культура», «Информационные технологии и СМИ», «Здоровье, демография и экология») и круглого стола по вопросам молодёжи. По итогам заседаний приняли проект Резолюции.
Председателем вновь избран Валерий Марков. Местом проведения VII-го Всемирного конгресса в 2016 году объявлен финский город Лахти (Финляндия).
В рамках культурной программы гости прослушали концерт венгерской музыки, посетили культурный центр имени Имре Кальмана, побывали на открытии памятника «Доброго ангела мира».

22–24 сентября
Сыктывкар

Семинар финно-угорских драматургов и конкурс «Этноинициатива». Всего было рассмотрено и выдвинуто на конкурс 20 пьес. Свои работы прислали авторы из Коми, Удмуртии, Марий Эл, Тюмени, Коми-Пермяцкого округа, Карелии. Организаторы семинара: Министерство национальной политики и Национальный музыкально-драматический театр Республики Коми, Финно-угорский центр Российской Федерации.

4–6 октября

III Фестиваль авторской (бардовской) песни финно-угорских на-

Йошкар-Ола	родов «JulaBий». В рамках фестиваля проводился конкурс по номинациям «авторы-исполнители» и «исполнители», состоялись мастер-классы. Организаторы: региональная общественная организация самодеятельных авторов и исполнителей Республики Марий Эл «Югорно» («Священная дорога»). Министерство культуры, печати и по делам национальностей Республики Марий Эл, Отдел молодежной политики Управления образования г.Йошкар-Олы, Молодежная ассоциация финно-угорских народов. Дворец молодежи.
18 октября Москва	IV Межрегиональный творческий фестиваль финно-угорской молодёжи «Нас подружила Москва!»
21–26 октября Сыктывкар	Международный обучающий семинар «Современные подходы к организации двуязычного образования в дошкольном возрасте». Участники семинара – воспитатели, методисты, специалисты, отвечающие за содержание работы в дошкольных образовательных учреждениях из Карелии, Мари Эл, Удмуртии, Мордовии, Ханты-Мансийского автономного округа, Ненецкого автономного округа, Коми, Таймыра. Участники семинара рассмотрели вопросы: содержание работы с детьми с целью формирования двуязычия в условиях современной языковой ситуации сообщества, особенности воспитания двуязычного ребенка в условиях работы детского сада и участия семьи. В качестве лекторов по актуальным вопросам языковых методик выступили представители профессуры из Финляндии, Москвы, специалисты и практики из Республики Коми, Карелии. Семинар организовал Коми республиканский институт развития образования при поддержке межрегионального общественного движения «Коми войтыр», Министерства образования, Министерства национальной политики Республики Коми, Сыктывкарского гуманитарно-педагогического колледжа имени И.А. Куратова, Финно-угорской ассоциации авторов учебной книги по родному языку.
20 октября Хельсинки	Вечер финно-угорской музыки в рамках Дней родственных финно-угорских народов был организован Музеем культур, МАФУН, Обществом М.А.Кастрена, группой друзей родственных народов, U-Poorez.
20 октября Все регионы и страны	Всемирный День родственных финно-угорских народов.
22–31 октября Саранск	IX Международный фестиваль театров финно-угорских народов с участием театров из Карелии, Удмуртии, Коми, Марий Эл, Ханты-Мансийского автономного округа, Пермского края, Эстонии, Финляндии. Фестиваль «Майатул» проводится уже на протяжении двадцати лет (раз в два года).

6–8 ноября
Будапешт

В Российском центре науки и культуры состоялось торжественное открытие Дней культур финно-угорских народов. Мероприятие организовано совместно с филиалом ГРДНТ «Финно-угорский культурный центр Российской Федерации» по согласованию Государственного Российского Дома народного творчества и Федерального агентства по делам Содружества Независимых государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество).

В течение двух дней жители и гости столицы Венгрии знакомились с Международной выставкой детского художественного творчества по мотивам легенд, преданий, сказок финно-угорских народов «Завещание предков»; Межрегиональной фотовыставкой финно-угорских фотожурналистов и фотолюбителей «Мы есть и будем»; Коллекцией костюмов Финно-угорского этнокультурного парка Республики Коми. В рамках Дней демонстрировался фильм «Ханты – значит человек», были представлены финно-угорские информационно-справочные материалы.

7–9 ноября
Казань

Международный фестиваль «Финно-угорская музыкальная культура и современный мир». В его рамках прошли: концерты, международная конференция и круглый стол по проблемам национального музыкального образования и воспитания. Обсуждались вопросы изучения инструментального искусства финно-угорских народов, проблемы межкультурного взаимодействия финно-угорских, славянских, тюркских и других народов Татарстана.
Участвовали музыканты, искусствоведы, ученые, преподаватели из Эстонии, Финляндии, Венгрии, Кипра, Москвы, Санкт-Петербурга, Петрозаводска, Ижевска, Йошкар-Олы, Саранска, Чебоксар.
Организаторы фестиваля: Министерство культуры Республики Татарстан и Казанская государственная консерватория (академия) имени Н.Г. Жиганова.

8–30 ноября
Башкортостан

VIII Международный фестиваль культуры и искусства финно-угорских народов «Самоцветы Прикамья». Участвовали творческие коллективы, музыкальные, вокальные, танцевальные ансамбли, солисты, мастера декоративно-прикладного творчества Республики Башкортостан, Ханты-Мансийского автономного округа и Пермского края. Организаторами фестиваля выступили Министерство культуры, Дом дружбы народов, Республиканский центр народного творчества, Ассоциация финно-угорских народов Республики Башкортостан.

9 ноября
Москва

В Общественной палате РФ проведено заседание круглого стола «Финно-угорское молодежное движение: деятельность и парт-

	нерство во благо народов в условиях глобализации» с участием активистов МАФУН, представителей молодежных национально-культурных организаций, ученых и представителей СМИ.
14 ноября Сыктывкар, 16 ноября Ханты-Мансийск, 23 ноября Йошкар-Ола, 26 ноября Ижевск	Концерты Международного фестиваля искусств и народного творчества «Финно-угорский транзит: родственные встречи». Фестиваль искусств и народного творчества – долгосрочный проект Государственного Российского Дома народного творчества и его филиала Финно-угорского культурного центра Российской Федерации проходил при поддержке Министерства культуры Российской Федерации. Основная цель Фестиваля – сохранение культурного наследия финно-угорских и самодийских народов России, формирование единого культурного и информационного пространства.
23 ноября Ижевск 2012».	Общественная организация марийцев «Ижевск Мари» провела открытый городской фестиваль «Финноугория. Ижевск – дом». Праздник прошел в центре русской культуры «Русский Всего на фестивале выступили 12 коллективов и 149 участников. В рамках фестиваля состоялась выставка мастеров декоративно-прикладного и художественного творчества. Партнерами «Ижевск Мари» выступили ижевское отделение Всеудмуртской ассоциации «Удмурт Кенеш», Общество мордовского народа Удмуртии «Умарина», Общество бесермянского народа при содействии администрации г. Ижевска.
29 ноября Москва	Третья сессия международной школы общественной дипломатии финно-угорских народов «Гуманитарное сотрудничество, коренные народы и общественная дипломатия». Перед слушателями выступали эксперты из Администрации Президента России, Государственной Думы, Министерства иностранных дел, Организации Объединенных Наций и Венгерского культурного центра в Москве. Проект осуществляется молодежной организацией «Nuori Karjala» («Молодая Карелия») при поддержке Фонда поддержки публичной дипломатии им. А.М. Горчакова и Консультативного комитета финно-угорских народов.
30 ноября – 1 декабря Сыктывкар	Международный форум, посвященный 20-летию I Всемирного Конгресса финно-угорских народов. Участниками форума были активисты финно-угорского движения из Венгрии, Эстонии, Финляндии, Норвегии и регионов России – Марий Эл, Мордовии, Удмуртии, Карелии, Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, Коми-Пермяцкого округа Пермского края, Ямало-Ненецкого и Ненецкого автономных округов, Ленинградской и Тверской областей, представители тверских карел, ижоры, води и ингерманландских финнов.

1–2 декабря Село Ыб Сыктывдинского района Республика Коми	Международный форум финно-угорской молодёжи «FUROR». На форуме обсуждались темы: «Популяризация финно-угорских языков через призму креативных подходов их использования в повседневной жизни», «Финно-угорская молодёжь и взаимодействие с региональными органами власти», «Системная поддержка промышленными предприятиями коренных народов». В рамках культурной программы проведены танцевальный флешмоб «Чики-чок!», мастер-класс финно-угорской кухни «Варов пань», гала-концерт, республиканский конкурс среди коми девушек «Райда-2012». Организаторы форума: Министерство национальной политики Республики Коми, ГАУ РК «Финно-угорский этнокультурный парк», Межрегиональное общественное движение «Коми войтыр», РОО «Союз коми молодёжи «МИ», МАУК «Центр коми культуры г.Сыктывкар», филиал ГРДНТ «Финно-угорский культурный центр Российской Федерации».

ХРОНИКА НАУЧНОЙ И КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ ФИННО-УГОРСКИХ НАРОДОВ ЗА 2013 ГОД

31 января– 2 февраля Ханты-Мансийск	Форум Международной молодежной ассоциации финно-угорских народов – МАФУН. В нем приняли участие представители из Финляндии, Эстонии, Югры, Мордовии, Башкортостана, Марий Эл, Коми, Удмуртской Республики, Ямало-Ненецкого автономного округа, Пермского края и других регионов России. В рамках форума состоялось заседание Правления МАФУН по вопросу о стратегии развития ассоциации, круглый стол Общественной палаты Югры на тему «Молодёжный потенциал финно-угорских народов: опыт, взаимодействие и перспективы развития».
Начало января Финляндия	По финскому телеканалу Yle начался показ многосерийного фильма «30 дней с финно-угорскими народами». Ведущий – Вилле Хаапасало, во время съемок побывавший в Марий Эл, Удмуртии, Мордовии, Коми и Ханты-Мансийском автономном округе.
6–7 февраля Москва	Заседание координаторов Консультативного Комитета финно-угорских народов. Вел заседание председатель комитета, первый заместитель Председателя Государственного Совета Республики Коми Валерий Марков.
15 февраля Москва	В библиотеке имени Некрасова состоялась церемония открытия долгосрочной целевой международной и межрегиональной программы «Финно-угорский мир», в которой поставлена цель дать импульс к развитию интереса, возрождению и поддержанию языков и культур коренных народов России.
Январь–декабрь Эстония	2013 год в Эстонии объявлен годом культурного наследия. В течение 12 месяцев большое внимание в стране было уде-

	лено культуре родственных финно-угорских народов. Целью тематического года являлось знакомство с культурным наследием широкой общественности.
1 марта	Стартовала международная программа «Культурная столица финно-угорского мира», учредителем и организатором, которой является Молодежная ассоциация финно-угорских народов (МАФУН). Программа нацелена на поощрение действий общественности и органов местного самоуправления по укреплению идентичности, сплоченности, имиджа финно-угорских народов в местах их традиционного проживания и на международном уровне. Звание «Культурная столица финно-угорского мира» даёт возможность его носителю позиционировать себя в качестве символического культурного сердца финно-угорского движения и пользоваться всеобъемлющей поддержкой и одобрением Молодёжной ассоциации финно-угорских народов и финно-угорского мира в целом, в течение календарного года, с 1 января 2014 года.
21 марта Саранск	II Международный конкурс «Мисс студенчества Финно-Угрии». Титул завоевала студентка Марийского государственного университета Виктория Воронцова.
22 марта Москва	В Посольстве Финляндии состоялась церемония награждения Обществом М. А. Кастрена победителей музыкального конкурса из Удмуртии, Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, Карелии, Мордовии. В конкурсе приняли участие 41 сочинитель слов и музыки, и исполнители песни из 7 регионов России.
22–23 марта Ижевск	I Международный этнофутуристический фестиваль видеоарта финно-угорского мира «Жон-Жон». В фестивальную программу были представлены работы из Удмуртии, Мордовии, Эстонии, Венгрии, Хорватии. Организаторы Фестиваля: Региональная республиканская общественная организация «Творческое объединение "Ижкар"», газета «Известия Удмуртской Республики», Туристический центр «Мумы дор», Общество мордовского народа «Умарина», Информационно-культурный центр Якшур-Бодьинского района, Народное этнофутуристическое объединение «Тӧдьы юсь», Творческая группа «Эмноюмно» Удмуртской Республики.
31 марта – 2 апреля Сыктывкар	Семинар «Финно-угорское сотрудничество: расширение границ», посвящённый 20-летию межрегионального тележурнала «Финно-угорский мир» с участием региональных представителей филиалов Всероссийской государственной телерадиокомпании из Марий Эл, Удмуртии, Мордовии, Карелии, Коми-Пермяцкого округа Пермского края. На пленарном и выездном заседаниях обсудили

итоги 20-летней работы, планы на 2013 год и определили приоритетные направления дальнейшего сотрудничества. Организатор семинара – филиал ВГТРК ГТРК «Коми гор». Мероприятие проводилось при поддержке Ассоциации финно-угорских народов Российской Федерации, филиала ГРДНТ «Финно-угорский культурный центр Российской Федерации», Министерства национальной политики Республики Коми.

Программа «Финно-угорский мир» – единственный тележурнал о жизни и самобытной культуре финно-угорских народов, проживающих на территории Российской Федерации, – существует с 1993 года. Центр формирования, записи, монтажа и тиражирования тележурнала– ГТРК «Коми гор» (г. Сыктывкар). Сюжеты присылаются координаторами из регионов: представителями филиалов ВГТРК ГТРК «Коми гор», «Карелия», «Мордовия», «Удмуртия», «Югория», «Марий Эл», ТО ГТРК «Пермь» в г. Кудымкаре. С 2013 г. тележурнал «Финно-угорский мир» размещается на сайте www.komigor.com. Председатель Совета координаторов тележурнала – Ольга Савенко, начальник службы тематического вещания ГТРК «Коми гор». Трансляция программы идет на федеральном телеканале «Россия 1». Программа доступна телезрителям девяти регионов России, включая часть районов Кировской области и Башкортостана.

6–7 апреля
Воркута
III Международный турнир финно-угорских народов по греко-римской борьбе среди юношей.

12–13 апреля
Ханты-Мансийск
Межрегиональная конференция «Нематериальное наследие финно-угорских народов как объект сохранения» с участием руководителей учреждений культуры народного творчества и культурно-досуговой деятельности из Коми, Марий Эл, Карелии, Удмуртии, Пермского края, Ненецкого, Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов, Москвы и Санкт-Петербурга. Организаторами конференции были Департамент культуры Ханты-Мансийского автономного округа – Югры.

31 мая
Йошкар-Ола
На заседании совета ООД «Ассоциация финно-угорских народов России» (АФУН РФ) приняли участие представители 19 финно-угорских народов России из 11 регионов страны. Среди них были представители региональных органов власти, высших, средних и общеобразовательных учебных заведений, члены общественных организаций, студенты, журналисты. С докладом «Об опыте работы Республики Марий Эл по сохранению и развитию в молодежной среде марийского языка, этнокультуры и национальных традиций» выступил заместитель председателя Ассоциации фин-

но-угорских народов России, заместитель Председателя Правительства, Министр культуры, печати и по делам национальностей Республики Марий Эл Михаил Васютин. Совет принял решение, что следующий съезд АФУН будет проведен 26–29 сентября в Саранске. Определены квоты присутствия на съезде делегатов и наблюдателей. Народы численностью до 50 тысяч человек на съезде могут быть представлены тремя делегатами и 2 наблюдателями. Если численность народа от 50 до 100 тысяч, то – 5 делегатами и 3 наблюдателями. Для народов. насчитывающих более 100 тысяч человек. за каждые последующие 50 тысяч прибавляется 1 делегат и 1 наблюдатель. В расчет будет приниматься численность народа по официальным данным Всероссийской переписи населения 2010 года. От федеральных органов власти в заседании принял участие директор Департамента государственной политики в сфере межнациональных отношений Министерства регионального развития Российской Федерации Александр Журавский.

25–27 апреля
Йошкар-Ола — I Международный финно-угорский студенческий форум «Развитие студенческих сообществ в современных условиях». В его работе приняли участие представители Сыктывкарского, Удмуртского, Марийского, Мордовского государственных университетов и Коми республиканской академии государственной службы и управления. Работа форума проходила в нескольких секциях: «История и культура финно-угорских народов: прошлое, настоящее, будущее. Студенческое патриотическое движение», «Финно-угорский мир как единое научно-информационное пространство», «Формы студенческого самоуправления финно-угорских университетов: опыт и пути сближения», «Волонтерские и оздоровительные проекты молодежи», «Студенческая субкультура». Были организованы мастер-классы «Танцы финно-угорских народов», «Декоративно-прикладное искусство Финно-Угрии», «Игры финно-угорских народов».

26 апреля
Йошкар-Ола — Учредительное собрание по созданию Ассоциации студентов финно-угорских университетов (АСФУУ). Был принят устав ассоциации. Председателем АСФУУ избран студент ИФУ МарГУ Владимир Аптулаев.

26 апреля
Йошкар-Ола — Заседание Ассоциации финно-угорских университетов на тему «Финно-угорский компонент в воспитательной системе вуза» на базе Марийского государственного университета.

29 апреля –
18 мая
Санкт-Петербург — В Российской Национальной библиотеке открылась выставка современного искусства и народного творчества финно-угорских народов «Финно-угорский мир России», организованная

	Представительством Республики Коми в СЗФО. Выставка «Финно-угорский мир России» – «пилотный» проект Российской национальной библиотеки «Люблю тебя моя Россия». Выставка рассказывает о самобытной культуре, народном искусстве и природе сразу нескольких финно-угорских регионов России – Республики Коми, Республики Марий Эл, Ленинградской области.
6–8 мая Сыктывкар	XXIX Международная конференция студентов и молодых исследователей финно-угроведов IFUSCO. Приняло участие 190 молодых представителей из Коми, Карелии, Марий Эл, Мордовии, Удмуртии, Башкортостана, Санкт-Петербурга и Кировской области, Венгрии, Финляндии, Эстонии, Великобритании, Германии, Нидерландов, Польши. Доклады прозвучали на 12 языках: русском, коми, эрзянском, английском, удмуртском, финском, венгерском, вепсском, карельском, марийском, коми-пермяцком, эстонском. Организаторами конференции выступили Министерство национальной политики Республики Коми, Коми республиканская академия государственной службы и управления, Сыктывкарский государственный университет, Сыктывкарский лесной институт, Коми государственный педагогический институт.
17–19 мая Саранск	III Межрегиональный фестиваль финно-угорского танца «Кштима». Свое искусство продемонстрировали танцоры из Карелии, Марий Эл, Мордовии, Удмуртии, Нижегородской, Пензенской, Самарской, Ульяновской областей, Республики Коми и Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. Всего в этом конкурсе приняли участие 300 исполнителей, 120 из них представляли 6 регионов Российской Федерации: Республику Коми, Республику Марий Эл, Ханты-Мансийский автономный округ – Югру, Пензенскую, Самарскую, Ульяновскую области. Организаторы: Министерство культуры и туризма, Министерство по национальной политике Республики Мордовия и Ассоциация финно-угорских народов РФ.
31 мая – 2 июня Сыктывкар	Всероссийский детский фестиваль-конкурс национальных культур «Венок дружбы». В фестивале приняло участие около 40 детских творческих коллективов и солистов. Помимо юных артистов из городов и районов Республики Коми, финно-угорские территории были представлены коллективами из Республики Марий Эл и Коми-Пермяцкого округа Пермского края.
10 июня Сыктывкар	Заседание секретариата Российской ассоциации финно-угорских журналистов (РАФУЖ), приуроченное к празднованию 95-летия со дня выхода первой газеты «Коми му». Во встрече приняли

	участие представители национальных средств массовой информации из Ханты-Мансийска, Марий Эл, Удмуртии.
11–13 июня Петрозаводск	IV международный фестиваль хореографии финно-угорских народов имени Виолы Мальми «Пляска зовёт». В этом году на фестиваль впервые прибыли участники из Прибалтики и Беларуси, Коми-Пермяцкого округа и Республики Марий Эл.
14–19 июня Петрозаводск	Семинар Российско-Финляндского проекта по обучению представителей финно-угорских общественных организаций «Роль общественных организаций в сохранении финно-угорских языков и культур». 30 участников из финно-угорских регионов России и Финляндии работали в трех секциях: «Национальные языки». «Менеджмент и проекты, посвященные экономике». «Средства массовой коммуникации (в том числе современные культурные проекты)». Проект направлен на привлечение и обучение активных общественных деятелей финно-угорского движения и является продолжением финляндско-российских проектов, осуществленных в сотрудничестве с обществом «Финляндия-Россия» и российских партнеров. План проекта разработан на 2013–2016 годы. Ежегодно обучение проходит около 30 участников из Российской Федерации и Финляндии. Приоритетная тематика в 2013 году – сохранение языка и культуры в городской среде: малочисленные финно-угорские народы, диаспора, социально-экономическое развитие сельской местности; инновационные, современные формы культуры; брендинг финно-угорских народов, привлечение интереса других народов.
Июнь Ижевск	В Удмуртском государственном университете выпустили первый в 2013 году «Ежегодник финно-угорских исследований». В Ежегоднике представлены статьи и материалы, посвященные проблемам социально-экономического, духовно-нравственного и культурного развития финно-угорских народов, опыту разработки инновационно-гуманитарных технологий, направленных на внедрение их в общественную практику, в процессы обучения и воспитания. «Ежегодник финно-угорских исследований» выходит в свет с 2007 года под научной редакцией Н.И.Леонова, редакторы-составители А. В. Ишмуратов и Р. В. Кириллова, сообщил «Финно-Угорский мир». С 2010 года сборник выходит четыре раза в год.
27 июня -3 июля с. Алнаши Удмуртия	Международный финно-угорский этно-экологический лагерь. Участвовали дети из Удмуртии, Финляндии, Венгрии, Франции, Германии. Преподаватели Центра декоративно-прикладного искусства Дома детского творчества проводили мастер-клас-

	сы, экспедиции, круглые столы, тренинги, индивидуальные консультации, читали лекции.
29–30 июня пос. Устье Видлицы Олонецкий район Карелия	Фестиваль гиревого спорта среди представителей финно-угорских народов принял около 50 участников из Санкт-Петербурга, Коми, Марий Эл, Архангельска, Ленинградской области и Карелии.В местной администрации планируют сделать состязания традиционными.
19–20 июля с. Пешнигорт Кудымкарского района Пермского края	V Межрегиональный праздник обрядовых культур финно-угорских народов «Чудный карнавал 2013 г». 16 ансамблей, представляющих Республику Коми, Удмуртию, Марий Эл, Ненецкий автономный округ, г.Кудымкар и все районы Коми-Пермяцкого округа презентовали концертные номера и национальные обряды своих народов. Работали интерактивные площадки, на которых происходило обучение на пэлянах, национальным играм, изготовление тату в зверином стиле, дегустация блюд коми-пермяцкой кухни, посещение театрализованной экскурсии на Проня-ключ. Праздник был организован Министерством по делам Коми-Пермяцкого округа, Министерством культуры, молодежной политики и массовых коммуникаций Пермского края, администрацией Кудымкарского района, Коми-Пермяцким этнокультурным центром при поддержке Администрации губернатора Пермского края.
Май-август Сыктывкар	В Коми республиканской Академии госслужбы и управления проводился набор в магистратуру по новой образовательной программе «Зарубежное регионоведение» с профилем финно-угорские регионы и страны.
5–8 августа Хельсинки	XI Конгресс Молодёжной ассоциации финно-угорских народов. Всего на Конгресс из финно-угорских регионов России, Финляндии, Венгрии и Эстонии прибыли более 100 делегатов, наблюдателей и членов Совета старейшин. Участники Конгресса обсудили вопросы организационной реформы МАФУН, проекта стратегии его развития, подвели итоги конкурса «Культурная столица финно-угорского мира-2014». Победителем стала д. Ст. Быги Шарканского района Удмуртской Республики. Председатель и члены Правления представили отчёт о деятельности МАФУН за 2011–2013 гг., координаторы от регионов-участников выступили с сообщениями о проделанной работе на местах. Сформирован новый состав Правления, президентом стал представитель комитета родственных народов Студенческого союза Хельсинкского университета Сампса Холопайнен. Организаторами XI Конгресса были Комитет поддержки род-

	ственных народов студенческого союза Хельсинского университета и организация «Друзья родственных народов», а также общество «Сиула».
24–25 августа с. Ыб Коми	На мультифестивале «Ыбица» в Финно-угорском этнокультурном парке выступили творческие коллективы из Мурманской области, Удмуртии, Мордовии и музыканты из Коми.
9–13 сентября Сыктывкар	Международный фестиваль визуальных искусств финно-угорских народов «Туйвеж» («Перекрёсток») проводился в рамках Года спорта и охраны окружающей среды. Участвовали любители и профессионалы, снявшие короткометражные фильмы, затрагивающие финно-угорскую тематику. Организаторы – автономное учреждение «Комикиновидеопрокат» при поддержке Министерства культуры и Министерства национальной политики Республики Коми.
23–24 сентября Нижний Новгород	XIV Российско-Финляндский культурный форум «Новые вызовы культуры». В рамках форума проводились партнёрские переговоры по проектам, тематические акции-семинары по библиотечному делу, молодёжной теме, туризму, истории и музейному делу, визуальному искусству и др. С начала реализации международного проекта (2000 г.) российскими и финскими партнерами реализовано более 700 совместных проектов по направлениям: народная культура, музыкальное искусство, художественное творчество, музейная деятельность, театральное искусство, библиотечное обслуживание и туризм. В совместных проектах только с российской стороны было задействовано более 450 учреждений и организаций культуры и искусства. Около 6 тыс. работников учреждений культуры, творческих деятелей стали участниками мероприятий, состоявшихся в рамках этих проектов. За 12 лет в ежегодных форумах приняло участие 3243 работника культуры, было выдвинуто 1674 проекта, в обсуждении которых участвовали 1744 партнера. Более 500 российско-финляндских партнерских проектов реализовано, причем, часть из них продолжает успешно действовать и в настоящее время.
26–28 сентября Саранск	V съезд финно-угорских народов Российской Федерации. Тема съезда – «Финно-угорские народы России и сохранение стабильности многонационального Российского государства». Присутствовало 214 делегатов, 96 наблюдателей, 25 гостей и журналистов из 43 регионов России, представители Венгрии и Финляндии. Председатель АФУН РФ Пётр Тултаев представил отчёт о четырехлетней работе Ассоциации. Выступления членов

	региональных отделений Ассоциации были на родных языках. Второй день Съезда был посвящён работе секций: «Язык. Наука. Образование», «Культура. Литература. Современные информационные технологии», «Здоровье. Демография. Семья». Был проведен кругый стол по проблемам молодежи «Глобализация. Идентичность. Традиция». Рекомендации, выработанные в ходе секционных обсуждений, были поданы для включения в итоговую Резолюцию Съезда. На заключительном пленарном заседании были озвучены выявленные проблемы и предложения. Избрали новый состав Совета, Ревизионной комиссии, Президиума. Председателем Ассоциации вновь был избран Пётр Тултаев.
27 сентября Саранск	Очередное заседание ассоциации финно-угорских университетов. Темой заседания руководителей этих вузов стало обсуждение роли финно-угорских университетов в развитии национальной культуры. Вел заседание председатель ассоциации, ректор Мордовского госуниверситета имени Н.П.Огарева Сергей Вдовин. На заседании в Саранске членом ассоциации также стала Коми республиканская академия государственной службы и управления. В ассоциацию вошли 10 финно-угорских вузов, из которых три зарубежных из Западной Венгрии, Восточной Финляндии и Эстонии.
28 сентября г. Абакан Хакасия	Международная научная конференция «Уральские и алтайские языки и народы: сопоставительно-типологический взгляд». Научный форум был приурочен к 200-летию со дня рождения одного из основоположников финно-угроведения финского лингвиста Матиаса Александра Кастрена. Организаторами конференции выступили Хакасский госуниверситет, Гуманитарный институт саяно-алтайской тюркологии и Министерство образования и науки РФ.
Сентябрь Хельсинки.	Первый финско-удмуртский словарь вышел в Хельсинки. Словарь насчитывает около 15 тысяч слов. В 2008 году в Турку был издан удмуртско-финский словарь.
Сентябрь Сыктывкар	Издан справочник «Финно-угорские и самодийские народы в этнокультурном многообразии России» о народах уральской языковой семьи. Филиал ГРДНТ «Финно-угорский культурный центр Российской Федерации» выпустил справочник при поддержке Министерства культуры Российской Федерации и Государственного Российского Дома народного творчества.
26 октября Тверь	В библиотеке им. Горького состоялся День финно-угорских народов в Твери «Литературная Финно-Угория». Праздник прошел в пятый раз.

27 сентября Саранск	На гала-концерте Международного фестиваля искусств и народного творчества «Финно-угорский транзит: родственные встречи» выступали артисты из Мордовии, Марий Эл, Удмуртии, Коми, Ханты-Мансийского и Ненецкого автономных округов, Коми-Пермяцкого округа Пермского края, Тюменской области и из Эстонии. Лейтмотивом концерта стала тема родства и семьи. Организаторы: Министерство культуры Российской Федерации, Министерство культуры и туризма Республики Мордовия, Государственный Российский Дом народного творчества, филиал ГРДНТ «Финно-угорский культурный центр Российской Федерации», Ассоциация финно-угорских народов Российской Федерации, Дом народного творчества Республики Мордовия, Поволжский центр культур финно-угорских народов. Фестиваль «Финно-угорский транзит» стартовал в 2008 году под названием «Финно-угорский транзит: культура народов».
3–5 октября Йошкар-Ола	I Международный финно-угорский фестиваль народной хореографии. Творческие коллективы из самых разных регионов нашей страны – артисты из Мордовии, Марий Эл, Удмуртии, Коми, Башкортостана, Татарстана, Коми-Пермяцкого округа Пермского края, Ленинградской области, Омской области и из Эстонии с концертными выступлениями побывали в городах Козьмодемьянск, Волжск, Звенигово и поселке Морки. Состоялись мастер-классы по народным танцам финно-угорских народов, творческие встречи. Учредители и организаторы фестиваля: Министерство культуры Российской Федерации, Государственный Российский Дом народного творчества, филиал ГРДНТ «Финно-угорский культурный центр Российской Федерации», Министерство культуры, печати и по делам национальностей, Научно-методический центр народного творчества и культурно-досуговой деятельности Республики Марий Эл.
4 октября Омск	Омский межрегиональный фестиваль культур финно-угорских народов «Финноугория Сибирская-2013. Сплетение корней».
4–6 октября пос. Красное Заполярный район Ненецкого автономного округа	Второй межмуниципальный праздник «Заполярная финно-угория», посвященный Дням родственных финно-угорских народов.
8–11 октября Коми-Пермяцкий округ	Визит Чрезвычайных и Полномочных послов Венгрии, Финляндии и Эстонии в Пермский край. В рамках программы они посетили Учительский дом в с. Антипино и Архангельскую среднюю школу Юсьвинского района, межшкольный стадион и детскую

школу искусств с. Юрла, детско-юношескую спортивную школу олимпийского резерва им. Л.Д. Голева, встретились с представителями общественности округа, осмотрели новое здание Коми-Пермяцкого национального драматического театра, посетили Кудымкарский педагогический колледж, встретились с создателями учебников на коми-пермяцком языке.

12 октября
Москва

В Постоянном представительстве Республики Коми при Президенте Российской Федерации состоялся гала-концерт V Творческого Фестиваля финно-угорской молодежи «Нас подружила Москва», который в этом году был посвящен Республике Коми.

14 октября
Удмуртия

Международный финно-угорский фестиваль молодежной этнокультуры «Палэзян» проводился в основном в селах Удмуртии, где были концерты, встречи и мастер-классы.

18–19 октября
Петрозаводск

Всероссийский турнир по боксу среди финно-угорских народов. На турнире участвовали боксёры 20 весовых категорий из Санкт-Петербурга, Мурманска, Вологодской области, Республики Коми, Оренбурга, Москвы, Тулы, Пскова и Финляндии.

24–29 октября
Коми

Семинар участников Проекта по обучению представителей финно-угорских общественных организаций «Роль общественных организаций в сохранении финно-угорских языков и культур». Обучались молодежные финно-угорские лидеры из Финляндии, Эстонии, Карелии, Мордовии, ХМАО – Югры, Таймыра, Нижнего Новгорода, Твери, Санкт-Петербурга и Москвы.

28–30 октября
Сыктывкар

III международная научная конференция финно-угорских народов. «Родной язык в современных условиях двуязычия». Опытом развития и интеграции в общество родных языков на секциях и круглых столах в течение трех дней поделились 170 участников из Коми, представители 38 российских регионов, ученые и общественники из Венгрии, Эстонии и Финляндии.
Участники конференции работали в четырех секциях, в трех круглых столах.
Организаторами конференции выступают Государственный Совет, Министерство образования, Министерство национальной политики Республики Коми, филиал ГРДНТ «Финно-угорский культурный центр Российской Федерации», Коми республиканская академия государственной службы и управления, Межрегиональное общественное движение «Коми войтыр».

1–2 ноября Санкт-Петербург	Семинар для руководителей самодеятельных финно-угорских творческих коллективов Ленинградской области и Северо-Западного федерального округа провел Ленинградское областное бюджетное учреждение культуры «Учебно-методический центр культуры и искусства».
19–20 ноября Салехард	Дни встреч родственных финно-угорских народов, проживающих в столице и Приуральском районе Ямало-Ненецкого автономного округа.
21–23 ноября Йошкар-Ола	II Открытый межрегиональный фестиваль-конкурс исполнителей национальной эстрадной песни финно-угорских народов «Ший памаш» («Серебряный родник») выявил победителей из 17 участников – солистов и 10 ансамблей из Республики Башкортостан. Удмуртской Республики, Ханты-Мансийского автономного округа, Республики Марий Эл. Организаторы мероприятия – Министерство культуры Российской Федерации, Государственный Российский Дом народного творчества, Финно-угорский культурный центр Российской Федерации, Министерство культуры, печати и по делам национальностей, Республиканский научно-методический центр народного творчества и культурно-досуговой деятельности, Союз композиторов Республики Марий Эл.
27–29 ноября Салехард	XII Конгресс финно-угорских писателей, посвященный детской литературе. В Конгрессе приняли участие более 60 делегатов из Финляндии, Венгрии, Эстонии, Франции и восьми регионов России – Коми, Карелии, Марий Эл, Удмуртии, Пермского края, Ханты-Мансийского и Ненецкого автономных округов. Ямал на мероприятии представляли 28 писателей и поэтов из Нового Уренгоя, Лабытнанога, Салехарда, Надыма, Шурышкарского, Пуровского, Тазовского, Приуральского, Надымского, Красноселькупского и Ямальского районов. Писатели провели пленарные заседания и участвовали в работе нескольких секций. Новым президентом Ассоциации финно-угорских литератур (AFUL) стал профессор университета города Сомбатхей, поэт Янош Пустаи. Конгресс поддержал идею создания электронной детской финно-угорской библиотеки. Министерству образования РФ рекомендовано включить в базисный учебный план обязательное изучение национальных языков на начальном уровне в регионах компактного проживания финно-угорских народов.
Ноябрь Тюменская область	Дни культуры, посвященные финно-угорским и самодийским народам. В Тюменской области проживает более 100 тысяч человек финно-угорских народов, объединенные родством языков – это эрзяне

и мокшане, марийцы, ханты, манси, удмурты и другие.

29 ноября – 1 декабря Сыктывкар

III Открытый турнир по настольному теннису финно-угорских народов Российской Федерации собрал спортсменов из Коми, Марий Эл, Удмуртии, Мордовии, Ямало-Ненецкого автономного округа, Коми-Пермяцкого округа Пермского края и Кировской области. Организаторы турнира: Международный консультативный комитет финно-угорских народов, Объединенная федерация тенниса Республики Коми, Агентство Республики Коми по физической культуре, спорту и туризму, ГАУ РК «Центр спортмероприятий и пропаганды физической культуры и спорта».

Декабрь Саранск

Подведены итоги I фестиваля финно-угорских документальных фильмов «Финноугория». Были показаны 18 работ, созданных профессиональными и самодеятельными российскими и финскими кинематографистами, посвящённые теме сохранения национальных традиций.

2 декабря Финляндия

На финском канале Yle начали выходить новости на саамском языке. Новости сопровождаются финскими субтитрами. В первом выпуске прозвучали 3 диалекта саамского языка. В Хельсинки открылись языковые курсы северосаамского языка для детей из саамских и смешанных семей, проживающих в Хельсинки.

13–14 декабря Сыктывкар

II Международный Форум финно-угорской молодежи «FUROR-2013» собрал более 60 участников из городов и районов Республики Коми, Марий Эл, Удмуртии и Пермского края. Участники работали на двух заседаниях: «Роль и значимость деятельности молодежи в мировом финно-угорском сообществе» и «Сохранение традиционной культуры финно-угорских народов в условиях современного общества». Организаторами форума выступили: Министерство национальной политики Республики Коми, РОО «Союз коми молодёжи «МИ», Межрегиональное общественное движение «Коми войтыр», Центр коми культуры г. Сыктывкара, Этнокультурный парк «Финноугория».

Игорь Садовин
Йошкар-Ола

«Финно-угроведение», 2014, № 1

ПАМЯТИ ЮРИЯ АЛЕКСЕЕВИЧА КАЛИЕВА



23 апреля 2014 года в г. Бирске скончался известный марийский общественный деятель, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и социально-экономических наук Бирского филиала Башкирского государственного университета Юрий Алексеевич Калиев.

Ю.А. Калиев родился 16 января 1957 года в деревне Чебыково (Нерге) Мишкинского района Башкирской АССР. Окончил Чебыковскую восьмилетнюю. Мишкинскую среднюю (1974) школы. В 1975–1977 годах служил в армии. С 1978–1983 годы обучался на отделении история историко-филологического факультета МарГУ. Свою преподавательскую деятельность начал в МГПИ ассистентом в 1983 году. С 1986 по 1989 г. учился в аспирантуре при кафедре философии Московского Педагогического института им. Ленина. В 1989 году защитил кандидатскую диссертацию «Основной социологический закон и его значение в развитии общества». С 1989 по 2003 год работал в МГПИ старшим преподавателем, доцентом. В 2004 году защитил докторскую диссертацию «Этнокультурный статус мифологического сознания: феноменология традиционного мировосприятия». С 2003 года работал в Бирском педагогическом институте, где читал курс лекций по философии, философии науки, современной западной философии. Основными научными направлениями Ю.А. Калиева были феноменология традиционных форм сознания, философия языка, философия мира, философия язычества. Наиболее значительными результатами его научных изысканий являются: разработка философской терминологии на марийском языке; раскрытие образно-символической картины астральной мифологии финно-угорских народов; воссоздание целостной мифологической модели мира марийцев; выяснение исторического, социального и религиозно-мифологического содержания культа «керемета» у марийцев. Во время преподавания в МарГУ он читал курс философии на марийском языке.

Ю.А. Калиев написал более 200 научных, научно-методических работ по философии, культурологи, этнологии, методике преподавания, в том числе 6

монографий. Любое его исследование отличается использованием широкого круга источников, научной глубиной и всесторонним анализом. Для него была характерна научная скрупулезность в исследовательской работе, любое дело было ему по плечу. Ю.А. Калиев никогда не был равнодушен к происходящим делам, выступал за сохранение и развитие марийской культуры, высказывал свою точку зрения по насущным научным вопросам, убедительно отстаивал свою точку зрения по различным проблемам, участвовал и в общественно-демократическом движении марийцев. В марте этого года он принимал участие в работе Марийского форума в Йошкар-Оле.

Ю.А. Калиев награжден Почетной грамотой Министерства образования Российской Федерации и Почетной грамотой Правительства Республики Марий Эл.

Марийское научное сообщество понесло невосполнимую утрату. Ушел из жизни одаренный и талантливый ученый, философ, педагог и общественный деятель. Светлая память о Юрие Алексеевиче Калиеве навсегда останется в наших сердцах. Редколлегия журнала выражает свое соболезнование родным и близким.

Редколлегия журнала «Финно-угроведение»

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Акшиков Александр Геннадьевич – старший научный сотрудник отдела истории МарНИИЯЛИ

Горшнова Наталья Васильевна – научный сотрудник сектора литературоведения ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН

Григорьева Людмила Яковлевна – кандидат филологических наук, ученый секретарь МарНИИЯЛИ

Ерошкин Юрий Витальевич – научный сотрудник отдела истории МарНИИЯЛИ

Куклина Эльвира Викторовна – журналист, марийский блоггер

Лаврентьев Гурий Иванович – доктор филологических наук, профессор

Мамаева Майя Николаевна – кандидат искусствоведения, ведущий научный сотрудник отдела этнологии МарНИИЯЛИ

Миннияхметова Татьяна Гильмияхметовна – доктор философии, профессор Института истории и этнологии г. Инсбрука (Австрия)

Молотова Тамара Лаврентьевна – кандидат исторических наук, заведующая отделом этнологии МарНИИЯЛИ

Ракин Анатолий Николаевич – доктор филологических наук, главный научный сотрудник ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН

Садовин Игорь Геннадьевич – начальник отдела межнациональных отношений Министерства культуры, печати и по делам национальностей Республики Марий Эл

Сажина Светлана Александровна – кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора языка ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН

Сергеев Олег Арсентьевич – кандидат филологических наук, заведующий отделом языка МарНИИЯЛИ

Требушкова Ольга Анатольевна – заведующая отделом истории Национального музея Республики Марий Эл им. Т.Е.Евсеева

Эрцикова Галина Алексеевна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела языка МарНИИЯЛИ

Харитонова Анастасия Михайловна – кандидат филологических наук, доцент ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный университет им. Н.П.Огарева»

Цыпанов Евгений Александрович – доктор филологических наук, доцент, заместитель директора ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН

CONTENTS

ARTICLE

Rakin A.N. Genesis of fishing vocabulary in the Komi language 3

Tsypanov Ye.A. Pluralia tantum nouns and matching them in the Finno-Ugric languages 13

Gorinova N.V. Small forms of drama in G. Yushkov's creation of 1990s. 21

REPORTS

Ertsikova G.A. Particles of Turkic origin in Mari dialects 33

Mamayeva M.N. Subjects, motives and images of recruiting songs: recruiting songs-notifications 42

Akshikov A.G. Ethnolinguistic antimony of Mari epigraphic of XIX–XX centuries 52

PERSONALS

Lavrentyev G.I. Mentor of philologists-Mari linguists (the 100th anniversary of N.T. Pengitov)..... 57

Sazhina S.A. To T.I. Zhilina's anniversary 60

Trebushkova O.A. To the anniversary of Anatoliy Stepanovich Patrushev 64

Mimiyahmetova T.G. Lyudmila Stepanovna Khristolyubova is 75 69

SURVEYS AND REVIEWS

Molotova T.L. Rev.: Chernykh A.V., Goleva T.G., Shchukina R.I. Maris of Perm edge: essays on the history and ethnography. 2nd ed., rev. and add. – Perm: FROM and TO, 2013. – 530 p.: il. 73

Yeroshkin Yu.V. Rev.: Turubanov A.N. The building complex of the Republic of Komi in the XX century: Monograph / A.N. Turubanov; num. ed. V.I. Korotayev. – Syktyvkar, 2012. – 267 p. 79

Sergeyev O.A. Rev.: Mustayev Ye.N. Comparative linguistics: Russian and Mari languages: Tutorial. – Yoshkar-Ola: MariSU, 2013. – 396 p. 82

Grigoryeva L.Ya. Rev.: Gavrilova V.G. Mari-Russian bilingualism: switching and mixing codes. – Yoshkar-Ola: Mari State University, 2014. – 212 p..... 85

Kharitonova A.M. Terminology system of eastern Finno-Ugric languages: current status, problems and prospects: proceedings of regional scientific-practical conference dedicated to P.S. Shishkanov / ed. board:. M.V. Mosin (ed.) (and others). – Saransk: Publisher of University of Mordovia, 2013. – 116 p. 89

CHRONICLE

Kuklina E.V. 10th anniversary of Mari cultural center in Perm and activities related to the anniversary date..... 94

Sadovin I.G. Chronicle of scientific and cultural life of the Finno-Ugric people for 2012–2013 98

To the memory of Juriy Alekseyevich Kaliyev 123

Informations about the authors 125

«Финно-угроведение», 2014, № 1

Научный журнал
Основан в феврале 1994 года

Свидетельство о регистрации ПИ № 77–5360

Литературный редактор номера *Н.И.Сазонов*
Компьютерная верстка *З.Г. Воронцовой*
Обложка художника *Ю.П. Клюкина*
Английский текст *Э.И. Пекшеевой*

Адрес редакции: 424036, г. Йошкар-Ола,
ул. Красноармейская, 44
Телефон: 64-19-28, 45-39-94
т. факс (8362) 45-14-73
E-mail: marnii@mari-el.ru

Подписано в печать 15.06.2014. Формат 70x100/16.
Усл.п.л.10, 32. Тираж 300 экз. Заказ № 2057.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО ИПФ «СТРИНГ»
424006, РМЭ, г. Йошкар-Ола, ул. Строителей, 95.